

ISSN 2949-5156 (print)
ISSN 2949-5164 (online)

**ПРО
СВЕТ**
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ПРОСВЕЩЕНИЯ

Вестник

ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ПРОСВЕЩЕНИЯ

Серия

**История
и политические
науки**

Тема номера:
ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА
В ПРОСТРАНСТВЕ АКТУАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ
И ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

2025 / №6

ВЕСТНИК
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА ПРОСВЕЩЕНИЯ

ISSN 2949-5156 (print)

2025 / № 6

ISSN 2949-5164 (online)

серия

ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Название журнала до сентября 2023 г.: Вестник Московского государственного
областного университета. Серия: История и политические науки

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по историческим наукам и политологии: 5.6.1. — Отечественная история (исторические науки); 5.6.2. — Всеобщая история (соответствующего периода) (исторические науки); 5.6.5. — Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки); 5.5.4. — Международные отношения (политические науки)

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) in Historical Sciences and Politology: 5.6.1. — Domestic history (historical sciences); 5.6.2. — Global history (historical sciences); 5.6.5. — Historiography, source-study and methods of historical research (historical sciences); 5.5.4. — International relations (political sciences).

ISSN 2949-5156 (print)

2025 / № 6

ISSN 2949-5164 (online)

series

HISTORY AND POLITICAL SCIENCES

BULLETIN
OF FEDERAL STATE UNIVERSITY
OF EDUCATION

Учредитель журнала
«Вестник Государственного университета просвещения»
Серия: История и политические науки»

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Государственный университет просвещения»

Выходит 5 раз в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Багдасарян В. Э. — д-р ист. наук, проф., Государственный университет просвещения

Заместитель главного редактора:

Волобуев О. В. — д-р ист. наук, проф., Государственный университет просвещения

Ответственный секретарь:

Федорченко С. Н. — д-р полит. наук, доц., Государственный университет просвещения

Члены редакционной коллегии:

Воронин С. А. — д-р ист. наук, проф., Российский университет дружбы народов (г. Москва);

Гайдук В. В. — д-р полит. наук, канд. юрид. наук, проф., Башкирский государственный университет (г. Уфа);

Гонзалез Дж. — доктор наук, Исторический научный центр Рожкова (Австралия);

Журавлев В. В. — д-р ист. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Захаров В. Н. — д-р ист. наук, проф., Институт российской истории Российской академии наук;

Каширина Т. В. — д-р ист. наук, доц., Дипломатическая академия Министерства иностранных дел России (г. Москва);

Ковалев В. А. — д-р полит. наук, проф., Сыктывкарский государственный университет;

Михайловский Ф. А. — д-р ист. наук, проф., Московский городской педагогический университет;

Наталици М. — д-р ист. наук, проф., Университет Сиена (Италия);

Панкратов С. А. — д-р полит. наук, проф., Волгоградский государственный университет;

Саква Р. — доктор наук, профессор, Университет Кент (Соединённое королевство Великобритании и Северной Ирландии);

Смоленский Н. И. — д-р ист. наук, проф., Государственный университет просвещения (научный руководитель журнала);

Сулакшин С. С. — д-р полит. наук, д-р физ.-мат. наук, проф., Центр научной политической мысли и идеологии;

Феофанов К. А. — д-р полит. наук, проф., Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);

Фукс А. Н. — д-р ист. наук, проф., Государственный университет просвещения

Штоль В. В. — д-р полит. наук, проф., Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ) (г. Москва)

ISSN 2949-5156 (print)
ISSN 2949-5164 (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки» — печатное издание, публикующее статьи российских и зарубежных учёных по историографии, источниковедению, истории России, всеобщей истории и политологии.

Журнал адресован российским и зарубежным историкам и политологам, докторантам, аспирантам и всем, интересующимся достижениями исторической и политической науки.

Журнал «Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-73347.

**Индекс серии «История и политические науки»
по Объединённому каталогу «Пресса России» — 40712**

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (www.cyberleninka.ru), а также на сайте журнала (www.istpolitmgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Государственного университета просвещения» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 6. 130 с.

© Государственный университет просвещения, 2025.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д.10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

сайты: www.istpolitmgou.ru; www.journals-gup.ru

**Founder of journal «Bulletin of Federal State University of Education.
Series: History and Political Sciences»
Federal State University of Education**

————— Issued 5 times a year —————

Editorial board

Editor-in-Chief:

V. E. Bagdasaryan – Doctor of Historical Sciences, Prof., Federal State University of Education

Deputy Editor-in-Chief:

O. V. Volobuyev – Doctor of Historical Sciences, Prof., Federal State University of Education

Executive secretary:

S. N. Fedorchenko – Doctor in Politology, Assoc. Prof., Federal State University of Education

Members of Editorial Board:

S. A. Voronin – Doctor of Historical Sciences, Prof., Peoples' Friendship University of Russia (Moscow);

V. V. Gajduk – Doctor of Political Sciences, Ph.D. in Law, Prof., Bashkir State University, Ufa;

J. González – Doctor of Science, Rozhkov Historical Research Centre (Australia);

V. V. Zhuravlev – Doctor of Historical Sciences, Prof., Federal State University of Education;

V. N. Zakharov – Doctor of Historical Sciences, Prof., Institute of Russian History, RAS;

T. V. Kashirina – Doctor of Historical Sciences, Assoc. Prof., Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry (Moscow);

V. A. Kovalyov – Doctor of Political Sciences, Prof., Syktyvkar State University;

F. A. Mikhailovsky – Doctor of Historical Sciences, Prof., Moscow City Pedagogical University;

M. Natalici – Ph.D., Prof., University of Siena (Italy);

S. A. Pankratov – Doctor of Political Science, Prof., Volgograd State University;

R. Sakwa – Ph.D., Prof., University of Kent, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland;

N. I. Smolensky – Doctor of Historical Sciences, Prof., Federal State University of Education (Scientific Consultant of Bulletin)

S. S. Sulakshin – Doctor of Politology, Doctor of Physics and Mathematics, Prof., Center of Scientific Political Thought and Ideology (Moscow);

K.A. Feofanov – Doctor of Political Sciences, Prof., Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow);

A. N. Fuks – Doctor of Historical Sciences, Prof., Federal State University of Education

V. V. Stol' – The Institute of CIS countries (Institute of Diaspora and integration) (Moscow)

ISSN 2949-5156 (print)

ISSN 2949-5164 (online)

The peer-reviewed scientific journal "Bulletin of Federal State University of Education, series: History and Political Sciences" is a printed edition that publishes articles by Russian and foreign scholars on historiography, source study, the history of Russia, world history and political science.

The journal is aimed at Russian and foreign historians and political scientists, doctoral students, postgraduate students and everyone who is interested in the achievements of historical and political science.

The series "History and Political Sciences" of the Bulletin of Federal State University of Education is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 077-73347.

Index of the series "History and Political Sciences" according to the Union catalog «Press of Russia» – 40712

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library "CyberLeninka" (www.cyberleninka.ru), as well as at the site of the journal (www.istpolitmgou.ru)

At citing the reference to a particular series of "Bulletin of Federal State University of Education" is obligatory. Scientific publication of materials is carried out in accordance with the license of Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences, 2025, no. 6. 130 p.

© Federal State University of Education, 2025.

The Editorial Board address:

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

sites: www.istpolitmgou.ru; www.journals-gup.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА: ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ПРОСТРАНСТВЕ АКТУАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

- Бруз В. В., Жиряков И. Г., Золотарев В. А., Лескова И. В., Литвинов В. П.,
Литвинов П. П., Реснянский С. И., Семченко А. А., Фукс А. Н., Яровой Е. В.*
Вторая мировая война в пространстве актуальной политики и исторической памяти:
к 80-летию Победы Советского Союза (круглый стол)9

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

- Бегунова Л. В., Соловьёв Я. В.* В поисках дома: об особенностях местоположения
некоторых губернских и уездных учреждений в первой половине XIX в.
(на примере Московской губернии)26
- Иванишкина Ю. В., Трухин М. Д., Суханова Н. И.* Участие старой народницы,
члена партии социалистов-революционеров Е. К. Брешко-Брешковской
в создании культурно-просветительской организации «Школьная помощь»36
- Тулянов В. А.* «Героическая борьба корейского народа с иноземными захватчиками»:
освещение войны в Корее (1950–1953 гг.) в православной публицистике49
- Пенькова Т. А.* Оттепель как поворот к культурной дипломатии
(на примере советско-американских культурных связей)63

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

- Бруз В. В.* Зарубежный опыт использования искусственного интеллекта
в государственном управлении75
- Комаров А. Н.* Внешнеполитические тренды Канады в 1931–2010 гг.:
специфика и изменения84

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

- Володихин Д. М.* Вопрос об истинном предназначении казачества Малороссии
в книге М. О. Кояловича «Чтения по истории Западной России»95
- Фукс А. Н., Реснянский С. И.* К вопросу о месте Сергея Фёдоровича Платонова
в современной отечественной историографии102
- Литвинов П. П.* Нормативные акты Российской империи по устройству
здравоохранения в Туркестанском крае: источниковедческий анализ109
- Куренкова Е. А.* Особенности оценок цивилизационного подхода
в отечественной историографии XIX – начала XXI вв.121

CONTENT

ISSUE THEME WORLD WAR II IN THE CONTEXT OF CURRENT POLITICS AND HISTORICAL MEMORY

V. Bruz, I. Zhiryakov, V. Zolotarev, V. Kovrigin, I. Leskova, V. Litvinov, P. Litvinov, S. Resnyansky, A. Semchenko, A. Fuks, E. Yarovoy. World War II in the Space of Actual Politics and Historical Memory: to the 80th Anniversary of the Victory of the Soviet Union (Round Table).....9

DOMESTIC HISTORY

L. Begunova, Ya. Solovyov. In Search of a Home: on the Location Features of Some Provincial and District Institutions in the First Half of the 19th Century (The Case of Moscow Province).....26

Y. Ivanishkina, M. Trukhin, N. Sukhanova. The Participation of the Veteran Populist and Member of the Socialist Revolutionary Party E. K. Breshko-Breshkovskaya in the Establishment of the Cultural and Educational Organization "Shkol'naya Pomoshch" ("The School Help").....36

V. Tulyanov. «The Heroic Struggle of the Korean People Against Foreign Invaders»: Coverage of the Korean War (1950–1953) in Orthodox Publicism49

T. Penkova. The Thaw as a Turn To Cultural Diplomacy (Based on Soviet-American Cultural Relationship)63

WORLD HISTORY

V. Bruz. Foreign Experience of Using Artificial Intelligence in Public Administration75

A. Komarov. Foreign Policy Trends of Canada in 1931–2010: Specificity and Changes.....84

HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDY AND METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

D. Volodikhin. The Question of the True Purpose of the Cossacks of Little Russia in the Book of M. O. Koyalovich "Readings on the History of Western Russia".....95

A. Fuks, S. Resnyansky. On the Place of S. Platonov in Modern Russian Historiography ...102

P. Litvinov. Normative Acts of the Russian Empire on the Healthcare System in the Turkestan Region: a Source-Based Analysis109

E. Kurenkova. Features of Assessments of the Civilizational Approach in Russian Historiography of the XIX – early XXI Centuries121

Тема номера: ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ПРОСТРАНСТВЕ АКТУАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

2025 год был объявлен в России Годом защитника Отечества и Годом 80-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. В современной истории эти события снова становятся взаимосвязанными, и снова тема Победы в Великой Отечественной войне и Второй мировой войне становится сверх актуальной как с научной, так и с образовательной точек зрения. При огромном количестве научной, научно-популярной и популярной литературы, образовательных продуктов вопрос методологических подходов и в той, и в другой области всё же выходит на первый план.

С первого номера Вестника Государственного университета просвещения в 2025 г. все выпуски так или иначе были посвящены теме 80-летия Победы и связанным, на наш взгляд, темам современного мироустройства, выбора Россией как государства-цивилизации своего пути, проблемам обучения и нравственного воспитания подрастающих поколений. Пятый выпуск был посвящён теме «Вторая мировая война и проблема формирования исторической памяти», однако объём темы и сложившаяся дискуссия не позволили уместить в один номер тот материал, который появился в ходе двух круглых столов, поэтому в шестом номере журнала мы решили продолжить тему и расширить проблемы формирования исторической памяти в контексте актуальной политики.

В центре внимания темы номера вызовы, с которыми сталкивается историческая наука и историческое образо-

вание в условиях, когда прошлое стало полем ожесточённого информационного противоборства. Причём Вторая мировая война, где основным пространством борьбы была Великая Отечественная война, претерпевает направленные изменения в исторической памяти. В этой связи главный вопрос – возможно ли научное историческое познание в эпоху, когда информационная война стирает принципы исторического исследования, основанные на поиске источников, их критике, верификации фактов и построении причинно-следственных связей. Обнаrodование архивных источников, казалось бы, должно расставить все точки, однако источники получают различные интерпретации (часто диаметрально противоположные) в связи с изначальным подходом к проблеме.

Подход «СССР виновен во Второй мировой войне», «режим Сталина ничем не отличался от режима Гитлера» несёт в себе изначально искажение исторической реальности и принципов историзма, обязательных для научного исследования, но при этом присутствует в научном поле – в последние годы всё меньше в России, но не в странах Западной Европы и США, а в последние десятилетия – и в странах бывшего СССР, чьё население имеет прямое отношение к Великой Отечественной войне и победе в ней советского народа. Присутствие в научном поле уже даёт представление о том, что в общественном поле подобная информация имеет ещё большее хождение.

Если учебники США и Западной Европы формируют из стран золотого миллиарда образ победителей Второй мировой войны, то учебники ряда стран бывшего СССР, идущие тем же путём, стирают историческую память и заменяют её иными образами. В основном речь идёт об изучении отдельных народов и стран, которые как бы дистанцируются от СССР и общей победы, однако наиболее тяжёлая ситуация, которая грозит серьёзными последствиями, наблюдается в преподнесении истории на Украине, в Прибалтийских республиках, Польше и ряде других странах бывшего советского лагеря. Если в польских взглядах на историю Польша преподносится как главная жертва войны, что снимает возможности объективного анализа, то учебники и образовательный процесс на Украине и в Прибалтике напрямую героизируют нацизм, скрывают человеконенавистническую политику нацистов на оккупированных территориях, выставляют националистические группировки, осуждённые Нюрнбергским трибуналом, в качестве борцов за национальную свободу против русских поработителей.

Очевидно, что в таких условиях проблема изучения Второй мировой войны и Великой Отечественной войны не может рассматриваться как исключительно научная проблема. Преподавание этой истории становится сверх чувствительной темой.

Одной из проблем здесь становится попытка под темой «цены победы» протащить идеи о неправильной победе СССР, виновности СССР наравне с Германией, где целью является упразднение современной России из числа победителей, не то что главного победителя в войне, демонтаж Ялтинско-Потсдамской системы и снятие самого вопроса о виновности европейских стран в развязывании Второй мировой войны и совместной войне вместе с Третьим рейхом против СССР.

Пиковым аккордом в этой истории демонтажа через формирование иной

исторической памяти стала Резолюция Европейского парламента 19 сентября 2019 г. «О важности европейской памяти для будущего Европы» суммирует целый ряд документов, более чем за 10 лет принятых в Европейском союзе, начиная с Резолюции Парламентской ассамблеи Совета Европы 12 мая 2005 г. «о 60-й годовщине окончания Второй мировой войны в Европе 8 мая 1945 г.», и требует от России прекратить прославлять СССР, смириться со своей виной, прекратить обелять свои преступления, согласиться праздновать день жертв Второй мировой войны, к которым относятся все павшие со всех сторон, вместо дня победы над фашизмом.

Так называемая либеральная школа применительно к освещению истории Второй мировой войны утверждает, что мировая война началась с идеологической борьбы между либерализмом и тоталитаризмом в рамках единой европейской цивилизации и переросла в военный конфликт. Теория «двух тоталитаризмов» (немецкий и советский), которые и развязали Вторую мировую войну, призвана убрать дискуссии о том, что немецкий нацизм и фашистские режимы Европы стали во многом результатом развития европейского либерализма. Казалось бы безобидный тезис о том, что речь можно вести только о Второй мировой войне, и что никакой Великой Отечественной войны как отдельного явления не существовало, на деле ведёт к выводам о борьбе двух тоталитарных режимов и победе демократии над тоталитаризмом, где участие в войне СССР выглядит случайностью, а поражение в холодной войне – закономерным итогом.

В современном преподавании Второй мировой войны и Великой Отечественной войны ключевую роль играют следующие факторы. Во-первых, процессы обнародования для массового читателя исторических источников, которые идут в нашей стране. Во-вторых, раскрытие фактов геноцида советского народа, мас-

сового уничтожения других народов со стороны нацистов, их союзников и так называемых национальных и националистических вооружённых подразделений, античеловеческая политика, осуждённая международным трибуналом в Нюрнберге.

К сожалению, современная политика даёт широкий спектр аналогий с событиями периода непосредственно перед Второй мировой войной и в её ходе.

В данном круглом столе отдельное внимание было уделено политике Третьего рейха в вопросах православной церкви на Украине, которая, к сожалению, находит сторонников на Украине сегодня.

Современная история ярко демонстрирует, что История – это не только наука, но и важнейший элемент национального самосознания. Учебник истории – не просто источник знаний, а инструмент формирования мировоззрения.

Научная статья

УДК 93/94+930

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-6-9-25

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ПРОСТРАНСТВЕ АКТУАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: К 80-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ СОВЕТСКОГО СОЮЗА (КРУГЛЫЙ СТОЛ)

**Бруз В. В.¹, Жиряков И. Г.¹, Золотарёв В. А.¹, Лескова И. В.¹, Литвинов В. П.²,
Литвинов П. П.², Реснянский С. И.¹, Семченко А. А.¹, Фукс А. Н.¹, Яровой Е. В.¹**

¹ Государственный университет просвещения

г. Москва, Российская Федерация

² Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина

г. Елец, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор, e-mail: vvb54@yandex.ru

Поступила в редакцию 10.11.2025

После доработки 18.11.2025

Принята к публикации 24.11.2025

Аннотация

Цель. Статья посвящена анализу методологических, дидактических и идеологических вызовов, связанных с изучением и преподаванием истории Второй мировой войны в современном информационно-политическом контексте. Особое внимание уделяется проблемам сохранения исторической правды, противостоянию фальсификациям, а также роли образования в формировании национальной памяти и идентичности.

Процедуры и методы. Исследование основано на сравнительно-историческом и дискурсивном анализе, а также на изучении отечественных и зарубежных учебных материалов, научных публикаций и публичных высказываний. Авторы применяют междисциплинарный подход, сочетающий историографический анализ, политологическую экспертизу и педагогическую оценку.

Результаты. Выявлены ключевые вызовы, с которыми сталкиваются историческая наука и образование: методологический кризис в условиях информационной войны, политизация языка истории, этические сложности преподавания в контексте актуальных политических нарративов, необходимость обновления дидактических подходов. На примере отражения Сталинградской битвы в учебниках показаны различия в национальных исторических политиках. Проанализирована западная либеральная концепция Второй мировой войны, направленная на пересмотр роли СССР и приравнивание советского режима к нацистскому.

Теоретическая и/или практическая значимость. Работа вносит вклад в развитие методологии исторических исследований в цифровую эпоху, предлагает пути модернизации исторического образования и подготовки педагогов. Полученные результаты могут быть использованы при разработке учебных программ, создании научно-популярного контента и выработке стратегий защиты исторической памяти в условиях гибридных угроз.

Ключевые слова: история Второй мировой войны, историография Второй мировой войны, Великая Отечественная война, Вторая мировая война, историческая память

Для цитирования:

Вторая мировая война в пространстве актуальной политики и исторической памяти: к 80-летию победы советского союза (Круглый стол) / В. В. Бруз, И. Г. Жиряков, В. А. Золотарёв, И. В. Лескова, В. П. Литвинов, П. П. Литвинов, С. И. Реснянский, А. А. Семченко, А. Н. Фукс, Е. В. Яровой // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 6. С. 9–25.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-6-9-25

Original research article

WORLD WAR II IN THE SPACE OF ACTUAL POLITICS AND HISTORICAL MEMORY: TO THE 80TH ANNIVERSARY OF THE VICTORY OF THE SOVIET UNION (ROUND TABLE)

V. Bruz¹, I. Zhiryakov¹, V. Zolotarev¹, V. Kovrigin¹, I. Leskova¹, V. Litvinov², P. Litvinov², S. Resnyansky¹, A. Semchenko¹, A. Fuks¹, E. Yarovoy¹

¹ *Federal State University of Education*

Moscow, Russian Federation

² *Yelets State University named after I. A. Bunin*

Yelets, Russian Federation

* *Corresponding author, e-mail: vvb54@yandex.ru*

Received 10.11.2025

Revised 18.11.2025

Accepted 24.11.2025

Abstract

Aim. The article is devoted to the analysis of methodological, didactic and ideological challenges associated with the study and teaching of the history of the Second World War in the modern information and political context. Special attention is paid to the problems of preserving historical truth, countering falsifications, as well as the role of education in shaping national memory and identity.

Methodology. The research is based on comparative historical and discursive analysis, as well as on the study of domestic and foreign educational materials, scientific publications and public statements. The authors apply an interdisciplinary approach combining historiographical analysis, political science expertise and pedagogical assessment.

Results. The key challenges faced by historical science and education have been identified: the methodological crisis in the context of information warfare, the politicization of historical language, ethical difficulties in teaching in the current political narrative, and the need to update pedagogical approaches. Using the Battle of Stalingrad as an example, differences in national historical narratives are shown. This article analyzes Western liberal interpretations of the Second World War, aiming to revise the role of the USSR and equate the Soviet regime with Nazi Germany.

Research implication. This work contributes to the development of historical research methods in the digital era and suggests ways to modernize history education and teacher training. The findings can be applied to educational programs, popular science content creation, and strategies for protecting historical memory against hybrid threats.

Keywords: history of World War II, historiography of the World War II, Great Patriotic War, World War II, historical memory

For citation:

Bruz V. V., Zhiryakov I. G., Zolotarev V. A., Leskova I. V., Litvinov V. P., Litvinov P. P., Resnyansky S. I., Semchenko A. A., Fuchs A. N., Yarovoy E. V. (2025). World War II in the space of actual politics and historical memory: to the 80th anniversary of the Victory of the Soviet Union (Round Table). In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 6, 9–25. DOI: 10.18384/2949-5164-2025-6-9-25

Лескова И. В.

**ИСТОРИЯ ПОД ПРЕССОМ ГИБРИДНЫХ
УГРОЗ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И
ДИДАКТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ ИЗУЧЕНИЯ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

В 2025 г. мы отметили 80-летие Великой Победы, и это событие ставит перед нами – исследователями и педагогами – ряд сложных методологических вопросов. В центре нашего внимания – вызовы, с которыми сталкивается историческая наука и историческое образование в условиях, когда прошлое стало полем ожесточённого информационного противостояния. Речь идёт о защите самой возможности адекватного познания в эпоху, когда факты подвергаются сомнению, а язык описания войны становится оружием в новой, гибридной реальности.

Первый и, пожалуй, самый острый вызов – методологический кризис, порождённый информационной войной. Классические методы исторического исследования, основанные на критике источника, верификации фактов и построении причинно-следственных связей, сегодня сталкиваются с беспрецедентным давлением. Мы наблюдаем явление, которое можно обозначить как «война архивов» или «конкурирующая документированность». Противоборствующие стороны в современных конфликтах не ограничиваются производством событий, а мгновенно создают их параллельные документальные отражения: заявления, фото-, видеоматериалы, отчёты неправительственных организаций, часто противоречащие друг другу. Историк, стремящийся изучать события даже недавнего прошлого, оказывается не в архиве, а в медийном потоке, где подлин-

ность и контекст намеренно размываются. Это ставит под вопрос саму возможность беспристрастного анализа и требует разработки новой методологии для работы с цифровыми источниками, которые, будучи нередко созданы как оружие смысловой войны, становятся доминирующим, а порой и единственно доступным свидетельством современных конфликтов.

Второй, тесно связанный с первым, вызов – трансформация самого языка исторической науки под воздействием политизированных медианарративов. Возьмём для примера 2 понятия: «тактика выжженной земли вермахта» и «экоцид»: первое – это строгий, устоявшийся в науке термин, описывающий конкретную преступную доктрину нацизма; второе – понятие с нечётким правовым статусом, активно используемое сегодня как инструмент информационной атаки.

Когда в публичное пространство массово вбрасываются подобные политизированные термины, они начинают оказывать давление и на академический дискурс. Перед исследователем и, что особенно важно, перед преподавателем встаёт дилемма: игнорировать эти вненаучные понятия или пытаться их анализировать, рискуя придать им научный статус. Роль преподавателя истории сегодня существенно усложняется. Его задача – вооружить студентов методологией для критического анализа политизированного языка: различать научное понятие и пропагандистский штамп, понимать, в каких случаях термин служит инструментом познания, а в каких – инструментом манипуляции.

Третий вызов лежит в этической плоскости и связан с преподаванием истории в условиях, когда историческая

память становится оружием в актуальном информационном противоборстве. Как обсуждать события Второй мировой войны, зная, что её ключевые концепты («фашизм», «денацификация», «освободительная миссия») и символы (например, георгиевская ленточка или образ ветерана) прямо задействованы в риторике современных конфликтов? Как говорить о жертвах и героях прошлого, не допуская, чтобы их образы использовались для сиюминутного политического оправдания? Классическая модель преподавания, основанная на временной дистанции и кажущейся ретроспективной завершённости событий, сегодня даёт сбой. Студенты воспринимают историю не как замкнутый прошлый опыт, а как прямую проекцию на современность, как ключ к пониманию современности. Это требует от педагога способности балансировать, совмещая научную объективность, патриотическое воспитание и необходимость формировать у учащихся критическое, а не конспирологическое мышление. Задача усложняется тем, что информационная война целенаправленно работает на создание упрощённых, чёрно-белых схем, тогда как задача науки – раскрывать сложность и многомерность исторического процесса.

Наконец, четвёртый вызов имеет двоякую природу. С одной стороны, это насущная необходимость разработки собственных, методологически независимых дидактических подходов в условиях кардинального изменения международного научно-образовательного пространства. С другой стороны, это поиск новых форм и принципов для международного исторического диалога, который должен продолжаться, даже когда традиционные каналы коммуникации сужаются или перестраиваются.

В дополнение к этим вызовам существует проблема в самой системе подготовки историков-исследователей и преподавателей истории. Традиционные университетские программы, сосредото-

ченные на глубоком изучении конкретных исторических эпох, нередко уделяют недостаточное внимание таким междисциплинарным областям, как медиаграмотность, психология информационного влияния, дискурс-анализ и цифровая гуманитаристика.

Молодой исследователь или учитель, выходящий из стен вуза, может блестяще владеть традиционным исследовательским инструментарием (архивной эвристикой, источниковедческим анализом и др.), но оказаться совершенно беспомощным в насыщенной манипулятивными нарративами цифровой среде, где интерпретация прошлого становится предметом сиюминутного политического торга. Следовательно, в рамках формирования новой модели высшего образования принципиально значимой является задача целенаправленного обновления содержания программ. Речь идёт о внедрении специальных курсов и модулей, которые вооружали бы будущих историков инструментарием для профессиональной работы в цифровой среде, насыщенной манипулятивными практиками. Безусловно, это не отказ от фундаментальной подготовки, но её стратегическое усиление новыми, актуальными компетенциями.

Не менее значимый комплекс задач возникает в сфере эффективного присутствия в общественном дискурсе. Информационное противоборство, использующее доступный и эмоциональный язык, делает борьбу за историческую правду вопросом не только науки, но и коммуникации. Академическое сообщество, привыкшее к строгому дискурсу, часто оказывается неконкурентоспособным в этом пространстве и тем самым открывает дорогу псевдоисторическим спекуляциям. Выход видится в стратегическом развитии публичной истории – целенаправленной работе по созданию научно обоснованного, но при этом адаптированного для широкой аудитории контента (документального кино, подкастов,

цифровых платформ). Без этого даже самые глубокие исследования рискуют остаться в узкопрофессиональном кругу, в то время как смысловое пространство будет формироваться другими.

В завершении необходимо обозначить риск, который информационное противостояние порождает внутри самого профессионального сообщества: опасность подмены исследовательской парадигмы логикой политической ангажированности. Под давлением острой общественной полемики возникает соблазн перейти от критического анализа к конструированию «нужной» версии прошлого, поставив сиюминутную идеологическую задачу выше научной истины. Единственной гарантией от этой подмены и основой авторитета исторической науки остаются её имманентные нормы: академическая честность, методологическая дисциплина и интеллектуальная независимость при работе с любым, даже самым идеологически заряженным материалом. Строгое следование этим нормам даже не этический выбор, а профессиональная необходимость – позволяет сохранить доверие к истории как к социальному институту и давать содержательный ответ на вызовы внешней пропаганды, не мимикрируя под её методы.

Таким образом, методологические вызовы, стоящие перед нами, носят системный характер. Они затрагивают основы профессии – от принципов работы с источником до методов передачи знаний новому поколению. Информационная война ставит под удар не только интерпретации прошлого, но и сами основания исторического познания. Для противодействия этому необходима активная, созидательная позиция, выходящая за рамки воспроизводства установившихся нарративов.

Фукс А. Н., Литвинов П. П., Реснянский С. И.

ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИИ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ

Сталинградская битва – не просто одно из крупнейших сражений Второй мировой войны, но символический рубеж, за которым начался коренной перелом хода всей войны. Победа советских войск под Сталинградом в феврале 1943 г. изменила не только военно-стратегическую обстановку, но и морально-психологический климат всей планеты. Вдохновлённые этой победой антифашистские движения в оккупированных странах активизировались, союзники окончательно убедились в необратимости поражения Германии, а сам нацистский режим впервые столкнулся с масштабным внутренним кризисом. Однако, несмотря на общепризнанное значение этого события, его отражение в школьных учебниках по всему миру сегодня существенно различается и порой доходит до исторических искажений и прямых фальсификаций.

На протяжении всей советской эпохи Сталинградская битва занимала центральное место в школьных учебниках. Она рассматривалась как начало коренного перелома в войне – фраза, ставшая канонической в историографии СССР. В учебниках подробно описывались подвиги конкретных людей – сержанта Якова Павлова, чей дом стал опорным пунктом обороны; снайпера Василия Зайцева, уничтожившего десятки врагов; испанского коммуниста Рубена Ибаррури, погибшего в Сталинграде. Эти примеры несли не просто информационную, но глубокую воспитательную функцию: формирование патриотического сознания, гордости за свою страну и уважения к подвигу предков.

В 1990-е гг. в российском образовании началась эпоха «деидеологизации истории». На деле, однако, это означало не

просто отказ от идеологии, а смену идеологического курса на целенаправленное искажение родной истории. Во многом эта тенденция стала «идеологизацией наизнанку». История стала полем для конкурирующих версий, часто противоречивых и политически ангажированных. Федеральный перечень учебников пополнился сотнями наименований, среди которых встречались и те, что финансировались иностранными фондами. В этом контексте Сталинградская битва перестала быть однозначно признанным поворотным пунктом. Некоторые авторы начали утверждать, что перелом произошёл одновременно на нескольких театрах военных действий: в Северной Африке (Эль-Аламейн), на Тихом океане (Мидуэй) и даже в Атлантике. Объём материала о Сталинграде в учебниках сократился в среднем на 26%, а сама битва часто упоминалась мимоходом, без выделения в отдельный параграф.

Особое беспокойство вызывали учебники, в которых впервые был поднят вопрос о «цене победы» – не как дань памяти павшим, а как критика советского командования. Например, А. А. Кредер, чей учебник финансировался фондом Дж. Сороса, писал о трагических последствиях отказа эвакуировать гражданское население и о якобы имевших место стратегических ошибках. Хотя такие дискуссии в академической науке допустимы, их перенос в школьные учебники без должного контекста и методологической осторожности мог формировать у подростков искажённое представление о войне и подрывать уважение к исторической памяти.

Ситуация начала меняться в 2000-е гг., а особенно резко – после 2010-х. Российское государство вновь осознало важность единой исторической концепции как основы национальной идентичности и безопасности. Была разработана концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории, главной задачей которого стало воспитание патриотизма. В этом контексте

Сталинградская битва вновь заняла центральное место. Современные учебники – учебник под редакцией В. Р. Мединского и А. В. Торкунова (2024) – посвящают целый параграф началу коренного перелома. Они подчёркивают мировое значение победы под Сталинградом: «Эхо её прокатилось по всему миру. Во всех оккупированных странах резко усилилось движение Сопротивления». Подвиг героев воспроизводится с деталями, а сама битва представлена как образец массового героизма и единства народа.

Однако за пределами России картина Сталинградской битвы в учебниках чаще всего выглядит иначе. В США ключевым событием Второй мировой войны по-прежнему считается вступление Америки в войну после нападения на Перл-Харбор. Американские учебники часто называют поворотными сражения на Тихом океане – при Гуадалканале и у атолла Мидуэй, где американцы действительно одержали значительные победы. Но при этом роль восточного фронта, а тем более Сталинградской битвы либо игнорируется, либо упоминается вскользь. При этом американские авторы любят оперировать статистикой: «США внесли решающий вклад в победу, поскольку их военная мощь переломила чашу весов». Однако такие утверждения умалчивают о том, что к моменту вступления США в войну СССР уже понёс основной удар и удерживал на себе основные силы вермахта. Более того, потери Советского Союза в войне составили около 27–28 млн человек, тогда как США потеряли около 400 тысяч. Это не просто цифры – это свидетельство масштаба вовлечённости каждой из стран в войну. И если США действительно внесли вклад, то главным бременем борьбы с нацизмом всё же несли на себе советские люди.

Англия, в свою очередь, строит национальный нарратив вокруг битвы при Эль-Аламейне в Северной Африке, где английские войска под командованием генерала Монтгомери одержали победу

над армией Роммеля. В британских учебниках именно это сражение называют «той точкой, с которой начался конец нацизма». Сталинград же, если и упоминается, то исключительно как одно из многих событий, без акцента на его стратегическом значении. Такой подход, конечно, объясним с точки зрения национальной памяти, но он искажает общую картину войны, создавая у школьников впечатление, будто именно западные союзники сыграли главную роль в разгроме Гитлера.

Немецкие учебники, напротив, традиционно более объективны. В них Сталинград часто назван «символом военного перелома». Однако и здесь есть своя специфика: авторы немецких учебников делают акцент не столько на военных действиях, сколько на преступлениях нацистского режима, Холокосте и страданиях гражданского населения. В результате, роль Красной армии в победе признаётся, но подаётся не как ведущая. Более того, даже в Германии наблюдается тенденция к «распылению» значения Сталинграда: его ставят в один ряд с другими событиями 1942–1943 гг., что снижает его уникальность и масштаб. По данным исследования, общий интерес к военной истории в немецких учебниках снизился, и Сталинградская битва постепенно уходит на второй план.

Особенно резкие изменения произошли на Украине. В 1990–2000-е гг. битва под Сталинградом ещё изучалась в рамках курса истории Украины, поскольку связывалась с освобождением украинских земель. Однако в последние годы украинская историческая политика взяла курс на дистанцирование от советского прошлого. В результате материал о Сталинграде был перенесён из национальной истории в курс «зарубежной истории». В современных учебниках, например В. С. Власова, упоминание о битве даётся лишь в связи с освобождением первых украинских сёл, а сама роль СССР в победе над нацизмом сводится

к минимуму. Это не просто педагогический выбор – это политический жест, направленный на формирование новой национальной идентичности, в которой Украина представлена как жертва, а не как субъект общей победы.

Такой подход – перенос ключевых событий собственного прошлого в раздел «зарубежной истории» – нарушает базовый принцип историзма и ведёт к разрыву исторической памяти. Он также способствует формированию у молодёжи искажённого взгляда на войну, в котором подвиг советского народа становится «чужим», а собственная история лишается героического измерения.

В заключение стоит подчеркнуть: история – это не только наука, но и важнейший элемент национального самосознания. Учебник истории – не просто источник знаний, а инструмент формирования мировоззрения. И когда речь идёт о событиях такого масштаба, как Сталинградская битва, искажения, умолчания и идеологические перекосы становятся не просто ошибками, а актами целенаправленной исторической диверсии против мировоззрения подрастающего поколения.

Сталинградская битва – сражение, в котором советский народ, ценой невероятных усилий и жертв, остановил фашизм и положил начало его разгрому. Эта правда должна сохраняться не только в архивах и монографиях, но и в школьных учебниках, в сознании подрастающего поколения. Только помня о подвиге предков, народ может сохранить достоинство, единство и способность защищать свою Родину в будущем.

Бруз В. В., Жириков И. Г., Яровой Е. В.

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЗАПАДНОЙ ЛИБЕРАЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ

Восемьдесят лет отделяют нас от окончания Второй мировой войны. С каждым годом остаётся всё меньше участников и

свидетелей этих героических и трагических событий. Великая Победа сохраняется в народной памяти. На государственном уровне – это ежегодный военный парад, торжественные, праздничные мероприятия, забота и поддержка ветеранов. На личном уровне – это семейная память. Каждый из нас знает, помнит и чтит своих родных и близких, которые на фронте или в тылу, приближали нашу Победу. Практически в каждой семье хранятся и передаются из поколения в поколение фотографии, письма, семейные реликвии, рассказы о том, как это было. Поэтому каждый из нас вправе гордится нашей Великой Победой.

История Второй мировой войны, крупнейшей и самой кровопролитной войны в истории человечества, оказавшей огромное влияние на судьбы народов нашей планеты, на протяжении многих десятилетий привлекает внимание учёных, политических и общественных деятелей, писателей, журналистов, простых граждан во многих странах. Памятные даты, связанные с событиями этой войны, приобретают в последние годы не только историческое, но весьма важное политическое, идеологическое значение.

Великая Победа, одержанная странами антифашистской коалиции над странами оси (Германией, Италией, Японией) и их сателлитами, при решающем вкладе Советского Союза, несомненно, стала событием, имеющим всемирно-историческое значение. В связи с 80-летием Победы появляется большое количество материалов, авторы которых предлагают по-новому взглянуть на историю Второй мировой войны. Само по себе стремление к расширению и углублению исторических знаний, переосмыслению исторических событий, особенно в связи с введением в научный оборот новых, ранее недоступных широкой научной общественности архивных материалов, представляет собой естественный, объективный процесс. Без этого историческая наука не может развиваться.

Однако обращает на себя внимание тот факт, что западные авторы стремятся навязать своё видение событий Второй мировой войны. По мнению британского историка М. Гастингса, в России отсутствует традиция поиска объективной исторической правды. Почти все важные исследования, касающиеся военного периода, проводятся иностранцами, а не россиянами, которые, ведомые своим президентом, предпочитают замалчивать сталинские годы [1, с. 11]. Поэтому российские историки должны внимать своим западным коллегам, учиться у них «объективной исторической правде». В этой связи обращает на себя внимание тот факт, что в оценочных суждениях, касающихся событий Второй мировой войны, у некоторых российских авторов просматривается общая направленность, выражающая вполне определённую прозападную тенденцию.

Здесь имеет место не просто чьё-то особое мнение, а целенаправленная интерпретация событий Второй мировой войны, сопровождаемая зачастую подтасовкой, искажением фактов, прямой фальсификацией и откровенной ложью. По сути, речь идёт о реализации глобального либерального проекта, одна из важнейших задач которого заключается в том, чтобы пересмотреть историю XX в. с позиций либерализма. Центральное место здесь отводится истории Второй мировой войны. По сути, речь идёт о либеральной концепции Второй мировой войны.

Официально данная концепция не формулировалась, но анализ взглядов, оценок, суждений представителей и сторонников либерализма по ряду вопросов истории Второй мировой войны свидетельствует о том, что существует единая трактовка этих событий, общая точка зрения и руководящая идея для их освещения. Это даёт основание утверждать, что де-факто либеральная концепция существует. Она предполагает радикальный пересмотр истории Второй миро-

вой войны, которая рассматривается как *столкновение либеральных государств с тоталитарными* (к последним, наряду с нацистской Германией и фашистской Италией, отнесён и Советский Союз).

Принципиальными применительно к освещению истории Второй мировой войны представляются основополагающие суждения теоретика либерализма Ф. фон Хайека о том, что мировая война началась с идеологической борьбы между либерализмом и тоталитаризмом в рамках единой европейской цивилизации и переросшей в военный конфликт [2, с. 39]. Ф. фон Хайек утверждал, что тоталитарные режимы Германии, Италии и России – противники государств с традиционными либеральными ценностями, теми ценностями, которые сделали Англию и США странами, где живут независимые и свободные, терпимые и благородные люди [2, с. 39, 209]. Именно как борьбу в защиту этих либеральных ценностей и рассматривают либералы-западники эту войну.

Официальная точка зрения США по этому вопросу прозвучала на пресс-конференции исполнявшего обязанности государственного секретаря США С. Уэллеса 23 июня 1941 г. Было заявлено, что для Соединённых Штатов принципы и доктрины коммунистической диктатуры совершенно неприемлемы и чужды американским идеям, как и принципы и доктрины нацистской диктатуры. Однако, по мнению правительства США, любая борьба против гитлеризма, любое сплочение сил, выступающих против гитлеризма, независимо от их происхождения, ускоряет конец нынешних германских руководителей, и тем самым будет способствовать нашей собственной обороне и безопасности. Гитлеровские армии сегодня – главная опасность для американского континента¹. Таким образом, США изначально рассматривали

взаимодействие с Советским Союзом как вынужденную меру по принципу – враг моего врага мой друг.

Войну начал тоталитаризм против либерализма

Развивая этот тезис, утверждается о *равной ответственности в развязывании Второй мировой войны тоталитарных режимов гитлеровской Германии и сталинского Советского Союза*.

Для обоснования этого положения, как правило, приводится договор о ненападении между Советским Союзом и Германией, известный также как пакт Молотова–Риббентропа, заключённый 23 августа 1939 г. к которому прилагался секретный дополнительный протокол. По мнению либералов-западников, именно этот договор привёл к войне.

Так, например, академик РАН Ю. С. Пивоваров считает, что пактом Молотова–Риббентропа Сталин дал старт Второй мировой войне². Эту точку зрения полностью разделяет американский экономист и писатель Р. М. Эблинг, который утверждает, что совершенно ясно, что Сталин, помогая начать Вторую мировую войну посредством своего пакта с Гитлером, готовился напасть на Германию и начать процесс советизации Европейского континента. Гитлер, руководствуясь собственными агрессивными амбициями, просто нанёс удар первым [3].

В силу политических причин, эта точка зрения находит сегодня отражение в официальных европейских документах. Так, в Резолюции Европейского парламента «О важности сохранения памяти в Европе для будущего Европы» принятой в связи с 80-летием начала Второй мировой войны подчёркивается, что Вторая Мировая война, самая разрушительная война в истории Европы, была начата как

¹ Statement by U.S. Under Secretary of State S. Welles regarding German aggression against the Soviet Union // New York Times. 1941. 24 June.

² Исторический процесс: Великая Отечественная // Правмир: [сайт]. URL: <https://www.pravmir.ru/istoricheskij-process-velikaya-otechestvennaya-tekstvideo/#ixzz3XrogfFRd> (дата обращения: 24.09.2025).

непосредственный результат договора о ненападении от 23 августа 1939 г., также известного как пакт Молотова–Риббентропа, и его секретных протоколов, в соответствии с которыми 2 тоталитарных режима, разделявших цель мирового завоевания, разделили Европу на 2 зоны влияния¹. Таким образом, на СССР возлагается равная с нацистской Германией ответственность за развязывание Второй мировой войны.

Появление подобных резолюций связано с вполне конкретными политико-идеологическими целями, направленными против России и не имеющими отношение к реальной истории. Более того, именно в европейских странах наблюдается сегодня возрождение неонацизма.

В этой связи представляется вполне справедливым и обоснованным мнение историка и политолога Н. А. Нарочницкой, которая утверждает, что данный договор демонизирован западным мнением и историографией, которые вовсе не обличают западные страны за Мюнхенский сговор и согласие на аншлюс Австрии, которые и были началом гитлеровских захватов и сломом территориального статус-кво. Что касается самого советско-германского договора о ненападении, то в нём вообще не было ничего отличного от типичных договоров всей истории международных отношений. Гитлеровская Германия была всемирно признанным государством, имевшим интенсивные дипломатические отношения, прежде всего, со всеми западными странами [4, с. 80].

К этому времени уже был заключён целый ряд договоров между европейскими странами и Германией. При этом в честь мюнхенского сговора даже была выпущена медаль, на которой были изображены

профили рейхсканцлера Германии А. Гитлера, премьер-министра Великобритании Н. Чемберлена, премьер-министра Франции Э. Даладье и премьер-министра Италии Б. Муссолини. Представляется весьма символичным изображение на медали этих «миротворцев».

Соглашение предусматривало, что Чехословакия уступит Германии Судетскую область. Польша приняла участие в разделе Чехословакии, оккупировав Тешинскую область. Между польскими и немецкими военными была договорённость о линии демаркации войск в случае вторжения в Чехословакию. Подкарпатская Русь была оккупирована Венгрией.

Эксперт по военной и военно-морской истории, директор музея в Пенсильвании (США) К. Хикман считает, что И. Сталин, на глазах которого западные державы вступали в сговор с целью отдать Чехословакию Гитлеру, беспокоился, что подобное может произойти с Советским Союзом. Сталин вступил в переговоры с Великобританией и Францией о возможном союзе. Летом 1939 г., когда переговоры зашли в тупик, Советы начали переговоры с нацистской Германией о создании пакта о ненападении. Заключительный документ – пакт Молотова–Риббентропа – был подписан 23 августа 1939 г.² Такую точку зрения разделяет и американский профессор Г. Ферр. По его мнению, Советский Союз подписал с Германией пакт о ненападении не для «разделения Польши», как союзники разделили Чехословакию, а для защиты СССР³.

Можно обратиться к воспоминаниям министра внутренних дел США Г. Икеса, который ещё в дни Мюнхена записал в

¹ European Parliament resolution of 19 September 2019 on the importance of European remembrance for the future of Europe [Электронный ресурс]. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html (дата обращения: 20.09.2025).

² Hickman K. World War II: Causes of Conflict [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thoughtco.com/world-war-ii-road-to-war-2361456> (дата обращения: 16.09.2025).

³ Furr G. Did the Soviet Union Invade Poland in September 1939? The answer: No, it did not... [Электронный ресурс]. URL: <https://espressostalinist.com/2013/11/06/grover-furr-did-the-soviet-union-invade-poland-in-september-1939-the-answer-no-it-did-not/> (дата обращения: 21.09.2025).

своём дневнике, что не удивлён действиями России. Россия подозревала Англию в двойной игре, договариваясь с Германией. По мнению Г. Икеса, Россия права. Англия могла бы давно договориться с Россией, но она бесцельно надеялась, что ей удастся столкнуть Россию и Германию друг с другом, а самой остаться невредимой. Она попала в свои же расставленные сети и утратила симпатии к себе во всём мире [5, с. 16].

Однако исторические факты, мнения государственных деятелей, исследователей, не соответствующие взглядам, оценочным суждениям представителей либерального подхода, игнорируются или фальсифицируются ими.

Никакой Великой Отечественной войны не было

Следующий тезис либеральной концепции касается войны между Германией и Советским Союзом, которая рассматривается как вооружённая борьба двух тоталитарных режимов за мировое господство.

Как справедливо отмечает Н. А. Нарочницкая, либералы-западники упорно навязывают нам версию о воевавших 2 идеологических монстрах, равно угрожавших мировой демократии [4, с. 34].

По мнению члена-корреспондента РАН историка А. Н. Сахарова, наряду с традиционной, сегодня существует и иная версия о значительной ответственности советского режима за развязывание войны в рамках реализации концепции мировой революции, подготовки сталинского руководства к превентивной войне против Гитлера. Сегодня, кажется, уже никто не сомневается в наличии у Сталина такого намерения. Яростные споры идут лишь в отношении возможных её сроков [6, с. 18–19]. Видимо, А. Н. Сахаров имеет в виду сторонников либеральной концепции, которые действительно не сомневаются в том, что Сталин готовился к превентивному удару по Германии.

В такой интерпретации война перестаёт быть Отечественной, а значит, у русских в XX в. нет национальной истории, нет легитимной государственности, следовательно, правомерны любые внешние вмешательства и внутренние мятежи, и сепаратизм [4, с. 30].

Это утверждение полностью подтверждается либералами-западниками. С их точки зрения никакой Великой Отечественной войны не было! По мнению руководителя Центра руссиеведения ИНИОН РАН И. И. Глебовой, так называемая Великая Отечественная война, равно как и победа в мировой войне над фашистской Германией, это мифы советской пропаганды, такие же, как миф о священной народной войне. Все эти мифы служат для легитимации системы, созданной Путиным¹. Иными словами, советский период нашей истории, его главные достижения – это мифология. Ничего этого, по мнению либералов-западников, не было!

Оказывается, всё очень просто. Бери пример с западных учителей, как советует британский историк М. Гастингс, и учись «объективной исторической правде». И как видим, у российских сторонников либерализма это хорошо получается. Тем более что и аргументация здесь особо не требуется. Получается ничуть не хуже, чем у П. Хедрука, который в книге «Геноцид в Восточной Пруссии» утверждает, что на 22 июня 1941 г. СССР представлял собой гигантский концлагерь, из-под ворот которого текли реки крови. Нападение Германии остановило процесс истребления русского народа. Истории о будто бы последовавших за этим «фашистских злодеяниях» – обычная чёрная пропаганда. На самом деле немцы обращались с мирным населением весьма цивилизованно, свидетельством чему служат многочисленные воспоминания тех, кто

¹ Российская академия наук в Будапеште: Великая Отечественная война – «так называемая», Победа – «миф» года // Регнум: [сайт]. URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1415885.html> (дата обращения: 29.09.2025).

в годы войны жил на занятых немцами территориях¹.

Подобная отвратительная, чудовищная лож ничуть не смущает современных российских либералов-западников. Ведь это вполне соответствует либеральному подходу, в соответствии с которым Сталин такой же преступник, как и Гитлер, советский режим не менее, а скорее более преступный, чем гитлеровский.

Так, например, А. Н. Яковлев утверждает, что большевизм и фашизм – 2 стороны одной медали вселенского зла, что преступником был не только Сталин, но и сама система была преступна [7]. Развивая эту мысль, академик РАН Ю. С. Пивоваров приходит к выводу, что решение Нюрнбергского трибунала, вынесшего смертный приговор обвинённому в преступлениях против человечества и мира Риббентропу, косвенно касалось и Молотова (Сталина). Поскольку договариваться о дружбе с преступниками могут только преступники². Таким образом, Ю. С. Пивоваров, по сути, обвиняет советское руководство в преступлениях против человечества и мира и сожалеет, что они не оказались под трибуналом.

Как справедливо утверждает Н. А. Нарочницкая, идея, что СССР в его битве с гитлеровским рейхом был таким же преступным государством, служит изменению смысла войны и праву ревизовать итоги Ялты и Потсдама [4, с. 30]. Это ещё раз подтверждает вывод о том, что речь идёт отнюдь не о безобидном альтернативном подходе к истории Второй мировой войны.

Таким образом, есть основания говорить о существовании либеральной концепции Второй мировой войны, которая основывается на следующих основных постулатах:

¹ Хедрук П. Геноцид в Восточной Пруссии [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3RTau4> (дата обращения: 30.09.2025).

² Пивоваров Ю. Пакт Молотова–Риббентропа: О ревизионизме в российском историческом сознании // World Crisis: [сайт]. URL: <http://worldcrisis.ru/crisis/3621587> (дата обращения: 25.09.2025).

1. Вторая мировая война началась в рамках единой европейской цивилизации с идеологической борьбы между либерализмом и тоталитаризмом и переросла в военный конфликт; войну начал тоталитаризм против либерализма;

2. тоталитарные режимы Германии, Италии и России – противники государств с традиционными либеральными ценностями – Англии и США. Сотрудничество с СССР – временная, вынужденная мера; тоталитарные режимы гитлеровской Германии и сталинского Советского Союза равно ответственны в развязывании Второй мировой войны; война между Германией и Советским Союзом – вооружённая борьба 2 тоталитарных режимов за мировое господство;

3. «Великая Отечественная война», «Победа Советского Союза в мировой войне», «священная народная война» – это не более чем мифы советской пропаганды; большевизм и фашизм – одинаково преступные режимы.

Поэтому либеральная концепция Второй мировой войны является серьёзным идеологическим инструментом, методологией в информационной войне, которую ведёт Запад против России, целью которой является уничтожение нашей страны.

Семченко А. А., Золотарёв В. А., Литвинов В. П.

ЦЕРКОВНАЯ ПОЛИТИКА НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ НА ТЕРРИТОРИИ РЕЙХСКОМИССАРИАТА УКРАИНА

Немецко-фашистская экспансия радикальным образом повлияла на ситуацию в религиозной сфере на оккупированных территориях. Если политика советской власти исходила из соображений, изложенных в Декрете СНК об отделении церкви от государства и школы от церкви, то захватчики попытались использовать религиозный фактор в собственных интересах, заключавшихся к приведению и удержанию в покорности населения за-

воёванных областей Советского Союза [8]. «Церковь на Украине может сыграть большую роль в перевоспитании в духе антибольшевизма», – говорилось в составленном в ноябре 1941 г. Докладе по истории создания Украинской автокефальной церкви с рекомендациями немецкому командованию о её запрещении и поддержке Украинской автономной церкви¹.

При этом изначально немцы делали ставку на структуры, которые входили в Русскую православную церковь на территории созданного 20 августа 1941 г. Рейхскомиссариата Украина². Осенью 1941 г. гитлеровцы одобрили создание на территории Рейхскомиссариата автономной Украинской православной церкви (УПЦ), которая сохраняла каноническую связь с Московским патриархатом. Она была создана в соответствии с правом на самоуправление, предоставленным в 1920 г. патриархом Тихоном зарубежным епархиям Русской церкви. Возглавил УПЦ митрополит Алексий (Громадский), получивший титул Экзарха. Примечательно, что именно РПЦ немцы рассматривали как инструмент борьбы с большевиками, все прочие организации, в т. ч. и создаваемые украинскими националистами, считались лояльными советской власти. В докладе немецким властям содержится, в частности, указание, что УАПЦ была создана НКВД для борьбы с православием и ликвидирована после того, как большевики православие победили³.

Поэтому на первом этапе националисты влили свои церковные структуры в автономную церковь. В частности, о своём вхождении в состав УПЦ первоначально в письменной форме уведомил

архиепископ Луцкий и Ковельский Польской православной церкви Поликарп (Сикорский). При этом он (как бывший сотрудник петлюровского министерства вероисповеданий) изначально ориентировался на возрождение Украинской автокефальной православной церкви (УАПЦ). Эта церковь была учреждена бывшими петлюровцами в 1921 г. и ликвидирована по итогам судебного процесса по делу Спілки Визволення України (СВУ) в 1930 г. После ликвидации в СССР, приходы УАПЦ сохранились и продолжили действовать в эмиграции. В частности, в Канаде и США действовала епархия автокефалистов, созданная ещё в 1924 г. специально откомандированным из Киева бывшим винницким епископом автокефалистов Иоанном Теодоровичем.

Кроме того, приходы УАПЦ сохранились в Польше, где они пользовались покровительством предстоятеля Польской православной церкви, Варшавского митрополита Дионисия (Валединского). И именно благодаря поддержке Дионисия Поликарп делает решительные шаги к возрождению УАПЦ: 24 декабря 1941 г. Дионисий назначает Поликарпа временным администратором Православной автокефальной церкви на освобождённых землях Украины. А уже в начале февраля 1942 г. на Соборе в Пинске Дионисий благословил возрождение УАПЦ в Рейхскомиссариате во главе с архиепископом Луцким и Ковельским Поликарпом, который тут же объявил себя главой автокефалии.

При поддержке оккупационных властей и при активном участии украинских националистических организаций УАПЦ менее чем за год распространила своё влияние на всю территорию Рейхскомиссариата, а также на оккупированные территории Украины, которые управлялись военной администрацией⁴.

¹ Доклад по истории создания Украинской Автокефальной Церкви с рекомендациями немецкому командованию о её запрещении и поддержке Украинской Автономной Церкви // ЦГАВОВУ Украины. Ф. 4398. Оп. 1. Д. 3. Л. 13-19 об.; Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сб. док. С. 535–545.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Акт о признании Украинской Автокефальной Православной Церкви, составленный архиепископом Никанором и епископом Мстиславом. г. Почаев // ЦГАВОВУ Украины. Ф. 4398. Оп. Д. 3. Л. 102. (незаверенная копия).

На территории Украины УАПЦ вос-
становилась в 1942 г. во время немецко-
фашистской оккупации. Методы борьбы
за паству у этой церкви были не менее
жестокими, чем во времена Петлюры.
Церковный историк В. Петрушко в кни-
ге «Автокефалистские расколы на Укра-
ине в постсоветский период 1989–1997»,
которая была опубликована в Москве в
1998 г., пишет о множестве фактов терро-
ра как против священников, так и против
мирян, не пожелавших присоединиться к
УАПЦ [9]. В частности, в мае 1943 г. бо-
евиками УПА на Волини был расстре-
лян автомобиль митрополита Алексия
Громадского, который был главой соз-
данной немцами автономной Украинской
православной церкви. Митрополит по-
гиб. Предстоятели автономной церкви
заявили о причастности к этому убий-
ству архиепископа Поликарпа.

В сентябре 1943 г. бандеровцами был
повешён епископ Владимиро-Волинский
Мануил Тарнавский, перешедший после
принесения покаяния из раскола в авто-
номную церковь. Как пишет церковный
историк В. Пидгайко в статье «Епископ
Владими́ро-Волинский и Ковельский Ма-
нуил (Тарнавский) в истории украинских
церковных разделений 1941–1943 гг.»,
опубликованной в «Вестнике церковной
истории» (в № 3/4, 2010 г.) у Мануила со-
стоялась беседа с переяславским еписко-
пом УАПЦ Мстиславом Скрипником:
Мстислав убеждал Мануила вернуться
к автокефалистам, в противном случае
угрожал расправой. Через несколько
дней после этого епископ Мануил был
похищен неизвестными людьми прямо
из своей резиденции при Успенском со-
боре во Владимиро-Волинском. Через не-

делю в епархию принесли письмо с тре-
бованием передать 10 тыс. рейхсмарок на
нужды УПА. Деньги выплачены не были.
Приблизительно через месяц после по-
хищения (в октябре или ноябре 1943 г.)
ОУН распространила листовки, сооб-
щив о том, что епископ Мануил за изме-
ну Украине приговорён «полевым судом
украинских повстанцев» к смертной каз-
ни через повешение [10].

После освобождения Украины частя-
ми Красной Армии в 1943–1944 гг. клир
УАПЦ бежал вместе с немцами. Титул
самопровозглашённого патриарха всея
Украины автокефалисты преподнесли
патриарху Польской православной церк-
ви Дионисию Варшавскому. Впрочем,
опасаясь проблем в отношениях с немец-
кими оккупационными властями, Диони-
сий титул не принял. В итоге «немецкие»
автокефалисты добрались до США и Ка-
нады, объединившись там с автокефали-
стами Теодоровича. А уже в 1989 г. они
вновь вернулись на Украину. На этот раз
возглавлял их уже упомянутый митро-
полит Мстислав (Скрипник), который
вступил в союз с новым раскольником –
митрополитом Киевским и всея Украины
РПЦ Филаретом (Денисенко) и создал
Украинскую православную церковь Ки-
евского патриархата.

А сценарии церковного раскола, ис-
пользуемые в годы Великой Отечествен-
ной войны на территории Украины, ра-
зыгрываются и в наши дни, имея свой
целью использовать религиозную тему
как инструмент антирусской пропаган-
ды точно также, как пытались использо-
вать церковь в своей антибольшевицкой
борьбе немцы, оккупировавшие Украину
в 1941–1944 гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Hastings M. Armageddon: the battle for Germany, 1944–1945. New York, 2004. 773 p.
2. Хайек Ф. А. Дорога к рабству. М.: Новое издательство, 2005. 264 с.
3. Ebeling R. M. How Stalin Used Hitler To Start World War II. [Электронный ресурс]. URL: <https://capitalismmagazine.com/2016/05/how-stalin-used-hitler-to-start-world-war-ii/> (дата обращения: 23.09.2025).
4. Нарочницкая Н. А. За что и с кем мы воевали. М.: Вече, 2016. 128 с.

5. Кулиш В. М. История второго фронта. М.: Наука, 1971. 659 с.
6. История и историки, 2002: Историографический вестник / отв. ред. А. Н. Сахаров. М.: Наука. 2002. 223 с.
7. Яковлев А. Н. Большевизм – социальная болезнь XX века // Чёрная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии / С. Куртуа, Н. Верт, Ж.-Л Панне, А.Пачковский,и др. М.: Три века истории, 2001. С 5–32.
8. Семченко А. Четвёртый Рейх. Суд над Сталиным. М.: Тион. 2025. 444 с.
9. Петрушко В.И. Автокефалистские расколы на Украине в постсоветский период 1989–1997. М.: Св.-Тихоновский богословский ин-т, 1998. 254 с.
10. Пидгайко В. Г. Епископ Владимиро-Волынский и Ковельский Мануил (Тарнавский) в истории украинских церковных разделений 1941–1943 годов // Вестник церковной истории. 2010. №3/4. С. 303–322.

REFERENCES

1. Hastings, M. (2004). *Armageddon: the battle for Germany, 1944–1945*. New York.
2. Hayek, F. A. (2005). *The Road to Serfdom*. Moscow: Novoe Izdatelstvo Publ. (in Russ.).
3. Ebeling, R. M. *How Stalin Used Hitler To Start World War II*. Available at: <https://capitalismmagazine.com/2016/05/how-stalin-used-hitler-to-start-world-war-ii/> (accessed: 23.09.2025) (in Russ.)
4. Narochitskaya, N. A. (2016). *For what and with whom we fought*. Moscow: Veche Publ. (in Russ.).
5. Kulish, V. M. (1971). *History of the second front*. Moscow, Nauka Publ. (in Russ.).
6. Sakharov, A. N., ed. (2002). *History and historians, 2002: Historiographic bulletin*. Moscow: Nauka Publ. (in Russ.).
7. Yakovlev, A. N. (2001). Bolshevism – social disease of the 20th century. In: Courtois, S., Vert, N., Panne, Zh-L., Pachkovsky, A., etc. *Black Book of Communism. Crimes, terror, repression*. Moscow: Tre veka istorii Publ., 5–32 (in Russ.).
8. Semchenko, A. (2025). *Fourth Reich. Stalin trial*. Moscow: Tion Publ. (in Russ.).
9. Petrushko, V. I. (1998). *Autocephalist schisms in Ukraine in the post-Soviet period 1989–1997*. Moscow: Sv.-Tikhonovsky theological institute Publ. (in Russ.).
10. Pidgayko, V. G. (2010). Bishop of Vladimir-Volyn and Kovel Manuel (Tarnavsky) in the history of Ukrainian church divisions of 1941–1943. In: *Bulletin of church history*, №3/4, 303–322 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бруз Владимир Виленович (г. Москва) – доктор исторических наук, профессор кафедры государственных закупок, менеджмента и государственного управления Государственного университета просвещения;

e-mail: vvb54@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-7014-5251

Жиряков Иван Георгиевич (г. Москва) – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории Государственного университета просвещения;

e-mail: 79168497010@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-5333-5398

Золотарёв Владимир Антонович (г. Москва) – доктор исторических наук, доктор юридических наук, профессор, вице-президент Российской академии естественных наук, председатель Секции Военной истории и теории РАЕН, действительный государственный советник РФ I класса;

e-mail: m-s-pol@yandex.ru

Ковригин Вадим Валерьевич (г. Москва) – кандидат педагогических наук, доцент кафедры методики преподавания истории и обществознания Государственного университета просвещения;

e-mail: letter@vkovrigin.ru

Лескова Ирина Валерьевна (г. Москва) – доктор социологических наук, кандидат политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и права Государственный университет просвещения;

e-mail: leskova.i@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-6083-6692

Литвинов Владимир Петрович (г. Елец) – доктор исторических наук, доцент кафедры истории и историко-культурного наследия Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина;
e-mail: vladlenli@yandex.ru)

Литвинов Пётр Петрович (г. Елец) – доктор исторических наук, доцент кафедры истории и историко-культурного наследия Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина;
e-mail: petr.litvinov.46@mail.ru

Реснянский Сергей Иванович (г. Москва) – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Государственного университета просвещения;
e-mail: resnyanskiy_si@rudn.ru

Семченко Александр Анатольевич (г. Москва) – доктор политических наук, профессор кафедры развития просветительской деятельности всероссийского общества «Знания» Государственного университета просвещения;
e-mail: Cfifc@ya.ru

Фукс Александр Николаевич (г. Москва) – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой по развитию просветительской деятельности Российского общества «Знание» Государственного университета просвещения;
e-mail: anfyks20@yandex.ru; ORCID: 0009-0005-9726-7696

Яровой Евгений Васильевич (г. Москва) – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Государственного университета просвещения;
e-mail: jar.evgenijj@rambler.ru; ORCID: 0009-0009-6101-2498

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vladimir V. Bruz (Moscow) – Dr. Sci. (History), Assoc. Prof., Prof., Department of State and Municipal Management, Federal State University of Education;
e-mail: vvb54@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-7014-5251

Ivan G. Zhiryakov (Moscow) – Dr. Sci. (History), Prof., Department of General History, Federal State University of Education;
e-mail: 79168497010@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-5333-5398

Vladimir A. Zolotarev – Dr. Sci. (History), Dr. Sci. (Law), Prof., Vice-President of the Russian Academy of Natural Sciences, Chairman of the Section of Military History and Theory of the Russian Academy of Natural Sciences, Current State Advisor to the Russian Federation, Class I;
e-mail: m-s-pol@yandex.ru

Vadim V. Kovrigin (Moscow) – Cand. Sci. (Education), Assoc. Prof., Department of Methods of Teaching History and Political Science, Federal State University of Education;
e-mail: letter@vkvovrigin.ru

Irina V. Leskova (Moscow) – Dr. Sci. (Sociology), Prof., Departmentally Head, Department of the Political Science and Law, Faculty of History, Political Science and Law, Federal State University of Education;
e-mail: leskova.i@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-6083-6692

Vladimir P. Litvinov – Dr. Sci. (History), Assoc. Prof., Chair of History and Historical and Cultural Heritage, Yelets State University named after I. A. Bunin;
e-mail: vladlenli@yandex.ru)

Petr P. Litvinov (Yelets) – Dr. Sci. (History), Prof., Department of History and Historical and Cultural Heritage, Yelets State University named after I. A. Bunin;
e-mail: petr.litvinov.46@mail.ru

Sergey I. Resnyansky (Moscow) – Dr. Sci. (History), Prof., Department of Russian History, Federal State University of Education;
e-mail: s-r44@yandex.ru

Alexander A. Semchenko (Moscow) – Dr. Sci. (Political Sciences), Prof., Department of the Development of Educational Activities of the All-Russian Society of Knowledge, Federal State University of Education; e-mail: Cfifc@ya.ru

Alexander N. Fuks (Moscow) – Dr. Sci. (History), Prof., Departmentally Head, Department for the Development of Educational Activities, Russian Society "Knowledge", Federal State University of Education; e-mail: anfyks20@yandex.ru; ORCID: 0009-0005-9726-7696

Evgeny V. Yarovoy (Moscow) – Dr. Sci. (History), Prof., Department of Russian History, Federal State University of Education; e-mail: jar.evgenijj@rambler.ru; ORCID: 0009-0009-6101-2498

Научная статья

УДК 94(47)“18”+ 908(470-25)

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-6-26-35

В ПОИСКАХ ДОМА: ОБ ОСОБЕННОСТЯХ МЕСТОПОЛОЖЕНИЯ НЕКОТОРЫХ ГУБЕРНСКИХ И УЕЗДНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. (НА ПРИМЕРЕ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Бегунова Л. В., Соловьёв Я. В.*

Государственный университет просвещения

г. Москва, Российская Федерация

** Корреспондирующий автор, e-mail: solyan@yandex.ru*

Поступила в редакцию 14.09.2025

После доработки 29.09.2025

Принята к публикации 08.10.2025

Аннотация

Цель. Рассмотрение особенностей местоположения некоторых губернских и уездных учреждений (присутственных мест) Российской империи дореформенного периода на примере Московской губернии.

Процедура и методы. Проанализирован корпус материалов Российского государственного исторического архива, Центрального государственного архива г. Москвы (ЦГА Москвы), а также адрес-календари жителей Москвы. Работа основана на применении комплекса научных принципов и методов, среди которых особенно стоит выделить историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический и историко-системный методы.

Результаты. Проведённый анализ показал, что в первой половине XIX в. государственные учреждения нередко сталкивались с отсутствием подходящих для их размещения помещений, одной из причин чего являлись проводимые в данный период масштабные реформы в области государственного управления, значительно расширявшие бюрократический аппарат. При этом проблема нехватки места на практике зачастую решалась посредством расположения присутственных мест в не отличавшихся должным удобством и функциональностью арендованных помещениях или же путём приёма посетителей по месту проживания чиновника, что не могло не отражаться на должном функционировании рассматриваемых институтов.

Теоретическая и/или практическая значимость. Освещая вопросы пространственной организации губернских и уездных учреждений Российской империи первой половины XIX в., данное исследование вносит вклад в изучение истории государственных учреждений России.

Ключевые слова: присутственные места, государственные учреждения, здания и помещения, Российская империя, Московская губерния, первая половина XIX века

Для цитирования:

Бегунова Л. В., Соловьёв Я. В. В поисках дома: об особенностях местоположения некоторых губернских и уездных учреждений в первой половине XIX в. (на примере Московской губернии) // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 6. С. 26–35.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-6-26-35

Original research article

IN SEARCH OF A HOME: ON THE LOCATION FEATURES OF SOME PROVINCIAL AND DISTRICT INSTITUTIONS IN THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY (THE CASE OF MOSCOW PROVINCE)

L. Begunova, Ya. Solovyov*

Federal State University of Education

Moscow, Russian Federation

* Corresponding author, e-mail: solyan@yandex.ru

Received 14.09.2025

Revised 29.09.2025

Accepted 08.10.2025

Abstract

Aim. This study examines the location characteristics of certain provincial and district institutions of the Russian Empire (also known as "prisutstvennye mesta") during the pre-reform period, using the example of Moscow Province.

Methodology. The research analyzes materials from the Russian State Historical Archive and the Central State Archive of Moscow, as well as address calendars of Moscow residents. The work is based on a set of scientific principles and methods, among which the historical-genetic, historical-comparative, historical-typological, and historical-systems methods are particularly noteworthy.

Results. The analysis revealed that in the first half of the 19th century, state institutions often faced a lack of suitable premises for their operations. One of the reasons for this was the large-scale reforms in public administration taking place during this period, which significantly expanded the bureaucratic apparatus. Consequently, the issue of space was often addressed by placing institutions in rented premises that lacked proper convenience and functionality or by receiving visitors at the officials' residences, which inevitably affected the proper functioning of these institutions.

Research implications. By shedding light on the spatial organization of provincial and district institutions of the Russian Empire in the first half of the 19th century, this research contributes to the study of the history of state institutions in Russia.

Keywords: prisutstvennye mesta, state institutions, buildings and premises, the Russian Empire, Moscow Province, first half of the 19th century

For citation:

Begunova, L. V. & Solovyov, Ya. V. (2025). In search of a home: on the peculiarities of the location of some provincial and district institutions in the first half of the 19th century (on the example of the Moscow province). In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 6, 26–35.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-6-26-35

Введение

Первая половина XIX в. в истории России стала временем значительных перемен. Проводимые в царствования Александра I и Николая I реформы затронули многие сферы общественной жизни. При этом одним из важных направлений реформирования стало совершенствование государственного аппарата, преимущественно выражавшееся в реорганизации уже существующих учреждений или создании новых для обеспечения более успешного выполнения государственными органами своих административных функций и в целом для повышения эффективности управления страной.

Однако создание правительством государственных институтов зачастую было сопряжено с достаточно банальной проблемой – отсутствием пригодных помещений под новое учреждение. И, если высших и центральных учреждений это практически не касалось, то их губернские и уездные подразделения с подобной ситуацией сталкивались довольно часто, что не могло не отражаться на их функционировании.

При этом в исследованиях разных эпох, посвящённых истории государственных учреждений Российской империи, внимание обычно уделялось проблемам функционирования данных структур, их устройству, кадровому составу и эволюции методов работы [1; 2; 3; 4; 5 и др.]. Но не менее важным аспектом, который следует при этом учитывать, является и вопрос о их пространственном размещении. Рассмотрению особенностей местоположения некоторых губернских и уездных учреждений (присутственных мест) Российской империи дореформенного периода на примере Московской губернии и посвящена настоящая статья.

Присутственные места в первой половине XIX в.

В рассматриваемый период губернские и уездные учреждения, а также занимаемые ими помещения, часто именовали

«присутственными местами». Например, в деле «Об учреждении Московской палаты государственных имуществ» читаем: «Но как на основании особого Высочайшего указа, данного Правительствующему Сенату, открытие Московской палаты государственных имуществ имеет последовать в самом скором времени, то господин министр, озабочиваясь приисканием удобного помещения для сего присутственного места (курсив Л.Б., Я.С.) к 1 июля, просит моих распоряжений об обращении, в случае возможности под Палату находящихся в здании Московских присутственных мест свободных комнат, бывших прежде в ведении общества сельского хозяйства»¹. Подобное находим и в документе «О производстве следствия по делу о незаконных сборах казённых поселян»: «Рассмотрение причин, побудивших виновного к совершению преступлений, т. е. определение большей или меньшей степени его виновности принадлежит к обязанностям *судебного места*. Дела между *присутственными местами разных ведомств* по преступлениям лиц распределяются по своему роду, означенному в законе...»².

При этом в первом издании толкового словаря В. И. Даля даётся следующее определение присутственного места: «совещательное управленье, коему дано зеркало»³. В данном случае под зеркалом подразумевалась трехгранная призма с орлом и 3 указами Петра I, которая являлась обязательным атрибутом государственных учреждений дореволюционной России, а потому должна была находиться «на столе всякаго присутственного места»⁴.

¹ Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГА Москвы). Ф. 16. Оп. 11. Д. 762. Л. 3–3(об).

² ЦГА Москвы. Ф. 17. Оп. 5. Д. 1446. Л. 9 (об).

³ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Ч. 3. II. (П). М.: Изд. общ-ва любителей Российской словесности, 1865. С. 409.

⁴ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Ч. 1 (А–З). М.: Изд. общ-ва любителей Российской словесности, 1863. С. 611.

Фото 1 / Photo 1. Зерцало. Первая половина XIX в. / The Mirror. The first half of the 19th century

Источник: Электронный каталог Государственного исторического музея: [сайт].
URL: <https://clcl.li/XegRo> (дата обращения: 01.19.2025)

Поэтому сразу оговоримся, что в контексте данной статьи применительно к различным губернским и уездным учреждениям будет также использоваться термин «присутственные места».

До начала XIX в. нахождение присутственных мест в малопригодных для осуществляемой ими деятельности помещениях было достаточно распространённым явлением. Исследователи указывают не только на нехватку помещений, но и на крайнюю ветхость имеющихся. Как отмечает Л. Ф. Писарькова, только к концу правления Александра I «все губернские и уездные учреждения были переведены из временных помещений в новые здания присутственных мест» [6, с. 128].

Само строительство данных зданий в первой половине XIX в. обычно велось по

типовым проектам. Из дела «О неудобном нахождении кладовой в Коломенском казначействе» (1831 г.), которое будет подробно рассмотрено ниже, следует, что все присутственные места в городах Российской империи сооружались по планам, рассмотренным строительным комитетом, учреждённым при Министерстве внутренних дел¹.

Однако предусмотренная первоначально планировка могла неоднократно меняться, что было обусловлено изменением числа находящихся в здании учреждений. Так, судя по утверждённому плану реконструкции здания присутственных мест в Москве, последнее имело 2 полноценных этажа, а также «третий этаж» с несколькими комнатами и так называемый «подвальный этаж». В подвале располагались типография, арестантская для женщин, помещения для содержания следственных арестантов, баня, кухня, казармы для нижних чинов, винный погреб, лавки и отхожие места. На первом этаже находились: типография управы благочиния, кладовые казённой палаты, помещения земского, уездного, надворного и словесного судов, церковь, временная тюрьма, помещения общества сельского хозяйства и уездного казначейства. На втором этаже: торговые лавки, помещения гражданской палаты, управы благочиния, казённой палаты, приказа общественного призрения, городской думы, уголовной палаты, а также архивы казённой палаты, уголовной палаты и губернского правления. Третий этаж, согласно плану, был отдан под помещения губернского правления².

Сложности, связанные с размещением учреждений, на примере Московской палаты государственных имуществ и Коломенского уездного казначейства

Но зачастую имеющихся в зданиях присутственных мест помещений всё равно не хватало для того, чтобы раз-

¹ ЦГА Москвы. Ф. 17. Оп. 2. Д. 1463. Л. 3.

² РГИА. Ф. 1293. Оп. 165. Д. 204. Л. 3–6.

Фото 2 / Photo 2. Здание присутственных мест (губернское правление) у Воскресенских ворот. Москва, конец XIX – начало XX вв. / The building of public places (provincial government) at the Resurrection Gate. Moscow, late 19th – early 20th centuries

Источник: Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1293. Оп. 169. Д. 886.

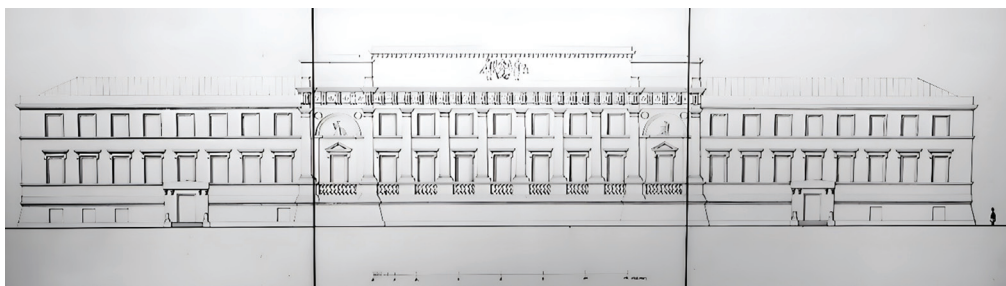

Фото 3 / Photo 3. План фасада здания присутственных мест в Москве (с выходом на Театральную площадь), изображающий строение в существовавшем на 1846 г. виде / The plan of the facade of the building of public places in Moscow (with access to Teatralnaya Square), depicting the building in the form that existed in 1846

Источник: РГИА. Ф. 1293. Оп. 165. Д. 204. Л. 1.

местить основные губернские и уездные учреждения. Так, при открытии в Московской губернии в 1838 г. палаты государственных имуществ ей срочно нужно было найти удобное помещение.

Возникшие при этом трудности открываются в сохранившейся переписке между московским гражданским губернатором, московским военным генерал-губернатором, министром государственных иму-

ществ и старшим членом Московской Приуготовительной Комиссии князем Горчаковым. Так, министр государственных имуществ П. Д. Киселёв, который должен был к 1 июля 1838 г. подыскать помещение для создаваемой палаты, обратился к московскому военному генерал-губернатору с просьбой предоставить для данного учреждения «свободные в Корпусе Присутственных мест комнаты, бывшие в ведении общества сельского хозяйства»¹. На это Киселёв получил ответ, что предоставление палате государственных имуществ помещений в здании губернских присутственных мест весьма затруднительно, поскольку, во-первых, сложно освободить комнаты, где проводятся собрания общества сельского хозяйства и других обществ, а во-вторых, даже в случае освобождения этих нескольких комнат, занимаемых в дни собраний различными обществами, имеющегося места для палаты будет недостаточно. По этой причине предлагалось найти для нового учреждения помещение в другом доме посредством найма².

В результате, согласно изданной в 1839 г. В. Д. Метелеркампом «Книге адресов Москвы», Московская палата государственных имуществ расположилась не в здании присутственных мест (у Воскресенских ворот Китайгородской стены), а в Пречистенской части, 4 квартале, на Арбатской улице³. Этот же адрес сохранялся за палатой государственных имуществ и в 1842 г.⁴. При этом, по всей видимости, это был домашний адрес кня-

зя С. Д. Горчакова, на тот момент являвшегося управляющим палаты государственных имуществ и как раз проживавшего в Пречистенской части Москвы на Арбате в доме Нарышкина⁵. В настоящий момент это дом № 37 на Арбате, в котором располагается 2-й западный окружной военный суд. В конце же XVIII – начале XIX вв. здание являлось главным домом усадьбы, сначала принадлежавшей В. А. Хованскому, затем В. А. Бобринскому, а позже – знакомым А. С. Пушкина. Непосредственно с 1836 г. и до начала 1840-х гг. особняком владел К. А. Нарышкин – член Государственного совета, дядя В. А. Соллогуба⁶.

Позднее адрес Московской палаты государственных имуществ неоднократно менялся. Так, в 1846–1849 гг. данное учреждение располагалось уже в Сретенской части Москвы, на Петровке⁷. С 1851 г. у палаты уже новый адрес – Поварская, дом Государственного Коннозаводства⁸. А в адрес-календаре жителей Москвы 1866 г. её местоположение уже фиксируется в Сретенской части Москвы у Страстного монастыря⁹. Более точный адрес палаты, преобразованной в конце 1860-х гг. в управление государственными имуществами, мы находим в «Московской памятной книге» за 1868 г. – Сретенская часть, Каретный ряд, 2-й

¹ ЦГА Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 16. Оп. 11. Д. 762. Л. 1(об)–2.

² ЦГА Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 16. Оп. 11. Д. 762. Л. 5–7(об).

³ Метелеркамп В. Д. Книга адресов столицы Москвы, составленная из документов и сведений правительственных и присутственных мест. М.: Тип. С. Селивановского, 1839. С. III; В ранее опубликованной статье [8, с. 74] указана страница IV, что является опечаткой.

⁴ Нистрем К. М. Московский адрес-календарь, для жителей Москвы: составлен по официальным документам и сведениям. Т. 1: Путеводитель Москвы. М.: Тип. С. Селивановского, 1842. С. 71.

⁵ Метелеркамп В. Д. Книга адресов столицы Москвы, составленная из документов и сведений правительственных и присутственных мест. М.: Тип. С. Селивановского, 1839. С. 135.

⁶ Библиотека русской философии и культуры «Дом А. Ф. Лосева». [Электронный ресурс]. URL: <https://clcl.i/YemQc> (дата обращения: 10.09. 2025).

⁷ Нистрем К. М. Адрес-календарь жителей Москвы. М.: Тип. С. Селивановского, 1846. С. VIII; Нистрем К. М. Адрес-календарь жителей Москвы. 1849. Ч. 1. Календарь чиновников служащих. М.: Тип. С. Селивановского, 1849. С. XIII.

⁸ Нистрем К. М. Адрес-календарь жителей Москвы: составлен по официальным сведениям и документам. Ч. I. Календарь чиновников служащих. М.: Университетской тип., 1851. С. XII.

⁹ Московская памятная книжка на 1866 год, составленная по официальным сведениям и документам. Ч. I. М.: тип. Смирнова и Бахметева, 1866. С. 366.

Фото 4 / Photo 4. Ул. Арбат, дом 37 / St. Arbat, house 37

Источник: фото Бегуновой Л. В.

Спасский переулок, дом Усовой¹. Этот же адрес указан в качестве местоположения рассматриваемого учреждения и в 1869², т. е. постоянного помещения Московской палата государственных имуществ в течение продолжительного времени не имела. Однако необходимо подчеркнуть, что если первоначально адрес палаты совпадал с местом проживания её управляющего, то, по крайней мере, с середины 1840-х гг. (исходя из тех же памятных книжек) такого уже не наблюдалось.

Таким образом, поскольку неимение государственными учреждениями в силу различных причин собственных (казённых) помещений для первой половины XIX в. оставалось обычным явлением, то чиновники могли принимать посетителей по месту своего жительства или в специально нанятом для этого помеще-

нии. Соответственно, адрес, по которому принимал чиновник, мог довольно часто меняться, поскольку в случае со съёмным помещением постоянство адреса зависело от многих факторов, например, цены аренды помещения или желания владельцев последнего продолжать сдавать его в наём прежнему арендатору. Так как подобные ситуации были нередким явлением, «для приведения в известность многочисленного класса людей, отправляющих разные должности в частных домах людей по найму» в Москве была учреждена Контора адресов [7, с. 156]. При этом «люди, отправляющие какие-либо должности в частных домах» для получения билета на жительство должны были ежегодно платить: мужчины – по 10 руб., женщины – по 5 руб. Но как не парадоксально, Контора адресов первоначально тоже не имела казённого дома, а помещалась по найму «в Тверской части между Никитскою и Тверскою» [7, с. 156].

Однако даже если учреждение всё же имело собственное помещение, то далеко не факт, что последнее было удобным и приспособленным под нужды данного

¹ Московская памятная книжка или адрес-календарь жителей Москвы на 1868 год, составленная по официальным сведениям и документам. Ч. I. М.: Тип. Смирнова и Мамонтова, 1868. С. 218.

² Московская памятная книжка или адрес-календарь жителей Москвы на 1869 год, составленная по официальным сведениям и документам. Ч. I. М.: Тип. Смирнова, 1869. С. 223.

присутственного места. Так из дела «О неудобном нахождении кладовой в Коломенском казначействе» следует, что относящаяся к уездному казначейству денежная кладовая, хотя и находилась с ним в одном корпусе присутственных мест, «но в нижнем этаже под комнатами уездного суда в отдалении от комнат, занимаемых Казначейством, в которых ночуют дежурные присяжные, и что вход в кладовую из сеней охраняется одним часовым, к задней же стене оной примыкают общих мест архивы», что «Казначейство находит вовсе неудобным и не совершенно безопасным»¹. В этой связи Московская казённая палата «в ограждение себя от ответственности» просила московского гражданского губернатора Н. А. Небольсина приказать поместить кладовую Коломенского уездного казначейства «во внутренности комнат, занимаемых оным казначейством, которая бы была от огня и кражи совершенно безопасною», добавляя, что в случае какого-либо происшествия подобного рода, связанного с местоположением кладовой, Казённая палата ответственности за это не несёт².

Получив данное обращение, Н. А. Небольсин обратился с просьбой к Комиссии для строений в Москве с тем, чтобы та приняла все возможные усилия для помещения кладовой Коломенского казначейства «в удобном и безопасном от огня и кражи месте»³. В ответ на это Комиссия для строений в Москве указала, что все присутственные места в городах были сооружены по планам, которые были рассмотрены строительным комитетом, учреждённом при МВД, но поскольку Казённая палата находит местоположение кладовой денежной казны г. Коломны неудобной, то городничему, казначею, уездному судье, стряпчему и начальнику внутренней стражи предписано освидетельствовать комнаты уездного казна-

чейства и определить «где и каким образом можно устроить в них кладовую», при этом учитывая приспособленность помещения для этой цели (своды, надёжные решётки на окнах) и то, что можно поместить на место нынешней кладовой. Получив необходимые данные, Комиссия для строений в Москве командировала в Коломну губернского архитектора «для составления сметы на устроение той кладовой с надлежащей для того безопасностью и удобностью»⁴. Однако прибыв на место и осмотрев предлагаемое под кладовую помещение, губернский архитектор Борисов отрапортовал, что ввиду тесноты занимаемых Коломенским уездным казначейством комнат, отсутствия сводов и решёток на окнах, он находит комнаты казначейства неудобными и предлагает выстроить для кладовой отдельное помещение «во дворе ввиду присутственных мест с помещением при ней состоящего при градской тюрьме караула и для охранения учредить особую для присяжных комнату», а нынешнюю кладовую отдать под архив казначейства⁵. Тем не менее, как часто бывает, губернские власти предпочли обойтись наименьшими издержками. Поэтому гражданский губернатор просил Комиссию для строений в Москве отправить в Коломну своего архитектора, чтобы тот попытался найти способ оставить кладовую в прежнем помещении, обезопасив её «от всякого неприятного случая устроением сводов», а на этот же этаж перенести казначейство⁶.

Заключение

Таким образом, нехватка подходящих помещений для присутственных мест продолжала оставаться проблемой для Российской империи и в первой половине XIX в. Создание новых учреждений в рамках проводимых правительством реформ в сфере государственного управления требовало наличия помещений

¹ ЦГА Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 17. Оп. 2. Д. 1463. Л. 1.

² Там же. Л. 1(об)–1а.

³ Там же. Л. 2(об).

⁴ Там же. Л. 3–3(об).

⁵ Там же. Л. 5–5(об).

⁶ Там же. Л. 10(об).

для их размещения. Поскольку поиск подходящего по всем параметрам места (размещение учреждения в уже отстроенном здании или строительство нового) по разным причинам был затруднён, нередко были случаи, когда губернские и уездные учреждения размещались в арендованных помещениях, которые не

всегда были удобны и функциональны, или вообще чиновники принимали посетителей по месту своего жительства.

Подобные ситуации негативно сказывались на работе государственных учреждений, однако в первой половине XIX в. проблема так и осталась нерешённой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М.: РГГУ, 2008. 672 с.
2. Кирпа М. С. Реформа местных административных и полицейских органов в начале XIX в. // Юрист-Правовед. 2022. № 2. С. 76–79.
3. Козловский Я. И. Казённые палаты и подведомственные им учреждения в России: История и современное устройство их, в связи с кратким изложением устройства Государственного управления вообще, бюджетной системы и организации правительственных касс. Рига: типо-лит. Матвеева. 1901. 856 с.
4. Соловьёв Я. В. Московская казённая палата: правовые и организационные основы деятельности в первые годы существования // Вестник Московского государственного педагогического университета. Серия: История и политические науки. 2008. № 3. С. 62–69.
5. Тюрин А. С. Деятельность ведомства государственных имуществ на территории Нижегородской губернии во второй половине XIX века: дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2021. 282 с.
6. Писарькова Л. Ф. Российский чиновник на службе в конце XVIII – первой половине XIX века // Человек. 1995. № 3. С. 121–139.
7. Малиновский А. Ф. Обзорение Москвы. М.: Московский рабочий, 1992. 256 с.
8. Бегунова Л. В. Создание палат государственных имуществ и их роль в системе прямого налогообложения казённых крестьян (на примере Московской губернии) // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России: мат-лы конф. Вып. 16. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2025. С. 73–77.

REFERENCES

1. Eroshkin, N. P. (2008). *History of state institutions of pre-revolutionary Russia*. Moscow: RSUH Publ. (in Russ.).
2. Kirpa, M. S. (2022). Reform of local administrative and police bodies at the beginning of the 19th century In: *Lawyer-Lawyer*, 2, 76–79 (in Russ.).
3. Kozlovsky, Y. I. (1901). *State chambers and their subordinate institutions in Russia: History and modern structure of them, in connection with a brief presentation of the structure of the State Administration in general, the budget system and the organization of government cash desks*. Riga: tipo-lit. Matveeva (in Russ.).
4. Soloviev, Y. V. (2008). Moscow State Chamber: legal and organizational foundations of activities in the first years of existence. In: *Bulletin of Moscow State Pedagogical University. Series: History and Political Science*, 3, 62–69 (in Russ.).
5. Tyurin, A. S. (2021). *The activities of the department of state property in the territory of the Nizhny Novgorod province in the second half of the XIX century*: [dissertation]. N. Novgorod (in Russ.).
6. Pisarkova, L. F. (1995). Russian official in the service at the end of the 18th – the first half of the 19th century. In: *The Man*, 121–139 (in Russ.).
7. Malinovsky, A. F. (1992). *Review of Moscow*. Moscow: Moskovskiy rabochiy Publ. (in Russ.).
8. Begunova, L. V. (2025). Creation of chambers of state property and their role in the system of direct taxation of state peasants (on the example of the Moscow province). In: *Capital and provinces: relations between the center and regions in the history of Russia: mat-la conf. Iss. 16*. St. Petersburg: Leningrad State University named after A. S. Pushkin Publ., 73–77 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бегунова Людмила Витальевна (г. Москва) – аспирант кафедры истории России Государственного университета просвещения;

e-mail: gudina.ludmila26@yandex.ru; ORCID:

Соловьёв Ян Валерьевич (г. Москва) – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Государственного университета просвещения;

e-mail: solyan@yandex.ru; ORCID:

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Lyudmila V. Begunova (Moscow) – Postgraduate Student, Department of Russian History, Federal State University of Education;

e-mail: gudina.ludmila26@yandex.ru; ORCID :

Yan V. Soloviev (Moscow) – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of Russian History, Federal State University of Education;

e-mail: solyan@yandex.ru; ORCID:

Научная статья

УДК 94(47)

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-6-36-48

УЧАСТИЕ СТАРОЙ НАРОДНИЦЫ, ЧЛЕНА ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ Е. К. БРЕШКО-БРЕШКОВСКОЙ В СОЗДАНИИ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ «ШКОЛЬНАЯ ПОМОЩЬ»

Иванишкина Ю. В.¹, Трухин М. Д.^{2*}, Суханова Н. И.²

¹ Первый Московский государственный медицинский университет им. И. М. Сеченова
г. Москва, Российская Федерация

² Государственный университет просвещения
г. Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор, e-mail: aristei2007@yandex.ru

Поступила в редакцию 24.08.2025

После доработки 16.09.2025

Принята к публикации 02.10.2025

Аннотация

Цель. Историческая реконструкция основных событий в процессе создания культурно-просветительской организации «Школьная помощь» и непосредственное участие в них Е. К. Брешко-Брешковской.

Процедура и методы. Проведён анализ архивных документов, в т. ч. ранее неопубликованных из фондов Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) и Центрального государственного архива города Москвы (ЦГА Москвы) для выявления сведений об организации «Школьная помощь» и лиц, с ней связанных.

Результаты. В научный оборот введены новые фактические данные о культурно-просветительской организации «Школьная помощь». Выявлены ранее неизвестные биографические сведения о Е. К. Брешко-Брешковской и других видных представителях русской эмиграции в Чехословакии.

Теоретическая и/или практическая значимость. Представлены новые материалы по истории российской эмиграции в Чехословакии, связанные с различными представителями народнического движения. Материалы исследования могут быть использованы в дальнейшей научной деятельности, направленной на изучение российской истории начала XX в.

Ключевые слова: народничество, эсеры, «Школьная помощь», просвещение, русское зарубежье

Для цитирования:

Иванишкина Ю. В., Трухин М. Д., Суханова Н. И. Участие старой народницы, члена партии социалистов-революционеров Е. К. Брешко-Брешковской в создании культурно-просветительской организации «школьная помощь» // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 6. С. 36–48.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-6-36-48

Original research article

THE PARTICIPATION OF THE VETERAN POPULIST AND MEMBER OF THE SOCIALIST REVOLUTIONARY PARTY E. K. BRESHKO-BRESHKOVSKAYA IN THE ESTABLISHMENT OF THE CULTURAL AND EDUCATIONAL ORGANIZATION “SHKOL’NAYA POMOSHCH’” (“THE SCHOOL HELP”)

Y. Ivanishkina¹, M. Trukhin^{2*}, N. Sukhanova²

¹ I. M. Sechenov First Moscow State Medical University (Sechenovskiy University)
Moscow, Russian Federation

² Federal State University of Education
Moscow, Russian Federation

* Corresponding author, e-mail: aristei2007@yandex.ru

Received 24.08.2025

Revised 16.09.2025

Accepted 02.10.2025

Abstract

Aim. The historical reconstruction of the main events in the process of establishing the cultural and educational organization “Shkolnaya Pomoshch’” and the direct involvement of E. K. Breshko-Breshkovskaya in these activities.

Methodology. The study involved an analysis of archival documents, including previously unpublished materials from the collections of the State Archive of the Russian Federation, the Russian State Archive of Socio-Political History, and the Central State Archive of the City of Moscow, to identify information about the “Shkolnaya Pomoshch’” organization and the individuals associated with it.

Results. New factual data about the cultural and educational organization “Shkol’naya Pomoshch’” have been introduced into scholarly discourse. Previously unknown biographical details about E. K. Breshko-Breshkovskaya and other prominent figures of the Russian émigré community in Czechoslovakia have been uncovered.

Research implications. The article presents new materials on the history of Russian emigration in Czechoslovakia, related to various representatives of the populist movement. The research findings can be utilized in further scholarly work aimed at studying the history of Russia in the early 20th century.

Keywords: Narodnichestvo, Social Revolutionaries, Shkol’naya Pomoshch’ (The School Help), education, Russian emigres

For citation:

Ivanishkina, Yu. V., Trukhin M. D. & Sukhanova, N. I. (2025). The participation of the veteran populist and member of the socialist revolutionary party E. K. Breshko-Breshkovskaya in the establishment of the cultural and educational organization “Shkol’naya Pomoshch’” (“The School Help”). In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 6, 36–48.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-6-36-48

Введение

Падение монархии в России в 1917 г. предоставило возможность всем демократическим силам реализовать свои политические интересы в новых условиях. Значимым участником этого процесса стала Партия социалистов-революционеров (ПСР, эсеры), которая быстро обрела широкую общественную поддержку. В 1917 г. эсеры имели представительство во всех новообразованных органах власти, как в центре, так и на местах. Ключевым достижением партии стала победа на выборах во Всероссийское Учредительное собрание. Однако быстрый рост популярности большевиков и внешнеполитические потрясения внесли негативные коррективы в потенциальное политическое доминирование эсеров. Партия также столкнулась с внутренними проблемами, выразившимися в организационном кризисе и расколе, вследствие которого из неё вышли левые эсеры.

Тем не менее в 1918 г. эсеры продолжили борьбу за свои идеалы, кульминацией которой стало создание Комитета членов Учредительного собрания в Самаре, а затем Уфимской директории. В этот период ближайшим союзником эсеров стали части Чехословацкого корпуса, стремившиеся покинуть территорию России, чтобы вернуться на родину. Разобщённость сил антибольшевистской коалиции и переворот Колчака в Омске лишили эсеров самостоятельной политической роли. В этих условиях значительная часть руководства партии была вынуждена покинуть Россию, в т. ч. с частями Чехословацкого корпуса, получившими возможность вернуться в Европу через Владивосток и Северную Америку.

Поколение старых народников, чьи идеи лежали в основе идеологической и политической платформы партии эсеров, играло ключевую роль в её деятельности на протяжении всей истории организации. Именно личный авторитет таких фигур, как Екатерина Константиновна Брешко-Брешковская (известная также

под партийными псевдонимами Бабушка или Бабка), Осип Соломонович Минор, Егор Егорович Лазарев, Николай Сергеевич Русанов, Николай Васильевич Чайковский, Вера Николаевна Фигнер и др., поддерживал партию в период её формирования и в моменты кризиса. Политические реалии 1918–1921 гг. радикально изменили судьбы старых народников: одни, столкнувшись с репрессиями и утратой влияния, предпочли эмигрировать из Советской России, другие же по идеологическим или личным причинам решили остаться, несмотря на сложные условия.

Тем не менее те из них, кто предпочёл не разрывать связь с партией, продолжали активно участвовать в политической и общественной жизни организации. Так, на Втором съезде заграничных организаций ПСР в Париже в 1928 г. было отдельно подчёркнуто, что в партии есть «...только три имени, возраст и прошлое которых даёт право на авторитетность: Бабушка, Лазарев и Минор. Все остальные – по авторитетности равны»¹.

Выбор Чехословакии как одного из центров новой эсеровской эмиграции был не случайным. Это государство, возникшее после распада Австро-Венгерской империи, имело целый ряд благоприятных условий для возобновления деятельности эсеров в Европе.

Сформированная на демократических принципах государственная система поддерживала русских эмигрантов во многом, благодаря инициативам первого президента Т. Масарика и, в частности, инициированной им в 1921 г. программы «Русская акция». Её целью стало содействие беженцам, преимущественно интеллигенции, учёным, инженерам, педагогам и студентам в сохранении их культурного и профессионального потенциала, а также подготовка кадров для будущей демократической России. Программа финансировалась из госу-

¹ Партия социалистов-революционеров в эмиграции 1918 – начало 1950-х гг.: документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2022. С. 670.

дарственного бюджета, в основном через Министерство иностранных дел Чехословакии, и включала материальную помощь, обеспечение жильём, медицинскую поддержку и образовательные возможности.

В 1920-е гг. в Праге было создано несколько крупных образовательных учреждений, продолжавших традиции русского классического просвещения, например, Русский народный университет, Русский институт сельскохозяйственной кооперации и ряд др. научных обществ. Помимо просвещения, Чехословакия предоставила возможность создавать общественные организации, среди которых особо выделялось возобновлённое к 1921 г. Объединение русских земских и городских деятелей в Чехословацкой Республике (Земгор), в руководство которого вошли многие эсеры разных поколений: В. М. Вершинин, В. М. Зензинов, Б. Ф. Соколов, П. Д. Климушкин, А. Г. Ковтун, Ф. И. Колесов, Е. Е. Лазарев, Л. В. Россель, М. П. Полосин и др.

Таким образом, Прага стала интеллектуальным центром, имевшим необходимые условия для консолидации партии и развития её деятельности.

Земгор обеспечивал материальную помощь, организовывал библиотеки, лекции и издательства, укрепляя эмигрантскую инфраструктуру. Журнал «Воля России» стал ключевой платформой пражских эсеров для их идейной борьбы, публицистики и обсуждения будущего России. Стоит добавить, что в 1920 г. в Чехословакию приехала из США Екатерина Брешко-Брешковская (1844–1934). Приезд Бабушки позволил заметно укрепить статус эсеровской организации в стране за счёт личного авторитета и внушительных денежных средств, собранных ею во время нахождения в Северной Америке. Все эти факторы позволили Праге в дальнейшем претендовать на роль заграничного центра ПСР.

Однако деятельность представителей партии эсеров не ограничивалась

территориально только столицей Чехословакии, но и распространялась на периферию и, в частности, на Закарпатье. Подкарпатская Русь стала неслучайным местом для начала деятельности русских эмигрантов и эсеров благодаря выгодным социальным и этническим условиям, включая культурную близость русин и поддержку эмигрантских инициатив руководством Чехословакии. Географически Закарпатье, представляющее собой ареал компактного проживания русин, охватывает южные отроги Карпатского хребта и Закарпатскую низменность, расположенные на территории современных Румынии, Венгрии, Украины и Словакии. Русины выступают автохтонным осколком древнерусской этнической и историко-культурной общности, сохранившим архаичный русский язык, насыщенный лексемами соседних языков (венгерского, словацкого и немецкого), что обусловило своеобразие диалектизмов карпаторусского наречия данного региона.

Закарпатье сравнительно рано оказалось в сфере влияния усиливающегося Венгерского государства, а позднее – Австро-Венгерской империи. В межвоенный период, находясь в составе Чехословакии, регион получил официальное название Подкарпатская Русь, что отражало его географическое положение у подножия Карпат и статус частично автономной территории. В 1938–1939 гг. он кратковременно существовал как автономная Карпатская Украина. После Второй мировой войны восточная часть области компактного проживания русин была включена в состав СССР как Закарпатская область УССР (ныне часть Украины), тогда как западная часть (так называемая Пряшевская Русь) вошла в состав ЧССР (современная Словакия).

Несмотря на череду тяжёлых политических и военных поражений эсеров в Гражданской войне, правое крыло партии продолжило борьбу в эмиграции. Одним из первых шагов эсеров по восстановлению своего влияния и создания по-

зительного образа в Чехословакии стала инициатива, направленная на поддержку образования и культуры среди местного населения. Выбрав местом своего постоянного пребывания г. Ужгород, Брешко-Брешковская активно включилась в работу созданной в 1919 г. местной культурно-просветительской организации «Школьная помощь».

Е. К. Брешко-Брешковская и «Школьная помощь» в Карпатской Руси

История создания организации «Школьная помощь» довольно скупо представлена в историографии. Советская историческая наука под влиянием идеологии негативно изображала антибольшевистскую эмиграцию, не стремясь к объективной оценке. Также негативный отпечаток накладывала и советская национальная политика принудительной украинизации Закарпатья. Поэтому не случайно данный регион в советской историографии обозначался уже под совершенно другим названием – Закарпатская Украина¹.

Хотя изучение исторического наследия русской эмиграции в Чехословакии сегодня является довольно распространённой темой исследований, количество работ об организации «Школьной помощи» незначительно. В связи с этим можно выделить работы белорусского историка О. Г. Казака, в которых автор рассматривает деятельность русофильской интеллигенции в Подкарпатской Руси и исследует обстоятельства ликвидации «Школьной помощи» в 1939 г. во время венгерской оккупации южной территории Чехословакии [1; 2]. Ранее российский историк Е. И. Фролова в своей работе, посвящённой жизни Брешковской, кратко писала о её вкладе в создание «Школьной помощи» и гума-

нитарной деятельности в Чехословакии [3, с. 85–95]. Полезные сведения об организации содержит публикация российского историка М. Ю. Дронова, в которой представлены письма карпаторусских деятелей Дмитрия и Ольги Вислоцких к Е. К. Брешко-Брешковской. Богатый научно-справочный персональный материал содержит энциклопедия, составленная И. И. Попом – советским историком-славистом, русином по происхождению². Однако вопросы создания организации «Школьная помощь» и участие в её деятельности представителей русской политической эмиграции требуют внимания специалистов.

На сегодня большая часть источников по теме работы представлена в коллекции бывшего Русского заграничного исторического архива в Праге, материалы которого теперь находятся в фондах Государственного архива Российской Федерации. Так, в личном Фонде Р-5975 Е. К. Брешко-Брешковской отложилась её обширная переписка с различными представителями «Школьной помощи», начиная от заведующего интернатом А. Василева и заканчивая воспитанниками и воспитанницами этих образовательных учреждений. Также научный интерес представляет Фонд Р-5824 Е. Е. Лазарева, соратника и близкого друга Брешко-Брешковской, в котором собраны документы, фотографии и переписка, прямо связанные с деятельностью «Школьной помощи».

Не менее ценная информация находится в коллекции Российского государственного архива социально-политической истории в Фонде 274 Центрального комитета Партии социалистов-революционеров (эсеров) (1901–1923). Здесь наибольший интерес представляет коллекция документов Лазарева и Брешко-Брешковской (Ф. 274. Оп. 3 Коллекция документов Е. Е. Лазарева; Оп. 4 Коллекция документов Е. К. Брешко-Брешковской), где содержатся пере-

¹ Билак С. М. Крах антинародной деятельности буржуазно-националистических партий на Закарпатской Украине (1917–1945 гг.): дис. ... док. ист. наук. Ужгород, 1982. 459 с.

² Поп И. И. Энциклопедия Подкарпатской Руси. Ужгород, 2001. 431 с.

писка и воспоминания старых народников об их чехословацкой эмиграции. Ещё одним архивом, где находятся искомые сведения, является Центральный государственный архив города Москвы, в коллекцию которого включён личный фонд старого народника М. П. Шебалина (Ф. 2241. Шебалин Михаил Петрович, русский революционер, народовец 80-х гг.), также являвшегося близким другом и постоянным корреспондентом Брешко-Брешковской.

По итогам заключения 10 сентября 1919 г. Сент-Жерменского мирного договора Закарпатье вошло в состав молодой Чехословацкой республики, а уже 26 сентября группой ужгородской пророссийской интеллигенции по инициативе доктора Ю. Пелеха был образован «Комитет Школьной Помощи». Тогда же была определена и главная цель организации – содействовать процессу формирования «интеллигенции из народа»¹. Необходимость такой деятельности была очевидна, т. к. культурное и экономическое состояние русинов было весьма слабым.

В 1919 г., описывая свой первый приезд в Ужгород, Брешко-Брешковская эмоционально писала Лазареву: «Ах, сколько тут пролито слёз, сколько кровавых обид ещё не забыто, ещё продолжает колоть и отравлять жизнь забитого, измученного народа. Магьяры и евреи высосали всю кровь из безобидного славянского народа, и он едва верит, что может избавиться от этих пиявок ещё его окружающих». Вместе с этим она подчёркивала, что местное славянское население хочет изменить сложившуюся несправедливость: «Крестьяне настаивают на полной солидарности с русским народом, требуют православной веры и русского языка. Очень просят русских учителей... всех административных лиц заменить русскими... ибо, не имея своей интеллигенции, никогда не слышно слов дружбы, слов

правды»². О глубоком характере этой проблемы говорит нам и письмо Лазарева к Фигнер, отправленное им во время очередного посещения региона в 1935 г.: «Магьяры и евреи живут и в сёлах, обыкновенно в центре, в более приличных домах, вытесняя русинов на периферии сёл, в первобытных халупках. А в так называемой «Верховине», в горах, где население живёт скотоводством, люди спят вместе с козами, свиньями и курами. Люди, собаки и птицы живут заодно»³.

Практическое решение этой проблемы организаторы «Школьной помощи» видели в создании интернатов для детей с целью подготовки из них будущих педагогов. Однако воплощение этой инициативы представляло собой довольно трудный процесс. Несмотря на то, что эту инициативу поддерживали известные политические деятели Чехословакии, как, например, председатель правительства В. Тусар и президент республики Т. Масарик, основной проблемой для организаторов являлось отсутствие нужного количества денежных средств. Так, к лету 1920 г. за счёт взносов членов комитета и частных пожертвований удалось собрать всего 10 514 чешских крон, которых явно не хватало для начала активной деятельности. Но ситуация в корне изменилась после приезда в Чехословакию Брешко-Брешковской.

Идея Брешко-Брешковской о начале массового народного просвещения в России стала осуществляться практически сразу после падения монархии в 1917 г. К осени в Петрограде она возглавила Комитет гражданского просвещения, в который также вошли Лазарев и Чайковский. Спонсируемый американским Красным крестом комитет организовывал лекции для солдат, издавал брошюры, листовки и пр. [4, с. 248–249]. С началом Гражданской

¹ Общество «Школьная помощь» в Ужгороде. Ужгород: Тип. Школьной помощи, 1923. С. 1.

² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 274. Оп. 3. Д. 33. Л. 27–28.

³ Центральный государственный архив города Москвы (ЦГА Москвы). Ф. 2241. Оп. 1. Д. 62. Л. 2.

войны в России Брешко-Брешковская отправляется в Сибирь для организации сопротивления большевикам. В это время она сближается с солдатами и офицерами Чехословацкого корпуса, которые вступили в союз с Комитетом членов Учредительного собрания, возглавляемый членами партии эсеров. Так, выступая на Чешском съезде в Омске перед солдатами, она приветствовала их словами «друзья мои, дети родные» [5, с. 76]. Изменения политических реалий после Октябрьского переворота не заставило Брешковскую отказаться от своих планов, связанных с делом народного просвещения. Уезжая по поручению Уфимской Директории из Челябинска в Америку в ноябре 1918 г., она получила наказ от крестьян «хлопотать о машинах и школах»¹. Политическая ситуация в США в тот момент времени была осложнена противостоянием между представителями либерального и социалистического истеблишмента, что осложняло сбор средств на борьбу с большевизмом в России. Однако, как писала Брешковская, американские филантропы охотно выделяли деньги на поддержку народного образования и борьбу с беспризорностью. Собрав около 40 тысяч долларов, с помощью американских друзей она организовала фонд, получивший её имя (англ. *Catherine Breshkovsky Russian Relief Fund*). В конце июня 1919 г., покинув США, Брешко-Брешковская планировала вернуться на юг России, но после предупреждения соратников о тяжёлом положении Белого движения она изменила свои планы. Во время поездки по Чехословакии она отметила регион, поражающий контрастным сочетанием различных национальных культур, среди которых наиболее нуждающимися были русины, тяготеющие к русским традициям. Оказавшись перед выбором, Брешко-Брешковская так описывала своё состояние: «Обводя Мир Божий мысленными очами, остановилась я на свежем ещё

впечатлении от Карпатской Руси. Вот где могу пригодиться и я сама, и средства, что остались в Америке... Там столько нужды и темноты, что и моя работа положит начало просветительскому труду»².

Правительство Чехословакии не могло не знать о том, что в Подкарпатской Руси основная масса крестьян не только русины, но и широко тяготеют к русскому языку и русской культуре. Историк К. В. Шевченко, демонстрируя положение русинов в 1919 г., цитирует официальный отчёт чешского офицера Ш. Палайды: «русский крестьянин в Карпатской Руси всегда стремился к русской книге и к русской культуре» [6, с. 88]. Поэтому неудивительно, что, узнав об образовательной инициативе местной пророссийской интеллигенции, Брешко-Брешковская приняла решение внести крупное пожертвование в размере 200 тысяч крон.

В результате 23 июня 1920 г. состоялось учредительное собрание Культурно-просветительской организации «Школьная помощь», в правление которой вошли следующие представители: А. А. Бескид, А. М. Гагатко, Ю. Гаджега, К. О. Могилицкий и др. Почётным членом общества была избрана Е. К. Брешко-Брешковская. Данное начинание стало первой результативной попыткой предоставить местным крестьянам-русином возможность учиться в городских учебных заведениях.

Первичной задачей «Школьной помощи» было приобретение собственных помещений для размещения интернатов, которые должны были располагаться рядом с существующими государственными образовательными учреждениями (школы, гимназии, семинарии и др.). За счёт пожертвования были немедленно приобретены 2 больших каменных дома в центре Ужгорода (на 15 комнат каждый), которые из-за противодействия местной власти не были расселены (лишь к 1926 г. купленные дома перешли в полное распоряжение «Школьной помощи»).

¹ РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 4. Д. 43. Л. 1.

² Там же. Л. 4.

Поэтому руководству пришлось арендовать помещения, рассчитанные на проживание 25–30 воспитанников в здании «Учительского Дома».

Одновременно с этим в Мукачево самой Брешко-Брешковской был арендован дом для создания интерната на 25 воспитанниц. О трудностях организации этого интерната старая народница сетовала в письме к Лазареву в конце августа 1920 г.: «Довольно сложное дело организовать дом с полным содержанием и обучением детей, из ничего, можно сказать. Приходится собирать, просить, урезонивать и преодолевать много умышленных препятствий»¹.

Организаторы интернатов остро нуждались в необходимом инвентаре, к счастью, в июле 1920 г. поступила помощь 20 тыс. долларов, доставленная в Подкарпатскую Русь секретарём Фонда имени Брешко-Брешковской доктором Э. Эгбертом. Она включала в себя лекарства, одежду и школьные принадлежности. Помимо этого, американский Красный крест выделил крупную партию одежды и продовольствия, что позволило обеспечить детей на ближайшую зиму. О том, что «Школьная помощь» была с избытком обеспечена всем необходимым говорит и тот факт, что часть поступившей гуманитарной помощи была передана в местные школы².

С самого начала организаторы избрали своей политикой финансовую доступность образования, поэтому в первый год оба интерната принимали учащихся бесплатно. Постоянным источником пополнения бюджета стали взносы от американских общественных деятелей и друзей Брешко-Брешковской: А. Стоун Блэкуэлл, д-ра Э. Эгберта, м-ра Гаррисона и их многочисленных знакомых. На счёт организации переводили личные средства и другие близкие друзья Брешко-Брешковской. Так, в 1921 г. Лазарев пожертвовал 10 тыс. крон и в дальнейшем

также продолжал участвовать в жизни организации³. К концу 1922 г. общая сумма пожертвований составила более 2 млн крон.

При этом необходимо учесть, что с начала своей деятельности организация активно вкладывала средства в приобретение недвижимости, садово-огородного хозяйства, типографии и даже кинотеатра. Именно типография и кинотеатр позволили организации иметь постоянный доход в размере 9 тыс. крон в месяц⁴. Первое время систематические выплаты осуществлял и американский Фонд имени Брешко-Брешковской. Финансовый отчёт за первый год говорит нам, что общая сумма расходов составила 1 802 923 кроны, а доход 1 812 309 крон, т. е. демонстрирует нам выход на самоокупаемость организации⁵.

К сожалению, в дальнейшем регулярные финансовые поступления из США прекратились. Например, в 1924 г. на это обстоятельство сетовал заведующий Ужгородским интернатом Н. П. Малицкий: «Из Америки в этом году пожертвований нет совсем»⁶. Зная о такой ситуации и из-за большого количества желающих отдать своих детей на обучение в город, к 1923 г. в интернатах была введена фиксированная плата. В Ужгороде минимальный ежемесячный взнос за проживание составлял от 50 до 250 крон в зависимости от имущественного положения родителей. При этом 25% воспитанников интерната проживали бесплатно⁷.

Изначально условия жизни в интернатах были далеки от идеала. Так, воспитательница Мукачевского интерната Э. Д. Лавриш, вспоминая о начале работы, писала: «Помните, Бабушка, как спали мы на полу, 24 девочки, как нельзя было нам на подворье... сделать лишнего

³ ГА РФ. Ф. Р-5975. Оп. 1. Д. 260. Л. 22об.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-5975. Оп. 1. Д. 462. Л. 10.

⁵ Общество «Школьная помощь» в Ужгороде. Ужгород: Тип. Школьной помощи, 1923. С. 5; 8–9.

⁶ ГА РФ. Ф. Р-5975. Оп. 1. Д. 462. Л. 42.

⁷ Общество «Школьная помощь» в Ужгороде. Ужгород: Тип. Школьной помощи, 1923. С. 8.

¹ РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 3. Д. 33. Л. 49об.

² РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 4. Д. 43. Л. 7.

шага». Сказывалась нехватка еды и медикаментов. Зная об этом, некоторые родители забирали детей домой: «Всякий год мы теряем лучших и сознательных девочек только потому, что у нас нет удобств интернатской жизни и порядка в пище»¹. Родители, зная о том, что в интернаты поступают деньги из-за границы, прибегали к хитрости, намеренно занижая свои доходы, чтобы не платить за обучение. Порой случались и более серьёзные трудности. В ночь на 4 января 1921 г. в Мукачевском интернате произошла кража. Воры, проломив стену сарая, вынесли 30 кг сала и мыла. Правда, как писал в письме Гагатко к Брешко-Брешковской, один из похитителей был вскоре задержан².

Пожалуй, одной из наиболее сложных проблем стало преодоление национально-культурных противоречий. Суть конфликта заключалась в том, что новоиспечённые власти региона отдавали предпочтение населению с проукраинскими настроениями, что проявлялось в преподавании предметов в гимназиях на этом языке. В то же время значительная часть крестьянского населения в бытовом общении предпочитала говорить на русском языке, считая его родным. Так, Шевченко в другой работе, также затрагивающей проблему взаимоотношений русинского населения с местной администрацией, пишет: «С самого начала подготовленные украинофилами учебные пособия для местных школ, призванные культивировать украинскую идентичность у русинского населения и поддерживаемые чехословацкой администрацией, вызывали категорическую неприязнь у местных учителей и населения, настроенных в большинстве русофильски» [7, с. 137].

Примеры этого противоречия постоянно звучали и в письмах к Брешко-Брешковской. Из письма Малицких мы узнаём следующее: «Единственное, что меня и Николая Павловича убивает – это

ломка детей в гимназии: ведь все предшествующие годы они учились по-русски, а вдруг с этого года на украинском языке. Так больно слушать, как они учат уроки, коверкая свой язык. Дети ко всему этому относятся очень скептически...». В другом письме мы также читаем: «В гимназии, по-старому, наших детей преследуют за “русскость” и на столько несправедливы к ним, что приходится просить, чтобы они отвечали при директоре, так как ставят им “неудовлетворительно” явно неправильно». Порой дети выражали и открытый протест против таких притеснений, о чём пишет Э. Лавриш в декабре 1924 г.: «Первый класс в этом году особенно интересный. Им постоянно приходится воевать с Бирчаком. Тот учит их по-украински... Я уже просила их оставить эти демонстративные выступления, они твердят мне, что по-украински они могли учиться и в гражданских школах, а в гимназию они только потому и шли, чтобы учиться по-русски»³.

Всё это говорит нам о том, что организация «Школьная помощь», возникшая и функционировавшая при активном участии Брешко-Брешковской, и преследовавшая широкие образовательные и культурно-просветительские цели, оказалась востребованной и органично ответившей на общерусские чаяния русинов в Подкарпатской Руси.

Постепенно условия интернатов становились лучше. В 1924 г. та же Лавриш писала, что после покупки нового дома для интерната дети были размещены в 9 комнатах, имелся «великолепный сад» и пианино, которое на свои деньги приобрела для интерната Брешко-Брешковская⁴. Заведующая Мукачевским интернатом З. Г. Артюхова (Ломиковская) тоже регулярно сообщала ей о состоянии дел. Показательным отчётом является недельное меню интерната, которое предполагало пятиразовый приём пищи в день.

¹ ГА РФ. Ф. Р-5975. Оп. 1. Д. 421. Л. 27, 43об.

² ГА РФ. Ф. Р-5975. Оп. 1. Д. 260. Л. 10об.

³ ГА РФ. Ф. Р-5975. Оп. 1. Д. 463. Л. 16–16об, 17об; Д. 421. Л. 36.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-5975. Оп. 1. Д. 421. Л. 27об; Д. 463. Л. 5.

Меню включало на завтрак: бутерброды с салом, молоко, чай и кофе. Обед: суп мясной, мясо с картошкой, котлеты с рисом, телятина с дыней, галушки, кнедлики и пр. На ужин: гуляш, фаршированный перец, пироги с мясом, капуста в томате, яйца и пр. В течение дня предполагались второй завтрак и полдник. По воскресениям воспитанники получали на сладкое бухты (традиционные в Чехии булочки), пирожки, мармелад и какао¹. Внутренний распорядок дня в интернате был построен на принципе сочетания учебной и досуговой деятельности. Учебный день начинался сразу после завтрака, когда воспитатель или старшие воспитанницы провожали младших в ближайшие учебные заведения. Оставшиеся в интернате воспитатели следили за больными детьми и давали частные уроки. К обеду дети возвращались в интернат, после которого выполняли заданную домашнюю работу с репетитором. При этом старшие воспитанники обязательно помогали младшим со сложными предметами (математика, физика, латинский язык и др.). Вечером воспитанницы занимались чтением или рукоделием, а в 9 часов переходили ко сну².

В похожем виде проходила жизнь мужского интерната. Об этом Брешко-Брешковской также регулярно сообщал Н. Малицкий и его супруга Анна Николаевна. В октябре 1924 г. они писали: «Расписание дня такое: утром после кофе дети садятся готовить уроки... В 12 дети обедают... и идут в гимназию, где остаются до 7 вечера. Домой приходят в 7½, ужинают, а к 9 ложатся спать». Тем не менее быт и досуг юношей в Ужгороде имел некоторые отличия. Молодые люди уделяли больше внимания спорту и особенно гимнастике. Общим увлечением стало фотодело, инициатива которого принадлежала Брешко-Брешковской, купившей для интерната несколько фотоаппаратов. Благодаря этому воспитанники полу-

чили не только интересное хобби, но и возможность периодически отправлять фотографии из жизни интерната родителям и Бабушке. В том же письме Малицкий пишет: «Только сегодня посылаю Вам снимки из жизни интерната... Основные процессы фотографии знают уже все... Медленность нашей работы объясняется ещё тем, что каждый хочет иметь на память свой снимок»³.

Правление «Школьной помощи» активно использовало фотографии из интернатов для иллюстрации своей деятельности в государственной печати и за рубежом. На сохранившихся фото запечатлены сцены из повседневной жизни интернатов. Так, во дворе женского интерната сфотографированы воспитанницы, занятые уборкой, стиркой, глажкой и шитьём. На другой фотографии юноши занимаются уборкой территории и починкой построек. Сохранились фото и с праздничных мероприятий в виде рождественских концертов, утренников и выпускных вечеров⁴.

Ключевой деятельностью воспитанников была, конечно, учёба, которая, как мы уже отметили, проводилась в местных городских гимназиях. Отчёты об учебной успеваемости систематически отправлялись Брешко-Брешковской из всех интернатов. В отчёте Лавриш за первое полугодие 1922/1923 учебного года Мукачевской гимназии учениц 1–6 классов перечисляются русский язык, история, география, естественные науки, физика, химия, алгебра, арифметика, геометрия, латинский язык, немецкий язык, музыка, пение, рисование, рукоделие, гимнастика, чистописание». Возглавивший в 1926 г. Ужгородский интернат А. Васильев также последовательно перечисляет предметы учеников 4–8 классов гимназии за первое полугодие 1927/1928 учебного года: украинский, русский, чешский, латинский, немецкий и французский языки, история, география, математика, естествозна-

¹ ГА РФ. Ф. Р-5975. Оп. 1. Д. 440. Л. 157.

² ГА РФ. Ф. Р-5975. Оп. 1. Д. 462. Л. 130об.

³ ГА РФ. Ф. Р-5975. Оп. 1. Д. 462. Л. 39–39об.

⁴ См: ГА РФ. Ф. Р-5824. Оп. 2. Д. 222.

ние, химия, физика, начертательная геометрия, филологическое преподавание, рисование, гимнастика¹. Отметим, что в обеих ведомостях также значились религия (Закон Божий) и поведение. Перечисленные предметы явно подчёркивают высокую разнообразность предметов.

Отметим, что украинский язык как предмет обучения фигурировал лишь в одной из обнаруженных нами ведомостей.

Воспитатели всегда старались выделить учеников, отличавшихся наибольшим прилежанием в учёбе. Они также обращали внимание на воспитанников с трудным материальным положением, как бы намекая на необходимость их поощрения, почти всегда выражавшегося не только в виде финансовой помощи, но и частых подарков (предметы одежды, книги, игрушки и пр.).

Заключение

Положив начало деятельности организации «Школьная помощь» Брешко-Брешковская в конце 1920 г. временно переезжает в Париж для продолжения уже своей непосредственной партийной деятельности. Естественно сказывались и проблемы со здоровьем, что, в конечном счёте, отсрочило её возвращение в Чехословакию. Позднее Брешко-Брешковская возвратилась в Чехословакию, где продолжала одновременно с партийной работой участвовать в повседневной жизни интернатов. Проживая в Праге, она вела переписку с правлением «Школьной помощи», воспитателями и детьми, а также регулярно посещала Подкарпатскую Русь.

Многочисленные письма к Брешко-Брешковской от воспитанников за все годы её отношения к «Школьной помощи» свидетельствуют о глубоком почтении и любви к делу. Практически все письма начинались со слов «Дорогая Бабушка!» и заканчивались традиционным

галантным обращением, принятым в Чехословакии: «Целую Ваши ручки».

Сама Брешко-Брешковская довольно скромно оценивала свой вклад в дело становления «Школьной помощи»: «Что же касается моего личного содействия столь ценному мною делу воспитания молодёжи в духе любви, дисциплины характера и работоспособности, то содействие это состоит, главным образом, в моих постоянных обращениях к детям с указанием правил, долженствующих лечь в основу их самостоятельности, и в дружеских сношениях со всеми участниками Правления и непосредственно работающим по учебным и хозяйственным делам»².

Однако это было, конечно, проявлением личной скромности. Брешко-Брешковская на протяжении всего времени была полностью посвящена в деятельность интернатов, имея полную картину жизни детей, воспитателей и руководства интернатов. Примером этого могут служить письма воспитателей, в которых они выступают в качестве арбитров в решении различных житейских разногласий, которые неизбежно возникали в коллективах.

Екатерина Константиновна Брешко-Брешковская скончалась 12 сентября 1934 г. в дер. Хвалы на ферме четы Архангельских под Прагой. Её похороны в Чехословакии стали национальной драмой, выразившейся в глубоком почтении к памяти выдающейся русской революционерки. Траурная весть транслировалась по радио на всю Чехословакию. В печати публиковались многочисленные некрологи и письма с соболезнованиями.

Конечно, не осталась в стороне и «Школьная помощь». В упомянутом нами выше письме Е. Лазарев писал В. Фигнер о том, что 20 старших воспитанниц интерната поехали на похороны Брешко-Брешковской³. Сам Лазарев продолжал сохранять наследие старой народницы, поддерживая связь с её интернатами до конца своей жизни. В 1938 г. в типогра-

¹ ГА РФ. Ф. Р-5975. Оп. 1. Д. 421. Л. 23–24; Д. 231. Л. 15.

² РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 4. Д. 43. Л. 10–11.

³ ЦГА Москвы. Ф. 2241. Оп. 1. Д. 62. Л. 1.

фии «Школьной помощи» была издана биография Е. К. Брешко-Брешковской, написанная В. Г. Архангельским.

Деятельность Брешко-Брешковской в Закарпатье демонстрирует нам важное явление, закономерно наметившееся в революционно-народнической среде после событий 1917 г. Социалисты-революционеры, реализовавшись как партия власти и победившая на выборах во Всероссийское Учредительное собрание, не смогли сохранить свой статус и потерпели поражение в Гражданской войне. Большинство из них оказалось перед важным жизненным выбором о способах продолжения своей борьбы.

Жизненный путь Брешко-Брешковской показывает, что она обозначила новый мирный вариант дальнейшего политического развития эсеров, построенный не на принципах разрушения, а созидания. Несомненный успех «Школьной помощи» демонстрирует верность принятого ей решения. Пройдя путь от сторонницы радикального сопротивления власти, она к концу жизни смогла преодолеть личные амбиции в пользу общественного блага. Находясь в эмиграции, Е. К. Брешко-Брешковская оставалась искренней подвижницей сохранения русской культуры и русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Казак О. Г. Русофильская интеллигенция в национально-культурной жизни Подкарпатской Руси (1939–1944) // Славянский альманах. 2015. № 1–2. С. 95–112.
2. Казак О. Г. Ликвидация русофильской организации «Школьная помощь» в контексте национально-культурной жизни Подкарпатской Руси периода венгерской оккупации (1938–1944 гг.) // Славянский альманах. 2022. № 1–2. С. 95–108. DOI: 10.31168/2073–5731.2022.1–2.1.06
3. Фролова Е. И. Осмысление судьбы: Е. К. Брешко-Брешковская (1844–1934) // Осмысление судьбы: Историко-биографические очерки, публицистика. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 85–95.
4. Нечипорук Д. М. Во имя нигилизма: американское общество друзей русской свободы и русская революционная эмиграция (1890–1930 гг.). СПб.: Нестор-История, 2018. 288 с.
5. Елизарова Н. В. Визит в Омск Е. К. Брешко-Брешковской в отражении периодических изданий Белой столицы // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: мат-лы конф. Омск: Омский государственный технический университет, 2021. С. 72–79.
6. Шевченко К. В. Положение Подкарпатской Руси и русинов в 1919 г. в оценках чешских чиновников (по материалам пражского Архива Канцелярии президента республики) // Славянский альманах. 2022. № 1–2. С. 86–94. DOI: 10.31168/2073–5731.2022.1–2
7. Шевченко К. В. Украинское движение и политика Чехословакии в русинском вопросе в межвоенный период в освещении газеты «Американский русский вестник» // Русин. 2020. № 61. С. 132–148. DOI: 10.17223/18572685/61/8

REFERENCES

1. Kazak, O. G. (2015). Russophile intelligentsia in the national and cultural life of Subcarpathian Rus' (1939–1944). In: *Slavic Almanac*, 1–2, 95–112 (in Russ.).
2. Kazak, O. G. (2022). Liquidation of the Russophile organization "School Aid" in the context of the national and cultural life of Subcarpathian Rus' during the Hungarian occupation (1938–1944). In: *Slavic Almanac*, 1–2, 95–108. DOI: 10.31168/2073–5731.2022.1–2.1.06 (in Russ.).
3. Frolova, E. I. (2011). Understanding Fate: E. K. Breshko-Breshkovskaya (1844–1934). In: *Understanding Fate: Historical and Biographical Essays, Journalism*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 85–95 (in Russ.).
4. Nechiporuk, D. M. (2018). In the Name of Nihilism: The American Society of Friends of Russian Freedom and the Russian Revolutionary Emigration (1890–1930). St. Petersburg: Nestor-Istoriya (in Russ.).
5. Elizarova, N. V. (2021). Visit to Omsk by E. K. Breshko-Breshkovskaya as reflected in the periodicals of the White capital. In: *Civil war in the east of Russia: a look through the documentary heritage*. Omsk: Omsk State Technical University, 72–79 (in Russ.).

6. Shevchenko, K. V. (2022). The situation in Subcarpathian Rus' and the Rusyns in 1919 in the assessments of Czech officials (Based on materials from the Prague Archive of the Chancellery of the President of the Republic). In: *Slavic almanac*, 1–2, 86–94. DOI: 10.31168/2073–5731.2022.1–2 (in Russ.).
7. Shevchenko, K. V. (2020). The Ukrainian Movement and Czechoslovakia's Policy on the Rusyn Question in the Interwar Period as Covered by the American Russian Herald Newspaper. In: *Rusin*, 61, 132–148. DOI: 10.17223/18572685/61/8 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Иванишкина Юлия Вячеславовна (г. Москва) – кандидат исторических наук, доцент Института социальных наук Первого Московского государственного медицинского университета им. И. М. Сеченова Министерства здравоохранения Российской Федерации (Сеченовский Университет);
e-mail: uyli77@mail.ru; ORCID: 0009-0003-1175-2451

Трухин Михаил Дмитриевич (г. Москва) – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Государственный университет просвещения;
e-mail: aristei2007@yandex.ru

Суханова Наталья Ивановна (г. Москва) – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Государственный университет просвещения;
e-mail: sukhnovani@rambler.ru; ORCID: 0000-0002-2442-3097

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yulia V. Ivanishkina (Moscow) – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Institute of Social Sciences, I. M. Sechenov First Moscow State Medical University (Sechenovskiy University);
e-mail: uyli77@mail.ru; ORCID: 0009-0003-1175-2451

Mikhail D. Trukhin (Moscow) – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of Russian History, Federal State University of Education;
e-mail: aristei2007@yandex.ru

Natalya I. Sukhanova (Moscow) – Dr. Sci. (History), Prof., Department of the Contemporary History of Russia, Federal State University of Education;
e-mail: sukhnovani@rambler.ru; ORCID: 0000-0002-2442-3097

Научная статья

УДК 322

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-6-49-62

«ГЕРОИЧЕСКАЯ БОРЬБА КОРЕЙСКОГО НАРОДА С ИНОЗЕМНЫМИ ЗАХВАТЧИКАМИ»: ОСВЕЩЕНИЕ ВОЙНЫ В КОРЕЕ (1950–1953 ГГ.) В ПРАВОСЛАВНОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ

Тулянов В. А.

Государственный университет просвещения

г. Москва, Российская Федерация

e-mail: v.tulyanov@yandex.ru

Поступила в редакцию 14.09.2025

После доработки 06.10.2025

Принята к публикации 18.10.2025

Аннотация

Цель. Проанализировать публицистические материалы «Журнала Московской Патриархии», посвящённые войне в Корее (1950–1953 гг.).

Процедура и методы. Ключевым методом исследования стал контент-анализ. Проведена классификация публицистических материалов «Журнала Московской Патриархии», посвящённых войне в Корее (1950–1953 гг.); выявлены вероятные цензурные ограничения, с которыми сталкивалась редакция при публикации материалов о войне; проанализировано влияние советской государственной пропаганды в годы войны на публиковавшиеся материалы.

Результаты. Сделан вывод, что материалы «Журнала Московской Патриархии» проходили строгую цензуру, целью которой было его использование в качестве канала государственной пропаганды. Это определило особенности публицистических материалов, посвящённых войне в Корее: огромное количество штампов советской государственной пропаганды; смешение советской внешнеполитической повестки с теологической точкой зрения авторов; стимулирование советского гражданина к воспоминаниям об ужасах Великой Отечественной войны и сравнение американского солдата с немецким; размышления о мире в Корее были тесно связаны с завершением холодной войны.

Теоретическая и/или практическая значимость. Анализ публицистических материалов «Журнала Московской Патриархии», посвящённых войне в Корее позволил определить, что ключевой темой, волновавшей редакцию и авторов, было не описание военных действий, а такие вопросы как причины войны, образы противоборствующих сторон, военные преступления американских войск и размышления о будущем мире.

Ключевые слова: война в Корее, Журнал Московской Патриархии, миротворческая деятельность, «новый курс», Русская православная церковь, советская конфессиональная политика, холодная война

Для цитирования:

Тулянов В. А. «Героическая борьба корейского народа с иноземными захватчиками»: освещение войны в Корее (1950–1953 гг.) в православной публицистике // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 6. С. 49–62.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-6-49-62

Original research article

«THE HEROIC STRUGGLE OF THE KOREAN PEOPLE AGAINST FOREIGN INVADERS»: COVERAGE OF THE KOREAN WAR (1950–1953) IN ORTHODOX PUBLICISM

V. Tulyanov

*Federal State University of Education
Moscow, Russian Federation
e-mail: v.tulyanov@yandex.ru*

Received 14.09.2025

Revised 06.10.2025

Accepted 18.10.2025

Abstract

Aim. To analyze the journalistic materials of the Moscow Patriarchate Journal dedicated to the Korean War (1950–1953).

Methodology. The key research method was content analysis. The classification of journalistic materials from the Journal of the Moscow Patriarchate dedicated to the Korean War (1950–1953) was carried out; probable censorship restrictions faced by the editorial office when publishing materials about the war were identified; the influence of Soviet state propaganda during the war years on the published materials was analyzed.

Results. It is concluded that the materials of the Journal of the Moscow Patriarchate were subjected to strict censorship, the purpose of which was to use it as a channel of state propaganda. This determined the features of the journalistic materials devoted to the Korean War: a huge number of Soviet state propaganda clichés; a mixture of the Soviet foreign policy agenda with the authors' theological point of view; encouraging the Soviet citizen to recall the horrors of the Great Patriotic War and comparing the American soldier with the German soldier; reflections on peace in Korea were closely linked to the end of the Cold War.

Research implications. An analysis of the journalistic materials published in the Journal of the Moscow Patriarchate on the Korean War revealed that the key topic of concern for the editors and authors was not the description of military operations, but rather the causes of the war, the images of the opposing sides, the war crimes committed by the American forces, and reflections on the future of the world.

Keywords: the Korean War, Journal of the Moscow Patriarchate, peacekeeping, «New Course», Russian Orthodox Church, soviet religious policy, the Cold War

For citation:

Tulyanov, V. A. (2025). "The heroic struggle of the Korean people against foreign invaders": coverage of the war in Korea (1950–1953) in Orthodox journalism. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 6, 49–62.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-6-49-62

Введение

Миротворческая деятельность Русской православной церкви (РПЦ) в начале 1950-х гг. являлась частью «нового

курса» в конфессиональной политике Советского государства. Сам термин «новый курс», используемый для характеристики церковно-государственных отно-

шений в СССР в середине 1940-х – начале 1950-х гг., введённый в научный оборот О. Ю. Васильевой [1] и уточнённый другими исследователями [2; 3; 4], был призван показать отличия советской конфессиональной политики в обозначенные годы от репрессий 1920-х – 1930-х гг.

И действительно, такие отличия были. Так, в годы «нового курса» РПЦ было позволено избрать нового патриарха (которым в 1943 г. стал многолетний местоблюститель патриаршего престола митрополит Сергей (Страгородский)), возобновить издание «Журнала Московской Патриархии» (ЖМП) (ставшего на долгие годы единственным печатным органом Московской патриархии), был создан Совет по делам РПЦ (СДРПЦ) (призванный стать связующим звеном между советским правительством и Патриархией), преодолён «обновленческий» раскол и т. д.

Однако наиболее существенные изменения произошли в международной деятельности РПЦ [5, с. 58], которая в первые послевоенные годы в условиях разгоравшейся холодной войны использовалась советским руководством как своего рода «альтернативная» дипломатия в Восточной Европе, где местные автокефальные православные церкви планировалось поставить под контроль РПЦ для реализации внешнеполитической задачи советского правительства по усилению своего влияния в регионе. Некоторые авторы даже говорят о существовавшем, но провалившемся к 1948 г., сталинском проекте «московского Ватикана», предполагавшем перенос «первенства чести» с Константинопольского патриарха на Московский и создание «первенства власти» последнего над другими автокефальными православными церквями, по крайней мере в Восточной Европе [6, с. 85–104]. Разумеется, речь шла не о свободной деятельности РПЦ, а о полностью контролируемой советскими властями. После провала проекта «московского Ватикана» в 1949 г. РПЦ (в лице своих представите-

лей – митрополита Николая (Ярушевича) и патриарха Алексия (Симанского)) с согласия СДРПЦ стала членом Всемирного совета мира и Советского комитета мира. С этого момента в условиях «нового курса» внешнеполитические возможности РПЦ стали использоваться практически исключительно в рамках миротворческого движения.

В том же году в ЖМП появилась постоянная рубрика «В защиту мира», в которой публиковались в т. ч. и публицистические материалы (как светских, так и церковных авторов), посвящённые злободневным вопросам международных отношений [7, с. 182]. С началом войны в Корее (25 июня 1950 г.), первого «горячего» конфликта холодной войны, материалы ей посвящённые также стали появляться на страницах ЖМП в указанной рубрике.

Следует сказать, что при всём обилии научных работ, посвящённых как миротворческой деятельности РПЦ в конце 1940-х – начале 1950-х гг. [8; 9; 10; 11; 12], так и ЖМП как историческому источнику [13; 14; 15; 16; 17], освещение войны в Корее в православной публицистике до сих пор не становилось предметом отдельного исследования. Представленная статья призвана хотя бы частично восполнить этот историографический пробел.

Сразу оговорим, что в рассматриваемые годы (как, впрочем, и на протяжении всего периода советской истории) материалы ЖМП проходили строгую цензуру, как со стороны СДРПЦ, так и со стороны Главлита [18, с. 298], что, как мы убедимся ниже, нашло своё отражение и в опубликованных публицистических статьях о войне в Корее.

Очевидные цензурные ограничения были вызваны желанием использовать ЖМП в качестве канала государственной пропаганды, участвующего в формировании общественного мнения в стране. Кроме того, следует отметить, что в материалах ЖМП, посвящённых войне в Ко-

рее, описания хода событий собственно войны и военных действий нет. Прямо скажем, крайне неожиданным было бы увидеть подобные материалы в журнале религиозной тематики. Вместо этого большая часть рассмотренных публицистических материалов сосредоточена на следующих вопросах: причины войны, образы противоборствующих сторон, военные преступления американских войск, размышления о мире. На анализе этих вопросов мы и остановимся.

Причины войны в Корее: взгляд православного публициста

Говоря по существу, стоит, прежде всего, указать на то, что причины войны в проанализированных материалах указаны максимально обобщённо и без какой-либо конкретики. Условно их можно разделить на причины политического характера и теологического.

К причинам политического характера могут быть отнесены:

1. противостояние капиталистических стран и СССР после окончания Второй мировой войны;
2. мальтузианские идеи некоторых западных лидеров (стремление сократить численность населения Земли);
3. неоколониализм (стремление развитых стран Западной Европы и США подчинить своему влиянию развивающиеся страны);
4. неофашизм;
5. попытки развязать Третью мировую войну.

Обратимся к интерпретации этих причин православными публицистами более подробно.

Первую причину как основную выделяет архиепископ Минский и Белорусский Питирим (Свиридов). Своё изложение он начинает с того, что советский «народ-богатырь» в тяжёлой и кровопролитной войне одержал победу над «гитлеровскими захватчиками». По прошествии 5 лет с окончания Великой Отечественной войны Советское государство

«успешно залечивает раны, нанесённые врагом; уже неузнаваемо преобразилось лицо нашей страны». Однако рост и процветание «нашей Родины – СССР» «не по нутру всем капиталистам», которые недовольны результатами Второй мировой войны и усилением роли страны Советов на мировой арене. На протяжении первых послевоенных лет они наращивали вооружение, направленное «против нашей мирной страны, против стран народной демократии» и наконец перешли к прямой агрессии в Корее¹.

Таким образом, война в Корее представляется автору как война неконкретизированных «капиталистов» (понятно, что за этим термином скрываются США и их союзники) против СССР и стран «народной демократии» с целью пересмотреть итоги Второй мировой войны.

О второй причине пишет митрополит Новосибирский и Барнаульский Варфоломей (Городцев). Он отмечает, что «источником общей тревоги является воинственная политика новых претендентов на мировое господство, стремящихся... уменьшить население земного шара при помощи атомных бомб и других, невиданных ранее, орудий уничтожения жизни». Вновь прямо не называются «претенденты на мировое господство», но по контексту изложения становится понятным, что имеются в виду, в первую очередь, США. Хотя сам термин «мальтузианство» в статье и не упоминается, ясно, что эти «претенденты» являются, с точки зрения автора, последователями идей Т. Мальтуса (1766–1834) об ограничении численности населения Земли, сократить которое пытаются за счёт «мирных жителей Корейского полуострова»².

О неоколониализме как причине войны в Корее пишут профессор Московской духовной академии Н. П. Доктусов

¹ Питирим (Свиридов), архиеп. Церковный и патристический долг // Журнал Московской Патриархии (далее – ЖМП). 1950. № 8. С. 22–23.

² Варфоломей (Городцев), митр. Первый шаг к миру // ЖМП. 1950. № 9. С. 6.

и настоятель Свято-Троицкого храма в Тбилиси протоиерей Мелхиседек Хелидзе. Оба автора указывают, что стремление «сильных государств» к эксплуатации «малых народов» вызвано лишь желанием «наживы»: «в целях захвата чужих земель, в целях порабощения малых народов, в настоящее время сильные государства вторгаются в пределы малых народов»¹, «стремление к мировому господству, к захвату рынков и колоний, к наживе, к эксплуатации человека и целых народов»². Если Хелидзе и не называет прямо агрессоров, то Доктусов пишет: «кичащиеся своей силой, растленные ненасытным обогащением крупные дельцы США вторглись в небольшую Корею и там хозяйничают, не считаясь ни с волей народа, ни с его национальным достоинством»³. По сути, это первое прямое указание на США как агрессора. До этого в статьях встречалось лишь размытое понятие «капиталисты» и сходные с ним по смыслу.

Неофашизм как основная причина войны назван в статье советского журналиста и многолетнего сотрудника ЖМП А. В. Ведерникова. Он считает, что «эта опасность [война в Корее] надвигается на нас из тёмных глубин недр современного неофашизма». Прямо автор указывает на неофашистские взгляды современных американских элит и их желание с помощью развязывания новых войн решить проблему перенаселения Земли, что сближает взгляды Ведерникова с выше цитированным митрополитом Варфоломеем: «неофашизм убеждает, что статистические данные американского государственного департамента называют угрожающие последствия развития человечества: перенаселение, голод в громадных масштабах, и что только массовое уничтожение в современных войнах может создать необходимую

разрядку»⁴. Таким образом, уничтожение корейцев-«недочеловеков» современными американцами-«неофашистами» с целью предотвращения перенаселения Земли и стало причиной начала войны в Корее.

И, наконец, последнюю из обозначенных причин выделяют доцент Ленинградской духовной академии А. Ф. Шишкин и всё тот же Ведерников. Авторы сходятся во мнении, что война в Корее, «усиленно раздуваемая англо-американскими Атиллами»⁵, «обозначила зловещий прирост Третьей мировой войны, которая обещает быть ещё более жестокой и опустошительной, чем Вторая»⁶. Однако целей, которые преследуют «англо-американские фашисты»⁷, пытаются развязать новую мировую войну, ни один из авторов не называет.

Прежде чем перейти к анализу причин теологического характера укажем, что в наиболее ранних публицистических материалах (особенно в номерах ЖМП за 1950 г.) виновниками начала войны назывались «капиталисты», «капиталистические страны» и т. п., однако уже в 1951 г. от этих терминов отказываются, заменяя их на «Атилл», «фашистов»/«неофашистов», «крупных дельцов» и т. п., что очевидно связано с активным вовлечением РПЦ в работу Всемирного совета мира и участием её представителей во Втором всемирном конгрессе сторонников мира в Варшаве (1950 г.) и Венском конгрессе в защиту мира (1952 г.), и, чтобы не оскорбить своих идейных союзников по миротворческому движению – выходцев из капиталистических стран, – наименование агрессоров претерпело изменение. Кроме того, нельзя не упомянуть наличие в проанализированных материалах огромного количества штампов советской государ-

¹ Доктусов Н. Православная церковь и мир // ЖМП. 1951. № 1. С. 10.

² Хелидзе М., прот. За мир // ЖМП. 1951. № 4. С. 12.

³ Доктусов Н. Православная церковь и мир. С. 10.

⁴ Ведерников А. Русская Православная Церковь за Пакт Мира // ЖМП. 1951. № 10. С. 21.

⁵ Шишкин А. Православие и борьба за мир // ЖМП. 1950. № 12. С. 29.

⁶ Ведерников А. Путь совести и благоразумия // ЖМП. 1951. № 4. С. 8.

⁷ Шишкин А. Православие и борьба за мир. С. 33.

ственной пропаганды («агрессивные планы НАТО», «звериный оскал империализма», «политика большой дубинки», «загнивающий капитализм», «братская рука помощи» и т. п.), что, разумеется, стоит рассматривать как результат цензуры со стороны СДРПЦ и Главлита, о которой говорилось выше, и желания использовать ЖМП в качестве канала государственной пропаганды.

Теперь обратимся к теологическим причинам войны в Корее, к которым отнесены борьба с «мировым злом», «силами зла» и «слугами дьявола». Об этом, в частности, говорит уже упоминавшийся Ведерников, в т. ч. в материале, написанном под псевдонимом «А. Крашенинников».

Основная идея автора заключается в следующем: в мире идёт борьба между представителями мирового христианства («силами добра») и «поджигателями войны» («силами зла»). Если первые (речь не только о православных, а о всех ветвях христианства) борются за «мирную жизнь на Земле» и «идеалы Христа Спасителя», то вторые «угрожают истребить на Земле творение Божие», т. е. жизнь вообще. Примечательно, что «поджигатели войны» и «силы мирового зла», под которыми явственно подразумеваются США и их союзники при своём декларируемом христианстве, Ведерниковым характеризуются как «слуги дьявола», пришедшие в мир с целью «разжигания новой мировой войны, с угрозой истребления народов атомной бомбой». Победа над «мировым злом» автору видится возможной, но скорее даже не на полях сражений войны в Корее, а через «преобразование всей жизни в духе евангельской любви и правды», чтобы «силам зла» и «слугам дьявола» не осталось места, где они могли бы укрыться и вынашивать замыслы по уничтожению мира¹.

¹ Ведерников А. Испытание верности // ЖМП. 1951. № 2. С. 11–14; Крашенинников А. Новый вклад Церкви в дело мира // ЖМП. 1950. № 8. С. 24–32.

«Человеческое достоинство корейцев» и «бесчеловечность культурных американцев»: образы противоборствующих сторон

Перейдём к анализу образов противоборствующих сторон в интерпретации православных публицистов. Эти образы несколько шире, чем «корейцы» и «американцы», поэтому условно первых назовём «обороняющимися», а вторых – «агрессорами».

Начнём с образа «обороняющихся», под которым объединены корейцы, китайские добровольцы и христиане всего мира – сторонники мира в Корее.

Примечательно, что о корейских военнослужащих, с оружием в руках защищающих свою страну от иностранных завоевателей, речи практически не идёт. Исключение составляет лишь статья Шишкина, где северокорейские солдаты названы «ратниками человеколюбия»². В остальных материалах корейцы изображены как мирные жители, женщины и дети, страдающие от ужасов войны: «они [американцы] уже пробуют свои силы на мирных жителях Корейского полуострова»³, «рвутся сердца наши, горящие гневом и мукой, терзаемые потоками крови наших бедных братьев-корейцев, их неописуемыми и неисчислимыми страданиями, реками слёз женщин и стариков, обезумевших от ужаса детей»⁴ и т. п. В материалах вообще всячески выделяется, что «мирная Корея» и «героическая Корея»⁵, чьи жители отличаются «человеческим достоинством»⁶, борется за свою независимость в несправедливой войне. Это же подчёркивается указанием принадлежности Северной Кореи к «лагерю» стран «народной демократии», ха-

² Шишкин А. Православие и борьба за мир. С. 30.

³ Варфоломей (Городцев), митр. Первый шаг к миру. С. 6.

⁴ Лука (Войно-Ясенецкий), архиеп. Ко Второму Всемирному Конгрессу сторонников мира // ЖМП. 1950. № 11. С. 17.

⁵ Хелидзе М., прот. За мир. С. 13.

⁶ Васильев А. Требование совести // ЖМП. 1951. № 6. С. 18.

рактизуемому многими авторами как «лагерь мира».

Характерно стремление авторов подчеркнуть то, что в этой войне корейцы не одиноки. Вместе с ними борьбу ведут «их друзья, китайские добровольцы»¹ и «люди доброй воли»², под которыми подразумеваются участники Международного движения сторонников мира, главным образом СССР и страны «народной демократии». Примечательно, что, если с «китайскими добровольцами» всё и так понятно – они рука об руку с корейцами сражаются на фронте войны в Корее, то «люди доброй воли» описываются как «борцы», «защитники», «ратники», «воины» и т. п., т. е. особо выделяется и их участие в войне (причём в таких тонах, что кажется будто и они с оружием в руках защищают корейскую землю от иноземных захватчиков), что, конечно, дополняет образ «обороняющейся» стороны.

Образ стороны «агрессоров» стоит признать куда более детализированным. Так американские и союзные им войска описываются такими словами: «воздушные пираты, варварски расстреливающие мирное население»³, «поджигатели войны»⁴, «англо-американские поджигатели войны»⁵, «человеконенавистники»⁶ и т. д. В материалах всячески подчёркивается «бесчеловечность культурных американцев»⁷, «утративших человеческий облик и всякое понятие о чести и достоинстве»⁸, а их преступления сравниваются с великими завоевателями про-

шлого – «ужасы нашествий Тамерлана и Батыя, гуннов и вандалов... далеко превзойдены элегантными американцами в Корее»⁹. Встречаются и теологически окрашенные характеристики, к примеру, «поклонники золотого тельца»¹⁰, «считающие себя христианами»¹¹, «ведущие антихристианскую работу»¹² и т. д.

Особых характеристик удостоились политические лидеры США и Великобритании: «Атилла и Батый были малыми детьми по сравнению с Трумэнами, Черчиллями, Даллесами, Джонсонами и Маккартурами, с их атомными бомбами, чумными бациллами и холерными вибрионами, с их грозной авиацией»¹³, «фашисты»¹⁴, «злобствующие политиканы»¹⁵ и т. д. А их страны названы «гнездами империалистической реакции»¹⁶. Причём и здесь нашлось место для описания англо-американской внешней политики в теологических тонах: «эти безумные люди, в духовном ослеплении очей сердца своего, люди гордости и лукавства, решились на сатанинское дело подмены человеколюбивой Правды Божией суетною праведностью эгоизма»¹⁷ – вновь акцент сделан на противопоставлении христианских идеалов сторонников мира и «сатанинского дела» «поджигателей войны».

Не обошли авторы журнала и вопросы, связанные с Ватиканом. Причём римский папа описывается самыми нелицеприятными словами. Так, в статье Доктусова прямо сказано, что Святой престол поддерживает «поджигателей войны», а «лицо, возглавляющее Римско-католическую церковь» (так назван рим-

¹ Ведерников А. Вопрос чести и достоинства // ЖМП. 1952. № 5. С. 27.

² Крашенинников А. Новый вклад Церкви в дело мира. С. 26.

³ Питирим (Свиридов), архиеп. Церковный и патристический долг. С. 22.

⁴ Варфоломей (Городцев), митр. Первый шаг к миру. С. 6; Крашенинников А. Новый вклад Церкви в дело мира. С. 24.

⁵ Богатырёв В. За мир, против войны // ЖМП. 1950. № 10. С. 21.

⁶ Шишкин А. Православие и борьба за мир. С. 30.

⁷ Васильев А. Требование совести. С. 18.

⁸ Ведерников А. Вопрос чести и достоинства. С. 27.

⁹ Лука (Войно-Ясенецкий), архиеп. Ко Второму Всемирному Конгрессу сторонников мира. С. 17.

¹⁰ Лука (Войно-Ясенецкий), архиеп. Размышление о правде и лжи // ЖМП. 1951. № 5. С. 9.

¹¹ Ведерников А. Испытание верности. С. 14.

¹² Ведерников А. Великое служение делу мира // ЖМП. 1951. № 1. С. 16.

¹³ Лука (Войно-Ясенецкий), архиеп. Ко Второму Всемирному Конгрессу сторонников мира. С. 17.

¹⁴ Шишкин А. Православие и борьба за мир. С. 34.

¹⁵ Доктусов Н. Православная церковь и мир. С. 8.

¹⁶ Богатырёв В. За мир, против войны. С. 21.

¹⁷ Шишкин А. Православие и борьба за мир. С. 32.

ский понтифик!) «из-за материальных выгод, из-за приверженности к сходящему с исторической сцены капитализму... противится, ...проклинает всех ищущих мира». Нужно сказать, что вообще Ватикан и римский папа в статье изображены не просто как сторонники «капиталистического мира», а скорее как его идейные вдохновители, далеко ушедшие от идеалов христианства в сторону поклонения «золотому тельцу» и «мамоне». Недаром же Доктусов сравнивает римского папу с «антихристом»: «Он [римский папа] уподобляется... сидящему на рыжем коне антихристу»¹.

Дополнен образ «агрессоров» характеристикой корейских союзников США, в особенности южнокорейского лидера Ли Сын Мана, чей правительственный режим назван «обанкротившимся фашистским»², а его местные сторонники – «поджигателями войны», «приспешниками США», «реваншистами»³.

Подводя краткий итог анализу образов противоборствующих сторон в интерпретации православных публицистов стоит сказать, что эти образы выстраивались строгими антиподами друг друга: «мирная» Корея – «воинственные» США, «человеколюбивые» корейцы – американские «человеконенавистники», «последователи Христа Спасителя» – «приспешники золотого тельца» и т. д. Совершенно очевидным кажется то, что сделано это было с целью безошибочного определения читателем «правых» и «виноватых» в этой войне и для характеристики самой войны как «несправедливой».

Также нельзя не отметить сближение (и даже смешение) в рассмотренных материалах советской внешнеполитической повестки с теологической точкой зрения авторов о происходящем в мире: так, «лагерь мира» характеризуется не просто как «страны народной демократии», но

и как «последователи Христа Спасителя» и ревностные христиане, а «поджигатели войны» – не просто как «воинствующие империалисты», но и как «приспешники золотого тельца» и «служители мамоны». Это сближение теологических образов с образами политическими (в советской интерпретации) видится результатом кропотливой работы цензоров СДРПЦ и Главлита (и, разумеется, самоцензуры редакции ЖМП), желавших использовать журнал в качестве канала государственной пропаганды, участвующего в формировании общественного мнения в стране.

«Американцы не считают их за людей»: военные преступления американских войск в Корее

Одним из наиболее популярных сюжетов в статьях православных публицистов стали военные преступления американских войск в Корее. Эта масштабная проблема в материалах ЖМП представлена как совокупность 4 основных аспектов:

1. военные преступления против корейских военнопленных и мирных жителей;

2. американский «крестовый поход» на Восток и уничтожение корейских «неверных»;

3. жертвоприношение американских «идолопоклонников» «золотому Молоху» (теологический аспект проблемы);

4. бактериологическое оружие и его применение в Корее. Обратимся к ним более подробно.

Первый аспект рассмотрен Ведерниковым и Хелидзе, а также архиепископом Симферопольским и Крымским Лукой (Войно-Ясенецким). Авторы очень яркими и запоминающимися красками рисуют военные преступления американских войск: «о виселицах, расстрелах, страшных пытках, применяющихся не только к пленным, но и к мирному населению – к детям, старикам, женщинам, больным; о тысячах бомб, сбрасываемых на госпитали, приюты, школы, об огненной лаве, льющейся с самолётов и сжигающей го-

¹ Доктусов Н. Православная церковь и мир. С. 9–10.

² Богатырёв В. За мир, против войны. С. 21.

³ Лука (Войно-Ясенецкий), архиеп. Размышление о правде и лжи. С. 8.

рода, сёла, пашни, людей»¹, «бессмысленное уничтожение сёл, городов и плодов труда мирного народа»², «уничтожают на своём пути всё живое и всё необходимое для жизни»³, «страшный вопль истребляемого мирного корейского народа и реками льётся кровь»⁴ и т. д. Примечательно, что каждый из авторов пытается изобразить своё описание военных преступлений американских войск как можно более объективным и непредвзятым, в связи с чем в статьях всячески подчёркивается, что опорой для таких выводов стали не просто «слухи», а «свидетельства» и «рассказы очевидцев» (правда, без указания конкретных источников информации).

Во всех рассмотренных материалах делается вывод, что главной целью американских войск в Корее является уничтожение как можно большего количества корейцев – как мирных жителей, так и военнослужащих. Сделана попытка объяснить подобное поведение американских войск: так, Ведерников указывает на «тактику выжженной земли»⁵; Хелидзе – на «тактику выжженной земли» и стремление США «превратить бойню в Корее в кровавый пролог к мировой войне»⁶.

Зачастую создаётся впечатление, что авторы стремились изобразить американского солдата бесчеловечным «монстром» и, как бы между строк, сравнить его с немецким солдатом времён Великой Отечественной войны. И действительно, такой образ был бы хорошо понятен советскому человеку, совсем недавно пережившему ужасы немецких зверств.

Второй аспект нашёл своё отражение в статьях Ведерникова и митрополита Ростовского и Новочеркасского Вениамина (Федченкова). Обоих авторов объединяет взгляд на военные преступления американских войск как на элементы «кресто-

вого похода» против «безбожного» Востока, в котором истребление «стариков, женщин и детей, с применением напалма и бактериологического оружия» в США не рассматривается как преступление, т. к. направлено не против людей, а против «неверных», которых не просто можно, а нужно уничтожить⁷. Митрополит Вениамин прямо пишет, что «американцы не считают их [корейцев] за людей»⁸. Как кажется, и здесь видна апелляция к Великой Отечественной войне: подобно немецким «изуверам», уничтожавшим советских граждан в угоду «расовой чистоты», американские «крестоносцы» истребляют корейских «неверных» – при том и те, и другие считают, что не совершают преступление против человечности, а делают миру одолжение, убивая «недочеловеков».

Третий аспект рассмотрен архиепископом Лукой, который, вслед за многими выше цитированными авторами, стремится перевести войну в Корее из чисто политической плоскости в теологическую. Он рассматривает войну как противостояние мирового христианства и «служителей золотого тельца». И если христиане, под которыми подразумеваются все сторонники мира в Корее, ведут войну в соответствии с принципами международного права, то «служители золотого тельца» нарушают все «писанные и не писанные» законы в угоду своему «истукану»/«идолу», требующему от своих последователей человеческих жертвоприношений, которыми и становятся убитые корейцы: «новые идолопоклонники приносят в жертву своему истукану – золотому Молоху – гекатомбы человеческих тел»⁹. Конечно, подобное объяснение военных преступлений американских войн в Корее могло быть

¹ Ведерников А. Великое служение делу мира. С. 16.

² Ведерников А. Испытание верности. С. 14.

³ Хелидзе М., прот. За мир. С. 12–13.

⁴ Лука (Войно-Ясенецкий), архиеп. Размышление о правде и лжи. С. 9.

⁵ Ведерников А. Путь совести и благоразумия. С. 8.

⁶ Хелидзе М., прот. За мир. С. 13.

⁷ Ведерников А. Великое сближение народов // ЖМП. 1953. № 3. С. 26; Вениамин (Федченков), митр. Простые речи за мир // ЖМП. 1952. № 4. С. 27.

⁸ Вениамин (Федченков), митр. Простые речи за мир. С. 27.

⁹ Лука (Войно-Ясенецкий), архиеп. Размышление о правде и лжи. С. 9.

понято и должно было произвести ожидаемое впечатление только на человека религиозного, но ведь и ЖМП был рассчитан в первую очередь на религиозную аудиторию.

Наконец, последний аспект – бактериологическое оружие и его применение в Корее – проанализирован в статьях Ведерникова (в т.ч. под псевдонимом «А. Васильев»). Эти материалы следует признать наиболее объективными и непредвзятыми, поскольку они опираются на документы и свидетельства очевидцев: настоятеля Кентерберийского собора в Лондоне Х. Джонсона и членов Комиссии Международной демократической федерации женщин, посетивших Корею и Китай с целью расследования военных преступлений американских войск. В статьях Ведерникова приведены результаты этих расследований, которые однозначно свидетельствуют о целенаправленном уничтожении мирного корейского и китайского населения американцами, впервые применившими бактериологическое оружие¹. Подводя итог, автор восклицает, «подумать только, что такую войну ведёт страна, которая называет себя христианской?!»². В целом в материалах превалирует сюжет о том, что только «антихристианская» власть могла дойти до применения оружия массового поражения.

Итак, подводя краткий итог анализу проблемы военных преступлений американских войск в Корее, стоит сказать, что все из рассмотренных авторов стремились прежде всего отразить в своих статьях 2 ключевых момента: во-первых, показать масштабы военных преступлений против корейских мирных жителей и военнопленных, при этом объясняя их по-разному – «кровавыми жертвоприношениями», «крестовым походом» и т.п.; во-вторых, стимулировать советского

гражданина к воспоминаниям об ужасах Великой Отечественной войны и сравнить американского солдата с немецким, что делалось для однозначного определения читателем виновных в войне в Корее.

«Безумие войны ещё можно исцелить»: размышления о мире в Корее

Обратимся к вопросу о мире в Корее, который большинством православных публицистов рассматривался шире, чем завершение военных действий непосредственно ведущихся на Корейском полуострове.

Скажем сразу, что перемирию, заключённому 27 июня 1953 г. в Пханмунджоме, посвящена всего одна статья Ведерникова. Все же остальные, поднимающие вопрос о мире в Корее, сосредоточены вокруг общих рассуждений авторов о военной напряжённости и затрагивают проблему завершения войны лишь косвенно.

Сперва обратимся к статье Ведерникова о перемирии 1953 г.

Автор приветствует заключение перемирия и восторженными словами его описывает: «ужас смерти и разрушения, притупивший чувства людей, сменился тишиною неба и покоем истерзанной земли. Сквозь суровую печаль страданий в душе народа занялась заря надежды. Сила жизни начала свою созидательную работу». Однако при этом он понимает, что «перемирие есть только преддверие мира». Результаты войны ужасающие – тысячи погибших, корейские города лежат в руинах. Но Ведерников настроен оптимистично: «руины будут расчищены и застроены руками живых, а жертвы, лежащие в могилах, оживут в радости грядущих поколений, и радость эта будет благодарной и верной памяти погибших». К тому же он считает, что перемирие в Корее ослабит напряжённость международных отношений и опасность возникновения новой мировой войны³.

¹ Васильев А. Требование совести. С. 18-20; Васильев А. Христианские свидетели преступления // ЖМП. 1952. № 11. С. 46–48.

² Там же. С. 47.

³ Ведерников А. Преддверие мира // ЖМП. 1953. № 9. С. 29.

В своей статье Ведерников обращается к проблеме объединения «двух Корей» – Северной и Южной – говоря о том, что Корейский полуостров так и будет оставаться «очагом войны на Дальнем Востоке», пока «Кореи» не объединятся. Сделать же это он предлагает путём прямых переговоров лидеров Южной и Северной Кореи без вмешательства со стороны иностранных государств и тем более без участия иностранных войск. «К такому исходу дела и направляются теперь мысли и желания всех миролюбивых людей, заинтересованных в том, чтобы перемирие в Корее перешло в прочный и длительный мир»¹.

Прямо скажем, в своих ожиданиях автор заблуждался, «прочного мира» в Корее и объединения «двух Корей» так и не произойдёт, да и заключение перемирия не приведёт к ослаблению напряжённости в международных отношениях, холодная война только начиналась, и призраки возможной Третьей мировой войны так и будут маячить на горизонте. Как видится, другие авторы, да и сам Ведерников в более ранних публикациях, были куда ближе к действительности.

Остальные материалы, посвящённые миру в Корее, строго говоря, в центре своего изложения содержат скорее холодную войну и проблему её завершения, а к войне в Корее относятся косвенно. Так, В. Богатырёв пишет о том, что завершить войну в Корее может лишь «прекращение холодной войны» и «запрещение атомного оружия и мирное урегулирование всех вопросов между США и Советским Союзом»², т. е. автору война в Корее видится частью глобальной холодной войны, завершить которую могут лишь переговоры между двумя сверхдержавами – США и СССР, а не победа одной из сторон на поле боя.

Митрополит Варфоломей говорит о том, что только ограничение и последу-

ющий запрет оружия массового поражения, в частности «всегубительного атомного оружия», может привести к окончанию холодной войны и, следовательно, к завершению одного из её «горячих» конфликтов – войны в Корее³. В сущности то же имеет в виду и Доктусов, когда говорит о возможности прекращения холодной войны, и вслед за ней войны в Корее, «путём сокращения вооружений, путём братского соглашения о разоружении, подкреплённого постоянной проверкой честных условий сокращения армий и орудий войны». Причём он же в конце своей статьи, говоря, что «безумие войны ещё можно исцелить»⁴, в первую очередь имеет в виду именно холодную войну, а не войну в Корее.

Ведерников в статьях 1951 – начала 1953 гг. также писал о том, что лишь ограничение и последующий запрет оружия массового поражения (ядерного и бактериологического) и решение всех противоречий между США и СССР через посредничество ООН могут привести к окончательному умиротворению в Корее, поскольку завершат холодную войну, без решения проблемы которой «горячие» конфликты по всему миру будут вспыхивать один за другим⁵.

Таким образом, большинству православных публицистов мир в Корее казался возможным только в результате завершения холодной войны, «горячим» конфликтом которой они и воспринимали войну в Корее. Характерно, что для умиротворения Корейского полуострова, с т. зр. проанализированных авторов, решить все возникшие между ними противоречия должны были США и СССР.

Как видится, в условиях цензуры со стороны СДРПЦ и Главлита и стремления советского руководства использовать

³ Варфоломей (Гордцев), митр. Первый шаг к миру. С. 7.

⁴ Доктусов Н. Православная церковь и мир. С. 10.

⁵ Ведерников А. Великое сближение народов. С. 26–27; Ведерников А. Путь совести и благоразумия. С. 6; Ведерников А. Русская Православная Церковь за Пакт Мира. С. 22.

¹ Ведерников А. Преддверие мира // ЖМП. 1953. № 9. С. 30.

² Богатырёв В. За мир, против войны. С. 21.

ЖМП в качестве канала государственной пропаганды, участвующего в формировании общественного мнения, подобные материалы преследовали цель показать советскому читателю, что война в Корее является не далёким, ничего не значащим для СССР конфликтом, а войной, которая ведётся в т. ч. и против Советского государства и стран «народной демократии». Причём ведётся чётко определённым могущественным соперником, решить все противоречия с которым возможно, но крайне сложно. В противном же случае мир ждёт новая мировая война.

Заключение

«Новый курс» в советской конфессиональной политике в середине 1940-х – начале 1950-х гг., осуществляемый сталинским руководством в политических целях, нашёл своё отражение не только во внутри- и внешнеполитических взаимоотношениях советского правительства и РПЦ, но и в специфическом существовании единственного печатного церковного органа – ЖМП, который в обозначенные годы строго цензурировался СДРПЦ и Главлитом с целью его использования в качестве канала государственной пропаганды, участвующего в формировании общественного мнения в стране.

В данной работе рассмотрены публицистические материалы ЖМП, посвящённые войне в Корее. На их примере мы попытались показать, как именно ЖМП использовался для реализации обозначенной цели в условиях первого «горячего» конфликта холодной войны.

Было показано, что непосредственно события войны в Корее и военные действия в материалах освещены не были. Вместо этого православные публицисты сосредотачивались преимущественно на рассмотрении причин войны, образах противоборствующих сторон, военных

преступлениях американских войск, размышлениях о мире. Вопрос о причинах войны решался по-разному: от противостояния капиталистических стран и СССР после окончания Второй мировой войны до борьбы с «мировым злом».

Однако главный наш вывод – огромное количество штампов советской государственной пропаганды в публицистических статьях, что является ярким свидетельством влияния цензуры на ЖМП в рассматриваемые годы.

Образы противоборствующих сторон выстраивались строгими антиподами друг друга. В рассмотренных материалах отмечено яркое смешивание советской внешнеполитической повестки с теологической точкой зрения авторов о происходящем в мире: в теологический по своей сути нарратив религиозного журнала внедрялись элементы государственной пропаганды, что подтверждает наш вывод о желании использовать ЖМП в качестве канала государственной пропаганды.

Военные преступления американских войск в проанализированных материалах рисовались таким образом, чтобы, во-первых, показать масштабы военных преступлений против корейских мирных жителей и военнопленных, и, во-вторых – стимулировать советского гражданина к воспоминаниям об ужасах Великой Отечественной войны и сравнить американского солдата с немецким.

Наконец, размышления православных публицистов о мире в Корее были тесно связаны с завершением холодной войны, «горячим» конфликтом которой и рассматривалась война в Корее. Завершение же холодной войны связывалось с необходимостью ограничения и последующего запрета оружия массового поражения и прямым диалогом между США и СССР.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильева О. Ю. Русская Православная Церковь в политике Советского государства в 1943–1948 гг.: дис. док. ... ист. наук. М., 1998. 294 с.

2. Одинцов М. И., Кочетова А. С. Конфессиональная политика в Советском Союзе в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: РОССПЭН, 2014. 316 с.
3. Одинцов М. И., Чумаченко Т. А. Совет по делам Русской Православной церкви при СНК (СМ) СССР и Московская патриархия: эпоха взаимодействия и противостояния. 1943–1965 гг. СПб.: Литера, 2013. 372 с.
4. Чумаченко Т. А. Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961 гг. М.: АИРО-XX, 1999. 246 с.
5. Никонов В. В. Создание положительного впечатления о церковно-государственных отношениях в СССР как фома вмешательства во внутрицерковную жизнь в 1940–1950 гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2023. № 1. С. 55–66. DOI: 10.18384/2310-676X-2023-1-55-66
6. Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф. Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40–50-х годов XX века: очерки истории. М.: РОССПЭН, 2008. 806 с.
7. Тулянов В. А. Русская православная церковь и международное движение сторонников мира в 1949–1953 гг. (по материалам «Журнала Московской Патриархии») // Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки. 2025. № 1. С. 179–201. DOI: 10.24412/2076-9105-2025-157-179-201
8. Беглов А. Л. Международная деятельность Русской православной церкви в период «нового курса» в государственно-церковных отношениях. Основные этапы и кризисные явления // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. Т. 11. № 4. С. 104–129. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-4-104-129
9. Волокитина Т. В. Советское государство, Русская Православная Церковь и экуменическое движение (40–50-е гг. XX в.) // Власть и церковь в СССР и странах Восточной Европы. 1939–1958: дискуссионные аспекты: сб. статей. М., 2003. С. 241–249.
10. Чумаченко Т. А. Московская патриархия во внешней политике советского правительства. Интересы церкви. Интересы власти. 1940-е – первая половина 1960-х гг. // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты. Владивосток, 2015. С. 209–222.
11. Шкуратова И. В. Советское государство и внешнеполитическая деятельность Русской Православной церкви: 1945–1961 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. 188 с.
12. Эйриян В. А. «И делом правды будет мир, и плодом правосудия...»: РПЦ в борьбе за мир на рубеже 1940–1950-х гг. // Россия XXI. 2022. № 5. С. 60–79.
13. Ерескин М. Г. «Журнал Московской Патриархии» как источник по истории Русской православной церкви // Учёные записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 4. С. 89–90.
14. Калашник В. В. «Журнал Московской Патриархии» как источник изучения публицистической деятельности православного духовенства в 1946–1953 годах // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 3: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 2. С. 49–63.
15. Родченко В. А. Типологические особенности «Журнала Московской Патриархии» как официального общецерковного издания // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2011. № 2. С. 142–148.
16. Эйриян В. А. Журнал Московской Патриархии как отражение сталинской политики в первые послевоенные годы // Россия XXI. 2021. № 4. С. 108–127.
17. Якунин В. Н. «Журнал Московской Патриархии»: история возрождения, становления и развития // Проблемы региональной журналистики: мат-лы конф. Тольятти, 2002. С. 37–44.
18. Василицын А. Г. «Журнал Московской Патриархии» как источник по истории Русской православной церкви в БССР послевоенного периода // Актуальные проблемы источниковедения: мат-лы конф. Витебск, 2013. С. 298–301.

REFERENCES

1. Vasilieva, O. Yu. (1998). *Russian Orthodox Church in the politics of the Soviet state in 1943-1948*: [dissertation]. Moscow (in Russ.).
2. Odintsov, M. I. & Kochetova, A. S. (2014). *Confessional policy in the Soviet Union during the Great Patriotic War of 1941–1945*. Moscow: ROSSPEN Publ. (in Russ.).

3. Odintsov, M. I. & Chumachenko, T. A. (2013). Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church under the Council of People's Commissars (SM) of the USSR and the Moscow Patriarchate: the era of interaction and confrontation. 1943–1965. St. Petersburg: Litera Publ. (in Russ.).
4. Chumachenko, T. A. (1999). *State, Orthodox Church, believers. 1941–1961*. Moscow: AIRO-XX Publ. (in Russ.).
5. Nikonov, V. V. (2023). Creation of a positive impression of church-state relations in the USSR as a form of interference in intra-church life in 1940–1950. In: *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and Political Science*, 1, 55–66. DOI: 10.18384/2310-676X-2023-1-55-66 (in Russ.).
6. Volokitina, T. V., Murashko, G. P. & Noskova, A. F. (2008). *Moscow and Eastern Europe. Power and church during the period of social transformations of the 40–50s of the 20th century: essays on history*. Moscow: ROSSPEN Publ. (in Russ.).
7. Tulyanov, V. A. (2025). Russian Orthodox Church and the international movement of peace supporters in 1949–1953. (based on materials from the Journal of the Moscow Patriarchate). In: *Bulletin of Moscow State Pedagogical University. Series: Historical Sciences*, 1, 179–201. DOI: 10.24412/2076-9105-2025-157-179-201 (in Russ.).
8. Beglov, A. L. (2018). International activities of the Russian Orthodox Church during the "new course" in state-church relations. Main stages and crisis phenomena. In: *Contours of global transformations: politics, economics, law*, 11-4, 104–129. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-4-104-129 (in Russ.).
9. Volokitina, T. V. (2003). Soviet state, Russian Orthodox Church and ecumenical movement (40–50s of the 20th century). In: *Power and church in the USSR and Eastern European countries. 1939–1958: debating aspects*. Moscow, 241–249 (in Russ.).
10. Chumachenko, T. A. (2015). Moscow Patriarchate in the foreign policy of the Soviet government. Church interests. Interests of power. 1940s - the first half of the 1960s. In: *Freedom of conscience in Russia: historical and modern aspects*. Vladivostok, 209–222 (in Russ.).
11. Shkuratova, I. V. (2005). Soviet state and foreign policy activities of the Russian Orthodox Church: 1945–1961: [dissertation]. Moscow (in Russ.).
12. Eiriyani, V. A. (2022). "And the work of truth will be peace, and the fruit of justice" ...: ROC in the struggle for peace at the turn of the 1940–1950s. In: *Russia XXI*, 5, 60–79 (in Russ.).
13. Yereskin, M. G. (2014). "Journal of the Moscow Patriarchate" as a source on the history of the Russian Orthodox Church. In: *Scientific notes of the Oryol State University. Series: Humanities and Social Sciences*, 4, 89–90 (in Russ.).
14. Kalashnik, V. V. (2018). "Journal of the Moscow Patriarchate" as a source for studying the journalistic activities of the Orthodox clergy in 1946–1953. In: *Bulletin of Perm State Humanitarian and Pedagogical University. Series 3: Humanities and Social Sciences*, 2, 49–63 (in Russ.).
15. Rodchenko, V. A. (2011). Typological features of the "Journal of the Moscow Patriarchate" as an official general church publication. In: *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 2, 142–148 (in Russ.).
16. Eiriyani, V. A. (2021). Journal of the Moscow Patriarchate as a reflection of Stalinist politics in the first post-war years. In: *Russia XXI*, 4, 108–127 (in Russ.).
17. Yakunin, V. N. (2002). "Journal of the Moscow Patriarchate": the history of revival, formation and development. In: *Problems of regional journalism*. Togliatti, 37–44 (in Russ.).
18. Vasilitsyn, A. G. (2013). "Journal of the Moscow Patriarchate" as a source on the history of the Russian Orthodox Church in the BSSR of the post-war period. In: *Actual problems of source study*. Vitebsk, 298–301 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тулянов Владислав Андреевич (г. Москва) – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Государственного университета просвещения;
e-mail: v.tulyanov@mail.ru; ORCID 0009-0001-4377-3623

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vladislav A. Tulyanov (Moscow) – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of Russian History, Federal State University of Education;
e-mail: v.tulyanov@mail.ru; ORCID 0009-0001-4377-3623

Научная статья

УДК 94 (470)

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-6-63-74

ОТТЕПЕЛЬ КАК ПОВОРОТ К КУЛЬТУРНОЙ ДИПЛОМАТИИ (НА ПРИМЕРЕ СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИХ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ)

Пенькова Т. А.

Государственный университет просвещения

г. Москва, Российская Федерация

e-mail: tanya.penkova.57@gmail.com

Поступила в редакцию 10.10.2025

После доработки 29.10.2025

Принята к публикации 12.11.2025

Аннотация

Цель. Выявить основания становления и условия формирования культурной дипломатии как системы в период хрущёвской оттепели, а также оценить её эффективность как инструмента внешнеполитического взаимодействия двух противоположенных систем в рамках курса на «мирное сосуществование».

Процедура и методы. Основным исследовательским методом стал контент-анализ. Проанализированы ведущие советские и американские периодические издания «Вечерняя Москва», «Московская правда», «Известия», *The New-York Times*. Также приведён анализ взглядов исследователей на феномен советской культурной дипломатии. Кроме того, были применены методы синтеза, обобщения, нарративный метод.

Результаты. Были выявлены субъективные и объективные основания формирования в СССР системы культурной дипломатии, а также проанализирован первый опыт культурных обменов по ключевым направлениям формирующейся советско-американской культурной дипломатии. Это позволило оценить эффективность культурной дипломатии как инструмента внешнеполитического взаимодействия.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается во вкладе исследования в академическое представление о культурной дипломатии как инструменте «мягкой силы» СССР и её особенностях в период хрущёвской оттепели, а также в релевантности современным реалиям оценки возможностей культурного диалога в условиях международной напряжённости.

Ключевые слова: культурная дипломатия, СССР, США, культурные обмены, «мягкая сила», холодная война, оттепель

Для цитирования:

Пенькова Т. А. Оттепель как поворот к культурной дипломатии (на примере советско-американских культурных связей) // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 6. С. 63–74.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-6-63-74

Original research article

THE THAW AS A TURN TO CULTURAL DIPLOMACY (BASED ON SOVIET-AMERICAN CULTURAL RELATIONSHIP)

T. Penkova

*Federal State University of Education
Moscow, Russian Federation
e-mail: tanya.penkova.57@gmail.com*

Received 10.10.2025

Revised 29.10.2025

Accepted 12.11.2025

Abstract

Aim. To identify the foundations for the emergence and conditions of the development of cultural diplomacy as a system during the Khrushchev's «thaw» and to assess its effectiveness as a tool for foreign policy interaction between two opposing systems within the framework of the policy of «peaceful coexistence».

Methodology. Content analysis was the primary research method. Leading Soviet and American periodicals – Vechernyaya Moskva, Moskovskaya Pravda, Izvestia, and The New York Times – were analyzed. Researcher's views on the phenomenon of Soviet cultural diplomacy were also analyzed. The following research methods were used in the work: synthesis, generalization, and narrative methods.

Results. The subjective and objective foundations for the development of a cultural diplomacy system in the USSR were identified, and the initial experiences of cultural exchanges in key areas of the emerging Soviet-American cultural diplomacy were analyzed. This allowed us to assess the effectiveness of cultural diplomacy as a tool of foreign policy cooperation.

Research implications lies in the contribution of the study to the academic understanding of cultural diplomacy as an instrument of the USSR's soft power and its characteristics during the Khrushchev's «thaw», as well as in the relevance to contemporary realities of assessing the possibilities of cultural dialogue in conditions of international tension.

Keywords: cultural diplomacy, USSR, USA, cultural exchanges, soft power, cold war, thaw

For citation:

Penkova, T. A. (2025). The thaw as a turn to cultural diplomacy (based on Soviet-American cultural relationship). In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 6, 63–74.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-6-63-74

Введение

Современные реалии международных отношений имеют много общего с периодом холодной войны. Растёт геополитическая напряжённость между Россией и Западом, в то время как традиционные дипломатические каналы подчас оказываются закрытыми или неэффективными. В связи с этим исторический опыт

культурной дипломатии периода оттепели становится актуальным в качестве примера развития новых каналов внешнеполитического взаимодействия, способных сформировать позитивный образ страны и создать альтернативную площадку для диалога.

Культурная дипломатия была для СССР важным аспектом внешней по-

литики на протяжении всей истории существования социалистического государства. На каждом этапе своего исторического развития, который проходил Советский Союз, культура использовалась для решения определённого круга задач. При этом специалисты в области истории международных отношений и дипломатии отмечают, что в годы холодной войны, в хрущёвский период, культурная дипломатия переживала подлинный расцвет. После кризиса сталинской эпохи руководство КПСС переосмыслило роль культурной дипломатии. Культуру стали рассматривать как важный инструмент в рамках курса на ослабление международной напряжённости и укрепление мира. Кроме того, её расценивали как «мягкую силу», способную расположить западное общество к социалистической идее, демонстрируя какие возможности для раскрытия талантов и развития науки и искусства она предоставляет.

Важно отметить талант Н.С. Хрущёва, способного идти в ногу со временем. Во внешней политике это означало взять курс на применение инструментов «мягкой силы» для формирования благоприятной атмосферы в международных отношениях, что позволяло поддерживать принцип «мирного сосуществования».

В наше время культурная дипломатия становится предметом исследования в качестве одного из измерений холодной войны, её рассматривают в рамках изучения социально-культурных аспектов оттепели, а также в контексте истории советско-американских отношений. Культурная дипломатия также представляет интерес ввиду внимания политиков и учёных к концепции «мягкой силы». Каждый из подходов предполагает свой взгляд на феномен культурной дипломатии.

Американский советолог К. П. Макдэниэл в работе «Советско-американская культурная дипломатия. Американский дебют Большого театра» на примере гастролей Большого театра в США в 1959 г. рассматривает культурные обмены как

тонкую пропаганду СССР и способ ведения «изящной войны» [1]. В работе представлен анализ обширного материала: американской прессы, рецензий танцевальных критиков, мемуаров артистов, визуального материала и, наконец, материалов американских и российских архивов.

Сборник «СССР и США в XX веке: восприятие другого» [2], составленный по результатам международной конференции, представляет новый подход в трудах отечественных и зарубежных учёных, где фокус внимания в советско-американских отношениях направлен на взаимное восприятие через призму культурных отношений в период холодной войны. Основное внимание исследователи уделяют периоду оттепели как периоду дипломатического прорыва.

Важным аспектом изучения феномена культурной дипломатии является источниковая база. В данной работе она представлена ведущими советскими и американскими периодическими изданиями: «Известия», «Московская правда», «Вечерняя Москва», The New York Times. Предметом анализа указанных периодических изданий стали материалы, в которых освещались основные события культурных обменов, их восприятие американским обществом. Выбор изданий обусловлен такими факторами, как авторитетность издания и периодичность выпусков.

Работа с периодической печатью позволила детально рассмотреть основные события советско-американских культурных обменов периода оттепели, оценить роль культуры в системе ценностей советского и американского обществ и степень её влияния на формирование системы взглядов этих обществ.

Формирование внешнеполитической стратегии

Согласно отчётам и планам Всесоюзного общества культурных связей с заграницей (ВОКС) в первые послевоенные годы (1946–1947 гг.) его деятельность как

структуры, ответственной за международные культурные связи, была сосредоточена на противодействии американской пропаганде, что, в свою очередь, означало усиление советской пропаганды, стремившейся доказать превосходство социализма через противопоставление советских и американских культуры и образа жизни¹. В этих условиях советская культурная дипломатия пребывала в состоянии стагнации, т. к. её место заняла взаимная антипропаганда, причём в достаточно агрессивной форме. Такой курс в полной мере соответствовал предыдущему периоду советско-американских отношений.

Смена руководства СССР в 1953 г. повлекла за собой корректировку внешнеполитического курса. Новому советскому лидеру предстояло действовать в изменившихся международных условиях и адаптировать советскую внешнеполитическую стратегию к ним. Если для И. В. Сталина начавшаяся холодная война была прологом к войне реальной, то представление Н. С. Хрущёва о миропорядке было достаточно разносторонним: он полагал, что 2 системы могут мирно сосуществовать и конкурировать, следовательно, война между ними не неизбежна [2, с. 107]. На XX Съезде КПСС Н. Хрущёв во всеуслышание провозгласил курс на «решительное сближение со всеми государствами, которые стоят на позиции сохранения мира», и решил сосредоточить основные силы на развитии советско-американских отношений как гаранта серьёзности намерений [3, с. 5].

Н. С. Хрущёв верил в концепцию «мирного сосуществования» как в единственный возможный вариант прекратить холодную войну мирным путём. Взаимный интерес СССР и США к новой концепции позволил сформироваться новой внешнеполитической установке, предполагавшей налаживание советско-американских отношений через развитие сотрудничества 2 стран в области куль-

туры, демонстрацию мирными методами преимуществ социалистической систем [4, с. 26], формирование положительного, гуманистического, имиджа государства и его лидера. Кроме того, внешнеполитический курс в период оттепели определялся желанием Н. С. Хрущёва добиться действительного признания СССР как мировой сверхдержавы.

Руководство СССР пришло к выводу, что с помощью культурной дипломатии удастся справиться с вызовами холодной войны и в перспективе её завершить. Как в СССР, так и в Соединённых Штатах понимали, что культурное сотрудничество (культурные обмены) в условиях угрозы ядерной войны и разорительной гонки вооружений может выступить как более выгодная альтернатива открытой форме конфликта [1, с. 38]. Внешнеполитическая стратегия, представленная Н. С. Хрущёвым на XXII Съезде КПСС, возвращала СССР к ленинским принципам, где культуре и искусству отводилась важная роль как инструменту построения нового коммунистического общества и как орудия развития мировой коммунистической революции.

Важно отметить, что поворот к культурной дипломатии не свидетельствовал о «понижении» градуса противоречий между странами. Советское партийное руководство рассматривало культурную дипломатию как пропаганду советской идеологии через художественные образы. В ней видели «мощнейшее оружие, способное сделать американцев более податливыми к советским идеям, и изменить американское общество» [1, с. 71]. Так родилась новая советская стратегия достижения победы в холодной войне, где культура стала одним из основных элементов.

Таким образом, круг задач, который сформировался перед культурной дипломатией, включал: демонстрацию достижений социалистической системы в лице её лучших представителей; формирование благоприятных условия для советско-американского сотрудничества и устойчивых

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 255. Л. 3–9. План ВОКС на 1947 г.

каналов связи между странами, развенчание антисоветских мифов и штампов американской пропаганды среди общества США, которые могли бы снизить эффективность политики «мягкой силы».

Соглашение Лейси-Зарубина как первый успех культурной дипломатии периода оттепели

Теперь, когда была сформирована стратегия, и определён круг задач, встала необходимость преодоления кризиса культурной дипломатии, унаследованного от сталинских времён. Эту задачу можно было решить, создав правовую основу для советско-американского культурного сотрудничества и систему официальных, функционирующих на постоянной основе, каналов культурных коммуникаций между странами. Главным препятствием на этом пути был идеологический фактор и сохраняющееся взаимное недоверие.

Тем не менее 27 января 1958 г. после длительной подготовки между СССР и США было подписано историческое соглашение Лейси-Зарубина, которое легитимизировало набравшие обороты в период с 1953 по 1958 г. советско-американские культурные контакты.

Специалисты по истории международных отношений считают, что межправительственное соглашение 1958 г. открыло новую главу в развитии советско-американских отношений времён холодной войны и свидетельствовало об отказе США от агрессивной внешнеполитической стратегии в отношении социалистического лагеря. Соглашение позволило сформировать прочный фундамент для долгосрочного развития советско-американских связей в сфере культуры, предусматривая обмен специалистами и достижениями в области культуры, науки, образования, спорта, кино, радио, печати и т. д.¹. В советско-американском

соглашении о культурном обмене были проработаны различные аспекты сотрудничества, представлен некоторый план обменов на ближайшую перспективу, прописаны организационные моменты – всё это свидетельствовало не только о качестве проделанной дипломатами работы, но и являлось гарантом недекларативного характера достигнутых договорённостей [5, с. 442].

Для СССР условия соглашения были весьма выгодными и позволяли максимально использовать возможности культурной дипломатии. Как отметил Н. Гулд-Дэвис, во-первых, сохранялась практика использования частных инициатив в культурных обменах, что было важно для советской стороны; во-вторых, в соглашении удалось избежать излишней детализации и обязательств с обеих сторон, что делало его достаточно широким для того, чтобы иметь возможность использовать культурные связи неожиданным для Америки способом и избежать контроля с её стороны наконец, обмены в области науки рассматривали как уникальную возможность передачи технологий от более развитой в данном отношении Америки к СССР [6, р. 206–209]. Не удивительно, что в Соединённых Штатах обнаружилось немало противников соглашения. Они называли это ошибкой, т. к. было очевидно, что такой формат в большей степени отвечает интересам СССР.

Соглашение Лейси-Зарубина 1958 г. стало одним из ключевых моментов в развитии советско-американской культурной дипломатии и позволило СССР перейти к практической реализации своих замыслов.

Кейсы советской культурной дипломатии

Первые 2 года после подписания соглашения Лейси-Зарубина можно назвать одним из определяющих, ярких и успешных периодов в истории культурной дипломатии. Как считает один из

¹ Text of Lacy-Zaroubin Agreement. January 27, 1958. [сайт]. URL: <https://librariesandcoldwarculturalexchange.wordpress.com/text-of-lacy-zaroubin-agreement-january-27-1958/> (дата обращения: 07.10 2025).

ведущих современных специалистов по истории дипломатии периода холодной войны Р. Магнусдоттир: «в 1959 г. усилия Советского Союза по распространению социалистического мировоззрения на новом языке концепции "мирного сосуществования", были впервые по достоинству оценены по обе стороны Атлантики» [2, с. 105].

Первые мероприятия, которые собирались провести в рамках культурного обмена, были прописаны в соглашении 1958 г.: национальные выставки в Нью-Йорке и Москве, гастроли Большого театра в Соединённых Штатах. Они представляли 2 разные плоскости культуры – материальную и духовную, но оба демонстрировали Америке всё самое лучшее, что мог представить СССР.

Танцы как «оружие мира». Художественные обмены

Настоящая сила советской культурной дипломатии была сосредоточена в области художественной культуры. В этой сфере богатство и ценность советской культурной традиции были несопоставимы с влиянием американской массовой культуры. В течение 1958–1959 гг. Америку отправлялись покорять хореографические коллективы, преодолевая политические барьеры и железный занавес. Каждый из коллективов представлял различные направления классического танца, а вместе с тем нёс определённые идеологические послания.

В конце 1958 – начале 1959 гг. благодаря усилиям главного проводника советского искусства в Америке импресарио С. Юрока ансамбли Игоря Моисеева и «Берёзка» Надежды Надеждиной представили концертную программу в ряде городов США. Сама новость о грядущем гастрольном туре произвела в Америке эффект разорвавшейся бомбы: билеты стремительно раскупали, а в СМИ принялись обсуждать предстоящее событие, разделившись на сторонников и противников практики культурных обменов.

Для Америки предстоящие гастроли советских танцоров были не только крупным культурным событием, но и шансом познакомиться с настоящими советскими людьми: разглядеть в них многообразие народов, культур, характеров и отметить в них человеческие позитивные качества.

Весной 1958 г. в Америку отправились артисты ансамбля Игоря Моисеева. В концертную программу ансамбля входили славянские, кавказские и среднеазиатские танцы, а также танцы народов СССР. Репертуар ансамбля выдвигал на первый план идею многообразия и при этом единства советских народов, что должно было подчеркнуть преимущество советской системы перед американской. На фоне продолжавшейся в США борьбы за гражданские права и глубокого кризиса концепции «плавильного котла» как основы национальной политики Америки советское послание должно было получить отклик в сердцах американцев. В значительной степени Америка прониклась этой идеей. «...Танцы разворачивали перед глазами зрителя чудесную книгу с картинами далёких советских земель»¹ – передавала советская пресса впечатления американских критиков, которые, как казалось советским репортёрам, должны были прийти к выводу, что лишь советский образ жизни может создать такую жизнь, где нет «ни расовой дискриминации, ни безработицы, ни многих других бед капиталистического мира»².

Большая часть американского общества была поражена и даже обезоружена талантом советских танцоров. Традиционно скептически настроенная к СССР The New York Times с восторгом описывала гастроли ансамбля. Того же мнения придерживались и американские балетные критики. Америка была поражена жизнерадостностью, энергичностью и

¹ Шевелева Е. Город Будущего – подлинный и мнимый // Известия. 1958. 14 сентября.

² Шевелева Е. Город Будущего – подлинный и мнимый // Известия. 1958. 14 сентября.

мастерством артистов. «Мужчина в смокинге со всеми атрибутами “капиталиста” большую часть вечера громко восклицал: “О боже!” – когда тот или иной танцор делал что-то, чего он никогда раньше не видел» – делилась *The New York Times* впечатлениями зрителей¹. Американская публика восхищалась танцорами И. Моисеева, а вместе с ними советской культурой и её высокой ролью в жизни советского общества, желая того же для Америки². Культурная дипломатия в лице творческих коллективов демонстрировала Америке и всему миру эффективность советской модели, где «царит братство и взаимное уважение народов» [7, с. 93].

Советские артисты оказались идеальным оружием, способным пробудить в сердцах американского народа симпатию к СССР. Эта была та самая форма пропаганды, которая не вызывала сопротивления. В американских СМИ прозвучала мысль: «если гастролы являются культурной пропагандой, то американцы подвергаются ей с радостью» [8, с. 56–57].

Вслед за ансамблем И. Моисеева на гастроли в США отправился ансамбль Н. Надеждиной «Берёзка». Артисты «Берёзки», представляя традиционные русские танцы, в которых исполнение фольклорных элементов сочеталось с характерным танцем, несли Америке другую идею. «Берёзка» олицетворяла «загадочную русскую душу», её широту и многогранность. Американский советолог, специалист по русской культуре, Р. Стайтс считал, что «Берёзка» показала тот образ России, который позволял снизить опасения военной угрозы со стороны СССР в период нарастающего очередного кризиса в международных отношениях [9, р. 269].

Вниманию публики было представлено духовное богатство СССР. Американские газеты отмечали трогательность, чистоту и красоту искусства танца ансамбля Надеждиной, что создавало «атмосферу беззаботной ликующей радости»³. Девичьи хоры «Берёзки» несли идеи мира, развенчивая угрозу войны. Н. Надеждина в интервью американской прессе не переставала повторять: «мы представляем советское искусство, которое служит благородной цели – укреплению культурных связей, а тем самым миру и дружбе между народами Советского Союза и США»⁴.

Выступления ансамбля транслировали по американскому телевидению, а газеты называли ансамбль «чудесные послы»⁵. Руководство Советов было довольно приёмом, оказанным советским танцорам, восхищением публики, и верило, что этот успех смягчит восприятие американцами Советского Союза. Настало подходящее время для «культурного наступления», которым стали гастроли Большого театра.

Подготовка гастролей Большого театра, которые должны были начаться в апреле 1959 г., была серьёзной и шла уже не один год. Н. Хрущёв лично принимал участие в формировании состава труппы и репертуара. В Америку могли отправиться только истинные патриоты и благонадёжные лица. Повышенное внимание к репертуару было связано с задачей приумножить успех предыдущих практик культурных обменов и донести до американцев правильный посыл. Репертуар был безупречно сбалансирован и включал: балет, поставленный по канонам соцреализма («Ромео и Джульетта» в реалистическом прочтении), балет, отражающий богатство фольклора («Каменный цветок», созданный по мотивам

¹ Milton Bracker. RUSSIAN DANCERS CHEERED AT 'MET'; 3,600 Jam Opera House to See Moiseyev Troupe – Line Forms at 10 A.M. // *The New York Times*. 1958. April 15.

² Щевелева Е. Город Будущего – подлинный и мнимый // *Известия*. 1958. 14 сентября.

³ Успех ансамбля «Берёзка» в Лос-Анджелесе // *Московская правда*. 1958. 27 декабря.

⁴ Три месяца в США и Канаде. «Берёзка» возвратилась домой // *Вечерняя Москва*. 1959. 9 февраля.

⁵ Там же.

сказки «Малахитовая шкатулка»), и даже балет, который олицетворял преемственность наследия дореволюционной России, но качественно модернизированного («Лебединое озеро» и «Жизель»). Всё это под звуки величайших музыкальных произведений русских композиторов.

В апреле 1959 г. СССР отправил в США лучшее достижение советской культуры в надежде через восхищение советским искусством добиться поддержки советской политики [1, с. 105] и подготовить американскую публику к запланированным на вторую половину 1959 г. советской выставке в Нью-Йорке и визиту Н. С. Хрущёва в США.

Советские газеты называли успех Большого театра в Америке грандиозным. Им вторила американская пресса: со страниц газет не сходили упоминания о советском балете и советских артистах (Галине Улановой, Юрии Жданове, Майе Плисецкой)¹. Газета «Вечерняя Москва» сообщала, что в концертных залах, за кулисами, на приёмах царила атмосфера глубокого уважения к великой культуре советского народа и искреннее восхищение². Подключилась и личная дипломатия: советские артисты не переставали повторять, что советская культура служит дружбе между народами, а значит устремления Советского Союза в идеи мира без войны.

Балет Большого театра собрал вокруг себя простых американцев, деятелей культуры, элиту бизнеса и политическую верхушку. Грандиозный успех советской культуры в 1958–1959 гг. укреплял веру советского руководства в то, что культурная дипломатия способна приблизить окончание холодной войны победой коммунизма.

Выставочные обмены

В след за «культурным наступлением» советского искусства летом 1959 г. открылась советская выставка в Нью-Йорке, а в это время в Москве параллельно шла подготовка американской выставки. Они были представлены прессой обеих стран как мега события, скрепляющие соглашение 1958 г.

Первый заместитель председателя Совета министров Ф. Р. Козлов, открывая советские выставочные павильоны в Нью-Йорке, выражал надежду на то, что выставки дадут народам обеих стран шанс познакомиться друг с другом и помогут улучшить отношения на официальном уровне³.

На самом деле ожидания от выставок с обеих сторон выходили за рамки демонстрации достижений общественно-экономических систем. Для обеих стран это была возможность легальной пропаганды. Выставка достижений советской науки, техники и культуры в Нью-Йорке должна была закрепить эффект, произведённый советскими успехами в космосе, и представить, в первую очередь, научно-технические успехи социализма, а также советскую повседневность. Были выставлены лучшие образцы авиатехники (самолёт ТУ-114, ИЛ-18), искусственные спутники Земли, атомные электростанции, атомный ледокол «Ленин» [10, с. 97]. В СССР выбрали в качестве магистральной линии выставки блестящие научно-технологические достижения, воплощающие идеи светлого социалистического будущего.

Важно отметить актуальность советской выставки текущим реалиям. В период 1950–1960 гг. мир был охвачен научно-технической революцией, что Н. С. Хрущёв понимал и сумел использо-

¹ John Martin. Ballet: Ulanova's 'Giselle'; She Dances Role at 'Met' for First Time // The New York Times. 1959. May 2; John Martin. Ballet: Bolshoi Troupe // The New York Times. 1959. April 17.

² Чернов Я. Советскому балету рукоплещет Америка // Вечерняя Москва. 1959. 18 сентября.

³ Osgood Caruthersspecial. NIXON, IN MOSCOW, PLEDGES EFFORT TO EASE TENSIONS; KHRUSHCHEV ATTACKS U.S.; FAIR OPENS TODAY Vice President Looks to Key Talks With Soviet Leaders NIXON, IN MOSCOW, DECRIES TENSIONS // The New York Times. 1959. July 29.

вать в интересах СССР на международной арене. Достижения науки и техники, представленные на выставке в Нью-Йорке, были не только свидетельством прогресса, но и ключевыми элементами культурной дипломатии, демонстрирующими преимущества социалистического строя. Демонстрация космических успехов и мирных атомных технологий характеризовала СССР как динамично развивающееся государство и лидера научного и культурного прогресса, стремящегося к сотрудничеству во благо мира и человека.

Выставка, привлекла много внимания. *The New York Times* сообщала, что советские достижения смогли увидеть более 1 млн американцев¹. Тем не менее дипломатический успех советской выставки оказался скромнее, чем ожидалось. Американцы не отрицали выдающихся достижений советской промышленности, энергетики, науки. Они точно уловили линию советской саморепрезентации: «СССР – страна, которая сделала ставку на тяжёлую промышленность, чьи амбиции в науке»². С другой стороны, посетители выставки отмечали, что демонстрация СССР всего самого лучшего была лишь попыткой создать иллюзию изобилия. В сознании граждан Соединённых Штатов было укоренено мнение, что советский народ страдает от дефицита товаров народного потребления, а гражданская инфраструктура уступает военной. В прессе выставку окрестили «выставка устремлений, а не достижений»³.

Впечатление посетителей от выставки зависело от принадлежности к возрастной категории, уровня образования, профессиональной принадлежности и социального статуса. В основном выставка вызывала восхищение той категории посетителей, которая была способна оце-

нить научно-технический прогресс и советскую идею. Простые американцы делились на тех, кто был приятно удивлён уровнем советской жизни, который не совпадал с тем, что распространяла американская пропаганда, и тех, чьи ожидания не оправдались, ведь они надеялись увидеть настоящих русских людей и понять их образ жизни, но желаемого не нашли.

Национальная выставка СССР в Америке так и не получила однозначной оценки. Пропаганда социализма через призму научно-технических достижений оказалась менее эффективной в силу сильного контраста между бытовым комфортом и индустриальными нуждами.

С другой стороны, было много положительных моментов. С точки зрения задач культурной дипломатии было важно, что независимо от принадлежности к той или иной группе, американцы проявляли искренний интерес к советскому образу жизни, спутникам, заводам. Выставка в Нью-Йорке смогла удержать интерес образованной части Америки и удостоверить посетителей в технологическом мастерстве советских инженеров и конструкторов, подтвердить статус СССР как «силы, с которой необходимо считаться»⁴. Но в то же время обнаружилось, что СССР проигрывал в быту, в том, что было важно простому человеку в любой стране. Это заставило советское руководство задуматься о том, что художественные обмены в случае с Соединёнными Штатами были бы выгоднее и эффективнее. Они не затрагивали уязвимые стороны социалистической действительности, были доступны массовой аудитории независимо от возраста и образования и представляли собой более мягким способом пропаганды.

Невозможно оценить советскую выставку в Нью-Йорке без упоминания американской выставки в Сокольниках

¹ Lawrence O'Kane. SOVIET FAIR ENDS; MILLION VISITED IT; Coliseum Run Was 42 Days - Move to Mexico Seen // *The New York Times*. 1959. August 11.

² Frankel M. Soviet's Hopes on View; Coliseum Exhibition Depicts Nation Not as It Is, but as It Wishes to Be // *The New York Times*. 1959. June 30.

³ Там же.

⁴ Frankel M. Soviet's Hopes on View; Coliseum Exhibition Depicts Nation Not as It Is, but as It Wishes to Be // *The New York Times*. 1959. June 30.

в Москве. Несмотря на то, что выставка была эпизодом американской культурной дипломатии и пропаганды, для международного имиджа СССР она имела огромное значение. В СССР собирались продемонстрировать американцам и всему миру открытость и гостеприимство страны и народа и тем самым в очередной раз опровергнуть миф о «железном занавесе», подтвердить приверженность советского руководства концепции «мирного сосуществования» и открытости к диалогу даже в моменты кризисов международных отношений и, наконец, показать верность советских граждан своей общественно-экономической системе¹.

Американские экскурсоводы в отчётах отмечали сплочённость, оптимизм, непоколебимую веру в социализм, царившие в Советском Союзе². Высоко оценили в Америке толерантность советских людей к «другому», и в то же время уважение к своей системе государственного устройства и стране в целом.

Впечатление гостей омрачала активная антиамериканская кампания в советской прессе³. Но всё же гостям из Америки удалось сформировать положительное представление о Советском Союзе. Искренний интерес посетителей, положительные отзывы о выставке, дружелюбие советских граждан сохранились во впечатлениях американцев⁴. В определённой степени в сознании части американцев, участвовавших в организации и проведении выставки, антисоветский миф американской пропаганды дал трещину. Складывалось впечатление, что советские

граждане, как и советское руководство, не боятся конкуренции, т. к. уверенны в выбранном курсе и светлом будущем, которое он обещает.

О силе влияния советской культурной дипломатии свидетельствуют не только восторг американцев и благосклонность прессы, но и беспокойство правительства США усилением влияния советской пропаганды, которая, как считалось, под маской культурных обменов свободно распространялась по Америке⁵.

Главный результат советской культурной дипломатии заключался в том, что СССР удалось заразить американцев энтузиазмом в отношении культурных обменов и продемонстрировать Америке ранее неизвестный Советский Союз, который может быть предметом восхищения и радости, а не страха. С. Юрок, организатор советских гастролей в Америке, в интервью «Вечерней Москве» сказал: «последние 2 года имеют особое значение для укрепления культурных связей между СССР и США. Незгладимый след в сознании широкой публики оставили гастроли советских художественных коллективов... Искусство сближает народы и, как никакое другое средство, помогает лучше понять друг друга...»⁶.

Заключение

В заключении стоит отметить, что понимание руководителями партийного аппарата КПСС и, в частности, Н. С. Хрущёвым ценности достижений советской культуры и её возможностей во внешнеполитическом пространстве, а также стремление к «мирному сосуществованию» внесло коррективы в тактику советской дипломатии.

Культурная дипломатия, расширив свои границы, стала использоваться как универсальный дипломатический инструмент. С её помощью получилось не

¹ Frankel M. Soviet's Hopes on View; Coliseum Exhibition Depicts Nation Not as It Is, but as It Wishes to Be // The New York Times. 1959. June 30.

² PROBLEMS REMAIN FOR MOSCOW FAIR; Dust Is Settling, but Issue of Book Censorship Plagues Manager and U. S. Aides // The New York Times. 1959. June 30.

³ SOVIET CAMPAIGN DISPARAGES U.S.; Moscow Propaganda Group Sounds Sour Note on Nixon Visit and American Fair SOVIET CAMPAIGN DISPARAGES U. S // The New York Times. 1959. July 27.

⁴ KHRUSHCHEV SEES U.S. SHOW AGAIN; On Eve of Closing, Russians There Give Him Greetings to Carry to Eisenhower // The New York Times. 1959. September 4.

⁵ Кудрявцев В. Как Гувер сам себя высек // Известия. 1959. 23 июня.

⁶ Осипов. Их ждут в Америке с огромным интересом // Вечерняя Москва. 1959. 4 июля.

только восстановить дипломатические отношения, но и сформировать новый привлекательный образ СССР.

Годы оттепели действительно стали временем формирования культурной дипломатии как системы, обладающей тактическим арсеналом. Попытки сочетать пропаганду и «мягкую силу» через каналы массовых коммуникаций, культурных обменов, научное сотрудничество, личную дипломатию с целью конструирования позитивного имиджа СССР – заложили фундамент дальнейшего развития. Кроме того, универсальный язык искусства позволял советским культурным делегациям выйти за рамки политических задач. Создавая глубокий эмоциональный резонанс у американских зрителей, советские артисты формировали атмосферу взаимного уважения и диалога, акцентируя в то сложное время внимание на общечеловеческих ценностях: уважении к личности, красоте, гармонии и духовном родстве.

Всё это позволяло культурной дипломатии стремиться к выполнению поставленных логикой холодной войны задач в условиях по-прежнему существовавших идеологических препятствий внутри страны и кризисов в международных отношениях и социалистическом лагере.

Понимая неразрешимость противоречий холодной войны силовым путём, Н. С. Хрущёв искренне верил, что культурный штурм Запада и, в первую очередь Соединённых Штатов, если не приведёт СССР к победе в холодной войне, то в краткосрочной перспективе понизит градус напряжённости между социалистическим и капиталистическим лагерями.

Таким образом, приведённые выше факты позволяют углубить понимание системы культурной дипломатии как советской «мягкой силы» в период холодной войны, а также расширяют существующие в историографии представления о периоде хрущёвской оттепели за пределы внутренней жизни СССР.

Кроме того, практическая значимость исследования заключается в важности и эффективности изучения культурного измерения внешней политики как области хранящей немало исторических прецедентов, которые могут оказаться уместными в условиях современного напряжения в международных отношениях. Таким образом, в XXI в., когда активно развиваются новые области дипломатической деятельности, дополняющие традиционные практики [11, с. 137], история богатого опыта советской культурной дипломатии чрезвычайно актуальна.

ЛИТЕРАТУРА

1. Макдэниэл К. П. Советско-американская культурная дипломатия. Американский дебют Большого театра / пер. с англ. А. Овсянниковой. СПб.: Библиороссика, 2025. 350 с.
2. Магнусдоттир Р. «Будьте осторожнее в Америке, Никита Сергеевич!» советская концепция политики мирного сосуществования с Соединёнными Штатами Америки в 1959 г. // СССР и США в XX веке: восприятие «другого»: мат-лы конф. / сост. Б. Физиле, Р. Магнусдоттир. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 256 с.
3. Иванян Э. А. Когда говорят музы. История российско-американских культурных связей. М.: Международные отношения, 2007. 500 с.
4. Хрущёв Н., Кеннан Дж., Лебедев Ф. Мирное сосуществование с разных точек зрения. Мюнхен: ЦОПЭ, 1960. 79 с.
5. Райнхардт Р. О., Немудров К. А. Соглашение Лейси–Зарубина 1958 года: у истоков советско-американской научной дипломатии // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 1. С. 431–446. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-431-446
6. Gold D. N. The Logic of Soviet Cultural Diplomacy // Diplomatic History. 1999. № 27. Р. 193–214.
7. Лазарева Л. Н. Культурная политика позднего сталинизма в фокусе концепции догоняющей модернизации // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 6. С. 88–96. DOI: 10.18384/2949-5164-2024-6-88-96

8. Курилла И. Заклятые друзья. История мнений, фантазий, контактов, взаимо(не)понимания России и США. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 424 с.
9. Stites R. *Russian Popular Culture: Entertainment and Society since 1900*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 269 p.
10. Горлов В. Н. Американская национальная выставка в Сокольниках в 1959 г. как демонстрация достоинств капитализма // Вестник государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2021. № 2. С. 95–103. DOI: 10.18384/2310-676X-2021-2-95-104
11. Ковба Д. М. Гуманитарная дипломатия: основные уровни, акторы и их мотивы // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2023. № 1. С. 137–147. DOI: 10.18384/2310-676X-2023-1-135-147

REFERENCES

1. McDaniel, K. P. (2025). *American-Soviet cultural diplomacy. The Bolshoi Ballet's American premiere*. St. Petersburg: Bibliorossika Publ. (in Russ.).
2. Magnusdottir, R. (2017). "Be careful in America, Nikita Sergeevich!" Soviet concept of a policy of peaceful coexistence with the United States of America in 1959. In: Fisile B., Magnusdottir R., eds. (2017). *USSR and the USA in the twentieth century: perception of the "other"*. Moscow: Political Encyclopedia Publ. (in Russ.).
3. Ivanyan, E. A. (2007). *When the muses speak. History of Russian-American cultural ties*. Moscow: International relations Publ. (in Russ.).
4. Khrushchev, N., Kennan, J. & Lebedev, F. (1960). *Peaceful coexistence from different points of view*. Munich: CEPE Publ. (in Russ.).
5. Reinhardt, R. O. & Nemudrov, K. A. (2023). Lacy-Zarubin Agreement of 1958: at the origins of Soviet-American scientific diplomacy. In: *Scientific dialogue*, 12-1, 431–446. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-431-446 (in Russ.).
6. Gold, D. N. (1999). The Logic of Soviet Cultural Diplomacy. In: *Diplomatic History*, 27, 193–214.
7. Lazareva, L. N. (2024). The cultural policy of late Stalinism in the focus of the concept of catching up modernization. In: *Bulletin of the State University of Education. Series: History and Political Science*, 6, 88–96. DOI: 10.18384/2949-5164-2024-6-88-96 (in Russ.).
8. Kurilla, I. (2018). *Sworn friends. The history of opinions, fantasies, contacts, mutual (not) understanding of Russia and the United States*. Moscow: New Literary Review Publ. (in Russ.).
9. Stites, R. (1992). *Russian Popular Culture: Entertainment and Society since 1900*. Cambridge: Cambridge University Press.
10. Gorlov, V. N. (2021). American National Exhibition in Sokolniki in 1959 as a demonstration of the merits of capitalism. In: *Bulletin of the State University of Education. Series: History and Political Science*, 2, 95–103. DOI: 10.18384/2310-676X-2021-2-95-104 (in Russ.).
11. Kowba, D. M. (2023). Humanitarian diplomacy: basic levels, actors and their motives. In: *Bulletin of the State University of Education. Series: History and Political Science*, 1, 137–147. DOI: 10.18384/2310-676X-2023-1-135-147 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пенькова Татьяна Александровна (г. Москва) – аспирант кафедры истории России Государственного университета просвещения;

e-mail: tanya.penkova.57@gmail.com; ORCID: 0009-0005-2247-9504

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatiana A. Penkova (Moscow) – Postgraduate Student, Department of Russian History, Federal State University of Education;

e-mail: tanya.penkova.57@gmail.com; ORCID: 0009-0005-2247-9504

Научная статья

УДК

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-6-75-83

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ

Бруз В. В.

Государственный университет просвещения

г. Москва, Российская Федерация

e-mail: vvb54@yandex.ru

Поступила в редакцию 12.10.2025

После доработки 26.10.2025

Принята к публикации 05.11.2025

Аннотация

Цель. Изучение зарубежного опыта в вопросах применения искусственного интеллекта в сфере государственного управления.

Процедура и методы. Основными исследовательскими методами стали диахронный и историко-генетический. Проведён анализ взглядов зарубежных исследователей по вопросам, связанным с использованием технологий искусственного интеллекта в государственном управлении. Исследованы вопросы развития теории и практического применения технологий искусственного интеллекта.

Результаты. Выяснено, что зарубежные авторы уделяют внимание теоретическим вопросам применения искусственного интеллекта в государственном управлении и, в частности, принципам его использования. Исследуются направления практического применения искусственного интеллекта, открывающиеся, в связи с этим преимущества, а также возникающие риски и угрозы.

Теоретическая и/или практическая значимость. Определены сущность и содержание методологических подходов и принципов применения искусственного интеллекта в государственном управлении, а также основных направлений и особенностей его практического применения

Ключевые слова: искусственный интеллект, государственное управление, принципы, транспорт, здравоохранение, мониторинг, кибератаки

Для цитирования:

Бруз В. В. Зарубежный опыт использования искусственного интеллекта в государственном управлении // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 6. С. 75–83.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-6-75-83

Original research article

FOREIGN EXPERIENCE OF USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN PUBLIC ADMINISTRATION

V. Bruz

*Federal State University of Education
Moscow, Russian Federation
e-mail: vvb54@yandex.ru*

Received 12.10.2025

Revised 26.10.2025

Accepted 05.11.2025

Abstract

Aim. To study international experience in the application of artificial intelligence in public administration.

Methodology. The primary research methods used were diachronic and historical-genetic. An analysis of international researchers' views on issues related to the use of artificial intelligence technologies in public administration was conducted. The development of theory and practical application of artificial intelligence technologies were explored.

Results. It was found that foreign authors are focusing on theoretical aspects of artificial intelligence application in public administration, and in particular, the principles of its use. The study explores the practical applications of artificial intelligence, the resulting advantages, and the risks and threats it poses.

Research implications. Clarification of the essence and content of methodological approaches and principles of application of artificial intelligence in public administration, as well as the main directions and features of its practical application.

Keywords: artificial intelligence, public administration, principles, transportation, healthcare, monitoring, cyberattacks

For citation:

Bruz, V. V. (2025). Foreign experience of using artificial intelligence in public administration. In: *Bulletin of Federal State University of Education*. Series: History and Political Sciences, 6, 75–83. DOI: 10.18384/2949-5164-2025-6-75-83

Введение

Стремительное развитие технологии искусственного интеллекта (ИИ) открывает сегодня, как отмечается в Резолюции ООН, новые возможности для социально-экономического развития, ускоряет ход осуществления и достижения целей в области устойчивого развития экономической, социальной и экологической сфер¹.

В последние годы искусственный интеллект активно внедряется в различные отрасли. Он способен кардинально изменить государственное управление, повышая эффективность и улучшая процессы принятия решений. Искусственный интеллект – это *имитация человеческого интеллекта машинами*, которые запрограммированы на мышление, обучение

¹ Укрепление международного сотрудничества в деле наращивания потенциала в области искус-

ственного интеллекта // ООН Генеральная Ассамблея: [сайт]. URL: <https://clck.ru/3RUUWA> (дата обращения: 18.09.2025).

и решение задач¹. Используя ИИ, правительства могут оптимизировать работу, автоматизировать рутинные задачи и получать ценные сведения из больших объёмов данных. Однако внедрение ИИ в государственное управление сопряжено с определёнными трудностями. Это требует тщательного планирования, сотрудничества и глубокого понимания технологий ИИ.

Возможности искусственного интеллекта

В XXI в. наиболее перспективными с точки зрения развития искусственного интеллекта странами, по мнению А. П. Любимова и Г. А. Майстренко, считаются КНР, Япония, США, Франция, ОАЭ, а также Нидерланды [1, с. 128].

Искусственный интеллект открывает большие перспективы для государственного сектора. Правительства находятся в уникальном положении в отношении ИИ, они способны определять национальные приоритеты, инвестиции и регулирование для ИИ, а также использовать его для переосмысления способов, которыми государственный сектор разрабатывает политику и услуги [2].

Искусственный интеллект способен кардинально изменить сферу государственного управления, используя передовые алгоритмы и машинное обучение для повышения эффективности, качества принятия решений и предоставления услуг. Применяя технологии ИИ, прави-

тельства могут более эффективно осуществлять политику и принимать решения, что приведёт к улучшению качества взаимодействия с гражданами.

По мнению специалиста в сфере искусственного интеллекта Х. Саджид, основная причина использования ИИ в вопросах государственного управления связана с возможностью государственным служащим больше внимания уделять решению серьёзных проблем за счёт многократного сокращения рутинной работы, что в свою очередь позволит сократить время на предоставления услуг гражданам. По оценкам международной аудиторской и консалтинговой корпорации *Deloitte*, автоматизация работы государственных служащих может сэкономить от 96,7 млн до 1,2 млрд рабочих часов, что потенциально может привести к ежегодной экономии примерно в размере 41,1 млрд².

Многие правительства рассматривают возможности применения искусственного интеллекта в экономической сфере. В нём они видят источник роста. Это подтверждается данными *McKinsey & Company*, в соответствии с которыми уже к концу 2020-х гг. искусственный интеллект даст мировой экономике более 10 трлн долларов [3, с. 2].

Наряду с этим некоторые исследователи обращают внимание на то, что стремительное развитие технологий искусственного интеллекта привело к значительному росту спроса на центры обработки данных, требующих огромных энергозатрат. Ожидается, что к 2030 г. спрос на центры обработки данных в Европе вырастет примерно до 35 гигаватт (ГВт) по сравнению с 10 ГВт на сегодняшний день³.

¹ Энциклопедия Британника определяет Искусственный интеллект (ИИ) как способность цифрового компьютера или управляемого компьютером робота выполнять задачи, обычно ассоциируемые с разумными существами. Этот термин часто используется для обозначения проекта разработки систем, обладающих интеллектуальными процессами, характерными для человека, такими как способность рассуждать, находить смысл, обобщать или учиться на прошлом опыте. С момента своего появления в 1940-х годах цифровые компьютеры программировались для выполнения очень сложных задач, таких как доказательство математических теорем или игра в шахматы, с высокой степенью мастерства.

² Haziqa S. 7 Practical Applications of AI in Government [Электронный ресурс]. <https://www.v7labs.com/blog/ai-in-government> (дата обращения: 24.09.2025).

³ The role of power in unlocking the European AI revolution. October 24, 2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://clc.li/jLKKz> (дата обращения: 10.10.2025).

Принципы применения искусственного интеллекта

Международные организации предлагают различные модели управления ИИ, которые базируются на общих принципах. Так, первым межправительственным стандартом в области искусственного интеллекта стали принципы ИИ, основанные на ценностях, разработанные международной Организацией экономического сотрудничества и развития ОЭСР¹. Принятые в 2019 и обновлённые в 2024 г., они способствуют развитию инновационного и надёжного искусственного интеллекта. Среди общих названы принципы устойчивого экономического роста, демократических прав и свобод, свободы личности, надёжности, защищённости и др.²

В свою очередь, специалисты группы Всемирного банка выделяют 3 ключевые концепции, которые составляют основу для внедрения искусственного интеллекта в сфере государственного управления: общегосударственную архитектуру, совместимость и стандартизацию данных и предлагают модели управления, в основе которых заложены концептуальные положения:

– *информационная безопасность*: обеспечение всесторонних мер, надёжно защищающих данные граждан, в т. ч. от использования без их ведома и их согласие;

– *ответственность*: должны быть предусмотрены механизмы, обеспечивающие подотчётность на протяжении всего цикла разработки и внедрения ИИ. Ответственность за мониторинг подотчётности должна нести соответствующая организация или орган;

– *безопасность и защита*: кибербезопасность имеет решающее значение; руководители должны обеспечивать благополучие общества в целом и каждого гражданина;

– *справедливость*: решения на основе ИИ должны минимизировать предвзятость, выявлять и управлять рисками [3, с. 7].

Следует отметить, что принципы предлагаемые специалистами группы Всемирного банка развивают, дополняют и в ряде случаев конкретизируют принципы, предложенные международной Организацией экономического сотрудничества и развития. В то же время руководитель лаборатории обработки и передачи информации в когнитивных системах Д. А. Репин обращает внимание на необходимость укрепления этических принципов в процессе технологической трансформации общества, подчёркивая, что эту мысль неоднократно высказывает мировое научное сообщество [4, с. 141].

Преимущества искусственного интеллекта в государственном управлении

Авторы проекта «Искусственный интеллект на благо общества» (*AI For Social Good, AI4SG*) выделяют ряд преимуществ ИИ при его применении в государственном правлении:

1. повышение качества принятия решений;

2. оптимизация процессов и повышение эффективности;

3. улучшение качества предоставления услуг³.

Проведённые исследования свидетельствуют о ключевой роли Интернета и особенно платформ социальных сетей как инструментов для получения вспомогательных данных, полезных государственным служащим при подготовке и принятии решений и улучшении качества государственных услуг. Социальные сети обеспечивают постоянно обновляемый поток информации, позволяя соответствующим органам отслеживать обще-

¹ ОЭСР (англ. OECD – Organization for Economic Cooperation and Development) – международная Организация экономического сотрудничества и развития.

² AI principles: [сайт]. URL: <https://clck.ru/3RUWdV> (дата обращения: 12.09.2025).

³ A Comprehensive Guide on Utilizing Artificial Intelligence in the Public Sector [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.li/NrvwH> (дата обращения: 15.09.2025).

ственные устремления, выявлять проблемы, с которыми сталкиваются граждане и оперативно их решать [5, с. 205].

В то же время многие исследователи предупреждают о рисках, которые возникают в связи с неправильным применением технологий ИИ. Так, профессора Д. Базаркина и Е. Пашенцев обращают внимание на риски и угрозы, связанные со злонамеренным использованием ИИ [6].

По мнению С. Рассела и П. Норвига к числу негативных тенденций в этом вопросе относится наблюдение и убеждение, предполагающее возможность контроля и изменение поведения; предвзятое принятие решений, связанное с неосторожным или намеренно неверным использованием алгоритмов машинного обучения; влияние на занятость: опасения по поводу того, что машины вытеснят людей с рабочих мест; применение ИИ в критически важных для безопасности областях, что требует разработки технических и этических стандартов; кибербезопасность. Методы ИИ полезны для защиты от кибератак, но они также способствуют повышению эффективности, живучести и распространению вредоносного программного обеспечения (ПО) и применяются для создания высокоэффективных инструментов для автоматизированного, персонализированного шантажа и фишинговых атак [7, р. 49–50].

Применение ИИ в различных сферах государственного управления

Одним из ключевых преимуществ ИИ в государственном управлении является его способность оптимизировать процессы. Автоматизируя рутинные задачи (ввод данных, сортировка документов и ответы на запросы клиентов), системы ИИ способствуют освобождению сотрудников для выполнения более сложных и стратегических задач. Это ведёт к значительной экономии времени и средств, а также к сокращению количества ошибок и задержек.

ИИ также помогает оптимизировать процессы принятия решений, анализируя

большие объёмы данных и предоставляя полезную информацию. Так, алгоритмы ИИ применяются для выявления закономерностей и тенденций в опросах общественного мнения, повышая точность политических решений. Чат-боты на базе ИИ способны предоставлять мгновенные и персонализированные ответы на запросы граждан, улучшая обслуживание клиентов и сокращая время ответа.

Кроме того, использование ИИ способствует принятию решений на основе данных. Системы ИИ могут анализировать огромные объёмы данных из различных источников, включая социальные сети, датчики и административные базы данных, для выявления закономерностей и прогнозирования.

В государственном управлении с помощью алгоритмов искусственного интеллекта можно выявлять формирующиеся тенденции, сферы возможных рисков, определять услуги, на которые возникнет повышенный спрос и решать ряд других вопросов. Таким образом, применение автоматизированного анализа данных существенно повышает эффективность работы государственных служащих¹.

Применение ИИ помогает автоматизировать процесс мониторинга и оценки государственных программ. Используя алгоритмы машинного обучения, государственные организации получают возможность анализировать данные о производительности в режиме реального времени, выявлять области для улучшения и оптимизации распределения ресурсов. Это способствует более эффективному и результативному использованию государственных ресурсов, а также к улучшению результатов для граждан.

Наряду с этим, выделяется ещё целый ряд областей применения ИИ, которые

¹ AI in Public Administration: Transforming Decision-making Processes & Enhancing Service Delivery Efficiency Through Advanced AI Technologies // Technology Innovators: Global technology Magazines [Электронный ресурс]. URL: <https://clcl.li/qeYqU> (дата обращения: 15.09.2025).

правительства используют для улучшения государственных услуг.

Анализ транспортных потоков

По данным, приведённым генеральным секретарём ООН А. Гутерришем, каждый год на дорогах в результате аварий погибает более 1 млн человек, а получивших травмы и увечья в десятки раз больше¹.

Применение искусственного интеллекта в этой сфере способно существенно повлиять на эту ситуацию. Речь идёт о возможности широкого применения видеокamer, как стационарных, так и на беспилотных летательных аппаратах. Анализ данных, поступающих с этих камер, позволяет в режиме реального времени наблюдать за дорожной обстановкой, выявлять опасные участки и принимать превентивные меры. Кроме того, это позволяет регулировать движение с учётом складывающейся ситуации на дорогах. Во многих странах в этой сфере ведётся активная работа.

Так, например, в Соединённых Штатах разработана и внедрена технология оценки состояния транспортных потоков (*TranSEC*), которая позволяет оценивать ситуацию на дорогах даже при наличии отрывочных сведений². Американская кампания *GRIDSMArT* одной из первых предложила применение систем видеонаблюдения за дорожным движением и передачи информации соответствующим службам³.

Применение технологий с использованием искусственного интеллекта получает всё более широкое распространение и способствует повышению эффектив-

ности управления дорожным движением и сокращению дорожно-транспортных происшествий, а следовательно, и сохранению жизни людей.

Здравоохранение и профилактика распространения заболеваний

Искусственный интеллект добился значительных успехов и в здравоохранении. Это касается, прежде всего, вопросов ранней диагностики болезней. Кроме того, он успешно применяется в организации профилактических мероприятий и помогает принятию врачебных решений на основе имеющихся медицинских данных и параметров. Однако для его успешного применения необходимо высокотехнологичное оборудование и профессионально подготовленный медицинский персонал [8, р. 207].

Применение технологий искусственного интеллекта позволяет врачам на основе мониторинга всей информации о состоянии больного – от уровня холестерина и температуры до веса и пульса – не только контролировать ситуацию, но и своевременно принимать необходимые решения с учётом возможных последствий.

Следует отметить, что искусственный интеллект успешно применялся в ряде стран в период пандемии коронавируса. Так, например, в Великобритании была создана единая база данных рентгенограмм больных ковидом, что позволило разработать более эффективные способы ухода за больными⁴.

Применение технологий искусственного интеллекта на порядок сокращает время выявления сердечных заболеваний. Если обычно врачу на анализ результата МРТ требуется 10–15 минут, то с помощью ИИ на это уходит всего 20 секунд⁵.

¹ With 1.3 million annual road deaths, UN wants to halve number by 2030 [Электронный ресурс]. URL: <https://news.un.org/en/story/2021/12/1107152> (дата обращения: 05.09.2025).

² TranSEC: Tracking and Alleviating Urban Congestion [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3RUWrf> (дата обращения: 15.09.2025).

³ Gridsmart – precision traffic & safety systems [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3RUWpf> (дата обращения: 15.09.2025).

⁴ National COVID-19 Chest Imaging Database (NCCID) [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3RUWrf> (дата обращения: 15.09.2025).

⁵ Lovell Tammy NHS rolls out AI tool which detects heart disease in 20 seconds // ImpactLab [сайт]. URL: <https://clck.ru/3RUWuf> (дата обращения: 15.09.2025).

Центры по контролю и профилактике заболеваний США используют инструмент ИИ для оптимизации отслеживания и отчётности по полиомиелиту. ИИ способен идентифицировать типы вирусов и формировать кластеры из различных отчётов о заболеваниях.

Система эпидемиологического надзора Австралии *PHREDSS* ежедневно отслеживает симптомы пациентов в больницах для выявления возникающих всплесков заболеваний и соответствующей корректировки политики в области здравоохранения¹.

Точность моделей ИИ в значительной степени зависит от качества и количества наборов данных медицинских исследований. Интеллектуальный инструмент ускоряет процесс аннотирования и предоставляет комплексное решение для управления медицинскими данными.

Мониторинг крупномасштабной инфраструктуры

Органы государственного управления сталкиваются с трудностями при мониторинге недвижимости. Обычное администрирование является сложным и часто недостаточным для выявления изменений в землепользовании. Внедрение технологий искусственного интеллекта способствуют решению этой проблемы.

Р. Бартон отмечает, что французская консалтинговая фирма *Capgemini* в сотрудничестве с *Google* разработала ПО на базе искусственного интеллекта, способное анализировать аэрофотоснимки для выявления неучтённой недвижимости. В результате было выявлено несколько десятков тысяч незарегистрированных объектов. И таким образом бюджет страны увеличился на 10 млн евро².

Подобные технологии применяются и в других странах. Сервис *Nearmap US Vertical Imagery* в постоянном режиме осуществляет аэрофотосъёмку всей территории Соединённых Штатов, обеспечивая актуальной и надёжной информацией заинтересованные государственные организации³.

Исходя из этого следует, что использование искусственного интеллекта для мониторинга инфраструктуры на больших территориях существенно повышает эффективность и качество работы соответствующих государственных служб.

Обработка больших объёмов данных

Государственным служащим на всех уровнях приходится работать с документами на бумажных носителях. Этот достаточно трудоёмкий процесс, порой существенно снижающий скорость принятия решений и удовлетворения запросов граждан.

Это подтверждают данные, которые приводит Д. Бакстер. В соответствии с ними из-за обработки бумажных документов вручную более половины сотрудников местных органов не в состоянии своевременно выполнить свою работу, что негативно сказывается на всём управленческом процессе⁴.

Применение технологий объединяющих искусственный интеллект и роботизацию процессов, предполагающих распознавание устной и письменной речи, языка, анализа и обработки изображений и видео способны на порядки увеличить скорость и объёмы обрабатываемых материалов, необходимых для принятия управленческих решений.

¹ Rapid surveillance and PHREDSS [Электронный ресурс]. URL: <https://clc.li/Crthj> (дата обращения: 15.09.2025).

² Barton R. Google Develops AI Technology That Leads to Discovery of Property Tax Evaders 8/29/2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.taxbuzz.com/news/french-authorities-use-ai-technology-discover-undeclared-pools> (дата обращения: 15.09.2025).

³ Nearmap US Vertical Imagery [Электронный ресурс]. URL: <https://clc.li/OXOWB> (дата обращения: 15.09.2025).

⁴ Baxter D. Future-Proofing State and Local Government Operations: Staying Ahead of the Curve with the Latest Technology Trends. March 27, 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://clc.li/XsmnY> (дата обращения: 15.09.2025).

Автоматизация задач: чат-боты

В настоящее время достаточно широкое распространение получило применение чат-ботов. Сегодня они вполне успешно решают вопросы взаимодействия с гражданами в стандартных ситуациях, обеспечивая поддержку на разных языках и освобождая служащих от монотонной рутинной работы.

Так, например, в Соединённых Штатах вопросами рекрутирования в вооружённые силы занимается чат-бот *SGT STAR*. Он оказывает консультативную помощь, отвечает на типовые вопросы и при необходимости связывает с оператором¹. Подобные функции в иммиграционной службе США выполняет чат-бот *ЕММА*.

Следует подчеркнуть, что применение виртуальных помощников широко используется и во многих других странах. Чат-бот *RAMMAS* в ОАЭ круглосуточно обслуживает клиентов и отвечает на их запросы на арабском и английском языках, предлагая транзакционные и информационные услуги и предоставляя 2 способа взаимодействия: выбор из меню или прямые вопросы².

Предотвращение кибератак

В органах государственной власти находится большой объём информации, представляющий государственную тайну, а также материалы, связанные с вопросами национальной безопасности, представляющие интерес для зарубежных спецслужб. Применение возможностей искусственного интеллекта в интересах защиты от кибератак является весьма важным и актуальным. Уже сегодня он позволяет выявлять необычную сетевую активность, слабые места в системе защиты, моделировать кибератаки и усиливать безопасность систем и решать ряд других вопросов.

Разработанный на базе искусственного интеллекта инструмент *Cyber AI* помогает правительствам и предприятиям управлять сложными киберпроцессами, включая:

- поведенческое моделирование;
- обнаружение алгоритмов, генерируемых доменами;
- обнаружение вредоносного ПО;
- обнаружение неправомерного использования учётных данных.

Разработанный *Microsoft* инструмент *Cyber Signals* активно отслеживает более 140 групп угроз и более 40 государственных акторов в 20 странах. Он способствует обмену разведывательными данными между различными правительственными учреждениями, выявляя и помечая вредоносные сущности. По данным, которые приводит главный советник по кибербезопасности Б. Арсено, интеграция ИИ в сферу кибербезопасности способствовала повышению точности выполнения всех задач на 44% и ускорение их выполнения на 26%³. Эти цифры наглядно демонстрируют преимущества интеграции ИИ в сферу кибербезопасности.

Заключение

Искусственный интеллект стремительно меняет политический ландшафт, предлагая мощные инструменты, которые могут улучшить управление, укрепить демократические процессы и повысить гражданскую активность. Применение искусственного интеллекта способствует более эффективному и результативному государственному управлению.

Разработанные принципы применения искусственного интеллекта создают теоретико-методологическую основу его дальнейшего совершенствования и применения. Имеющийся опыт свидетельствует о несомненных преимуществах, связанных с использованием искусствен-

¹ Natural Language Dialogue group [Электронный ресурс]. URL: <https://nld.ict.usc.edu/group/projects/sgt-star> (дата обращения: 15.09.2025).

² Rammas [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3RUWxu> (дата обращения: 15.09.2025).

³ Arsenault B. Cyber Signals: Navigating cyber threats and strengthening defenses in the era of AI [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.li/yPYjk> (дата обращения: 15.09.2025).

ного интеллекта в различных сферах государственного управления. Это касается не только дорожного движения и здравоохранения, но и мониторинга крупных инфраструктур, обработки больших данных, применения виртуальных помощников и предотвращения кибератак и т. д.

Используя возможности ИИ, государственное управление может стать более оперативным, быстрее реагируя на меняющуюся обстановку, прозрачным и ориентированным на граждан, что в конечном итоге приведёт к повышению благосостояния и удовлетворённости граждан.

ЛИТЕРАТУРА

1. Любимов А. П., Майстренко Г. А. Перспективы искусственного интеллекта в России и за рубежом // *Философия науки и техники*. 2023. Т. 28 № 1. С. 121–132.
2. Hello, World: Artificial intelligence and its use in the public sector / J. Berryhill, K. K. Heang, R. Clogher, K. McBride // *Working Papers on Public Governance*. 2019. № 36. DOI: 10.1787/726fd39d-en
3. Surya L. Artificial Intelligence in the Public Sector // *SSRN Electronic Journal*. 2019. № 6 (8). P. 7.
4. Репин Д. А. Технологии искусственного интеллекта как фактор совершенствования государственного управления: вызовы и угрозы // *Экономика и управление*. 2025. Т. 31. № 2. С. 139–148.
5. Malawani A. Artificial intelligence in public administration: opportunities, challenges, and ethical considerations // *Otoritas Jurnal Ilmu Pemerintahan*. 2025 № 15 (1). P. 205–221.
6. Bazarkina D. Yu., Pashentsev E. N. Malicious Use of Artificial Intelligence // *Russia in Global Affairs*. 2019. № 1 DOI: 10.31278/1810-6374-2019-17-1-147-170
7. Russell S. J., Norvig P. Artificial Intelligence. A Modern Approach. Fourth Edition. Global Edition. Harlow: Pearson, 2022. 1119 p.
8. AI-Driven Transformation: Mapping the Course for Future Business Landscapes. eds. O. Prokopenko, M. Jarvis. Tallinn: Teadmus OÜ, 2024. 257 p.

REFERENCES

1. Lyubimov, A. P. & Maistrenko, G. A. (2023). Prospects for artificial intelligence in Russia and abroad. In: *Philosophy of science and technology*, 28-1, 121–132 (in Russ.).
2. Berryhill, J., Heang, K. K., Clogher, R. & McBride, K. (2019). Hello, World: Artificial intelligence and its use in the public sector. In: *Working Papers on Public Governance*, 36. DOI: 10.1787/726fd39d-en
3. Surya, L. (2019). Artificial Intelligence in the Public Sector. In: *SSRN Electronic Journal*, 6 (8), 7.
4. Repin, D. A. (2025). Artificial intelligence technologies as a factor in improving public administration: challenges and threats. In: *Economics and management*, 31-2, 139–148 (in Russ.).
5. Malawani, A. (2025). Artificial intelligence in public administration: opportunities, challenges, and ethical considerations. In: *Otoritas Jurnal Ilmu Pemerintahan*, 15 (1), 205–221.
6. Bazarkina, D. Yu. & Pashentsev, E. N. (2019). Malicious Use of Artificial Intelligence. In: *Russia in Global Affairs*, 1. DOI: 10.31278/1810-6374-2019-17-1-147-170
7. Russell, S. J. & Norvig, P. (2022). Artificial Intelligence. A Modern Approach. Fourth Edition. Global Edition. Harlow: Pearson.
8. Prokopenko, O. & Jarvis, M., eds. (2024). AI-Driven Transformation: Mapping the Course for Future Business Landscapes. Tallinn: Teadmus OÜ.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Брыз Владимир Виленович (г. Москва) – доктор исторических наук, профессор, кафедра государственной и муниципальной службы, Государственный университет просвещения;
e-mail: vvb54@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-7014-5251

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir V. Bryz (Moscow) – Dr. Sci. (History), Prof., Department of Public and Municipal Service, Federal State University of Education;
e-mail: vvb54@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-7014-5251

Научная статья

УДК 329(71)

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-6-84-94

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРЕНДЫ КАНАДЫ В 1931–2010 ГГ.: СПЕЦИФИКА И ИЗМЕНЕНИЯ

Комаров А. Н.

Российский государственный гуманитарный университет

г. Москва, Российская Федерация

e-mail: ruslan10@inbox.ru

Поступила в редакцию 18.06.2025

После доработки 14.07.2025

Принята к публикации 27.07.2025

Аннотация

Цель. Определить важнейшие внешнеполитические тренды Канады в новейшее время, их специфику и особенности.

Процедуры и методы. Ключевым методом проводимого исследования явился историко-сравнительный метод, который способствовал анализу и сопоставлению различных трендов внешней политики Канады в контексте рассматриваемой исторической эпохи.

Результаты. Выявлены и охарактеризованы 3 взаимосвязанных между собой тренда внешней политики Канады, каждый из которых последовательно отражает её сущностное содержание. Тренды формировались под влиянием франко-канадского фактора, внешнеполитических ценностей Британской империи и Вестминстерского статута 1931 г. Сделан вывод о том, что существующие внешнеполитические тренды обеспечили Канаде самостоятельность на международной арене.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы при формировании стратегии российско-канадских отношений на современном этапе, и, в частности, возможном сотрудничестве с Канадой по арктической проблематике. Практическая значимость проведённого исследования связана с внедрением его результатов в образовательный процесс в рамках работы автора статьи со студентами-международниками в Институте международных отношений и политических наук РГГУ. Кроме того, материалы исследования могут быть использованы при создании учебных и лекционных курсов по новейшей истории Канады.

Ключевые слова: тренд, внешняя политика, Канада, Вестминстерский статут, Британская империя, международная арена, франко-канадский фактор

Для цитирования:

Комаров А. Н. Внешнеполитические тренды Канады в 1931–2010 гг.: специфика и изменения // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 6. С. 84–94.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-6-84-94

Original research article

FOREIGN POLICY TRENDS OF CANADA IN 1931–2010: SPECIFICITY AND CHANGES

A. Komarov

Russian State University for the Humanities

Moscow, Russian Federation

e-mail: ruslan10@inbox.ru

Received 18.06.2025

Revised 14.07.2025

Accepted 27.07.2025

Abstract

Aim. To identify the most important foreign policy trends of Canada in modern and contemporary history, their specificity and features.

Methodology. The key method of the study was the historical-comparative method, which contributed to the analysis and comparison of various trends in Canadian foreign policy in the context of the historical era under consideration.

Results. Three interconnected trends in Canadian foreign policy were identified and characterized, each of which consistently reflects its essential content. It has been proven that the above trends were formed under the influence of the French-Canadian issue, the foreign policy values of the British Empire and the Statute of Westminster of 1931. It has been concluded that the existing foreign policy trends have ensured Canada's independence in the international arena.

Research implications. The results of the study can be used in forming a strategy for Russian-Canadian relations at the present stage, and, in particular, possible cooperation with Canada on Arctic issues. The practical significance of the study is associated with the introduction of its results into the educational process as part of the author's work with international relations students at the Institute of International Relations and Political Science at the Russian State University for the Humanities. In addition, the research materials can be used in creating educational and lecture courses on the modern history of Canada.

Keywords: trend, foreign policy, Canada, the Statute of Westminster, the British Empire, international relations, the French-Canadian issue

For citation:

Komarov, A. N. (2025). Foreign Policy Trends of Canada in 1931–2010: Specificity and Changes. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 6, 84–94.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-6-84-94

Введение

В отечественной и зарубежной историографии традиционно рассматривается внешняя политика Канады на протяжении различных периодов её развития. В частности, отечественные учёные останавливались на особенностях внешней политики, осмысливали её содержание,

проводили её углублённое исследование. Следует отметить, что в работах отечественного учёного С. Ф. Молочкова большое внимание уделяется ракурсу внешней политики Канады при П. Трюдо [1].

Стоит также заметить, что российские исследователи Е. В. Исаева и А. Н. Комаров также останавливались на важней-

ших проблемах внешней политики Канады, включая её диверсификацию, ориентированность на тесные связи с США, эволюцию канадско-российских отношений, других важных вопросах¹. Кроме того, А. Н. Комаров в своём научном труде специально останавливался на специфике канадско-американских отношений в 1950–1990-е гг. [2]. Отечественный исследователь Т. Р. Кузьмина, рассматривая внешнеполитическую проблематику, делала вывод о транснациональном характере канадской иммиграции [3]. Предметом изучения Т. Р. Кузьминой являлась также и латиноамериканская диаспора в Канаде [4]. В свою очередь, отдельные важные аспекты канадской внешней политики освещены в масштабной работе К. Брауна, посвящённой истории Канады в целом [5]. Стоит также отметить, что канадско-латиноамериканские внешнеэкономические и геополитические связи были раскрыты в работе канадского исследователя П. Макенны [6]. Проблема расширения связей Канады и Латинской Америки нашла своё отражение в работах Д. Рохлина [7]. Канадский исследователь Дж. Сэйвелл, в свою очередь, останавливался на направлениях внешней политики Канады, тесно связывая их с социально-экономическим и политическим развитием государства [8].

При дальнейшем изучении данной проблематики стало очевидным, что внешнеполитические тренды Канады в новое и новейшее время оказались недостаточно выделены и разграничены. Между тем именно решение этой проблемы позволяет понять основные моменты изменения внешнеполитического курса Канады и её глобального места в системе вызовов XXI в.

Тщательное изучение материала в области внешней политики позволяет выделить несколько трендов, где каждый из них имеет свои специфические, только

ему присущие исторические черты. Необходимо подчеркнуть, что Канада получила самостоятельность в проведении своей внешней политики только в 1931 г. по Вестминстерскому статуту. Поэтому вряд ли можно говорить о каком-либо внешнеполитическом тренде до этого момента. Правильным, на наш взгляд, было бы начинать анализ внешнеполитических трендов Канады с Вестминстерского статута 1931 г.² В то же время, безусловно, представляется значимым и освещение формирования внешнеполитических интересов Канады до 1931 г.

Из истории формирования внешнеполитических трендов Канады

До 1931 г. отличительной чертой канадской внешней политики, продолжавшейся с 1867 г., т. е. с момента основания доминиона, является почти полное отсутствие национальной специфики и ориентация на основные внешнеполитические ценности Британской империи. Именно эта идея находилась в основе внешнеполитической стратегии лидера Консервативной партии и премьер-министра Канады Д. Макдональда.

Этот тезис подтверждается рядом исторических примеров, в частности, вступлением Канады в англо-бурскую войну 1899–1902 гг. и в Первую мировую войну на стороне Британской империи. Однако термин «почти полное отсутствие национальной специфики» был упомянут нами не случайно. В годы англо-бурской войны 1899–1902 гг. в канадском обществе разгорелись жаркие дискуссии, инспирированные франкоязычной частью Канады. Несмотря на то, что лидер Либеральной партии и премьер-министр Канады У. Лорье принял решение об отправке канадских добровольцев в Южную Африку, становилось очевидным, что в будущем мнение франко-канадцев необходимо учитывать при

¹ Комаров А. Н., Исаева Е. В. Канадоведение для студентов-регионоведов: учебное пособие. М.: РГГУ, 2024. 234 с.

² Statute of Westminster, 1931: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legislation.gov.uk> (дата обращения: 10.06.2025).

принятии важнейших внешнеполитических решений. Таким образом, Квебек стал оказывать воздействие на внешнеполитический курс Канады. Вспомним хотя бы бунты в Квебеке в годы Первой мировой войны по вопросу о конскрипции (о принудительной военной службе).

Следует отметить, что начиная со второй половины XIX в. всё более отчётливо демонстрируя свою национальную специфику, квебекское общество всё чаще начинает высказывать свою собственную точку зрения на события, происходящие в стране, равно как и на внешнюю политику своего государства. Зачастую эта точка зрения была полярной по отношению к англо-канадскому истеблишменту. Франко-канадское общество начало поиск своей собственной национальной идентичности. Это проявлялось не только в ряде выступлений франко-канадцев внутри страны, например, в их участии в восстании под предводительством Л. Риэля в 1885 г., но и в развитии и совершенствовании собственной уникальной литературы, культуры, театра, музыки и живописи. Эта тенденция сохранилась и в современную эпоху. Примечательно, что современная канадская писательница, автор детективного жанра Л. Пеннис с любовью описывает национальные традиции Квебека [9].

В период Первой мировой войны начинается постепенный отход от основных принципов имперской идеологии, принятых в 1867 г. Ярким примером являются массовые общественные выступления франко-канадцев против Закона о военной службе Р. Бордена 1917 г. Несмотря на то, что большая часть англоязычной Канады поддерживала господствующую в стране идеологию поддержки Британской империи на внешнеполитической арене, консервативное правительство Р. Бордена вынуждено было учитывать мнение значительной части франко-канадского электората. Всё это означало ничто иное как постепенный плавный переход к первому внешнеполитическому

тренду, основополагающим принципом которого является учёт национальной специфики – франко-канадского фактора в конструировании политики Канады на международной арене.

Нельзя не отметить огромную заслугу Р. Бордена в том, что уловив меняющиеся настроения в канадском обществе, он сумел добиться того, что Канада постепенно начала выступать в качестве самостоятельного субъекта международных отношений. Более того, новым элементом внешней политики при консерваторах Р. Бордена стала возможность для каждого британского доминиона самостоятельного подписать Версальский мирный договор 1919 г. Благодаря усилиям Р. Бордена, были достигнуты существенные договорённости о том, что британские доминионы, с одной стороны, могут присутствовать на Версальской мирной конференции как участники делегации всей Британской империи, а с другой – как отдельные суверенные участники.

Будущий внешнеполитический суверенитет Канады укрепил также и Чанакский кризис 1922 г. В сентябре 1922 г. Канада не предоставила немедленный ответ на телеграмму У. Черчилля, в которой последний спрашивал премьер-министра Канады о возможности отправки военного контингента к Чанаку для возможного противостояния с турецкой армией. Премьер-министр Канады У. Л. Маккензи Кинг сослался на необходимость созыва канадского парламента для обсуждения вопроса об отправке военного контингента к Чанаку. Помимо этого, У. Л. Маккензи Кинг, подобно Р. Бордену, был в курсе общественных настроений в канадском обществе и имел чёткое представление о позиции франко-канадцев, выступавших против отправки военного контингента к Чанаку. Не имея возможности достичь национального единства по вопросу военных, У. Л. Маккензи Кинг предпочёл временно уклониться от чёткого решения по данной проблеме, делегировав всю ответственность на

канадский парламент. Время доказало справедливость действий У. Л. Маккензи Кинга, поскольку, с одной стороны, уже 25 сентября 1922 г. Чанакский кризис был разрешён дипломатическим путём, а с другой стороны, премьер-министр Канады не собирался способствовать национальному расколу своего государства по вопросу отправки военного контингента. Наоборот, понимая значимость франко-канадского фактора, он собирался цементировать национальное единство Канады, а не принимать непопулярных внешнеполитических решений. Стоит отметить также и то, что, как и Р. Борден, У. Л. Маккензи Кинг стремился довести до британского истеблишмента мнение о том, что Канада является самостоятельным государством, принимающим взвешенные внешнеполитические решения, а не просто непродуманные действия, результатом которых может являться вну-триполитический кризис

Внешнеполитические тренды Канады

Политика Р. Бордена и Чанакский кризис 1922 г. способствовали формированию первого внешнеполитического тренда Канады, основным принципом которого являлся учёт собственного национального самосознания, с чем была связана возрастающая роль Канады на международной арене.

Данный тренд продолжался с 1931 г. и до завершения Второй мировой войны. Участвовавшая во Второй мировой войне на стороне антигитлеровской коалиции и победившая вместе с союзниками нацизм, Канада стала претендовать на собственную чёткую внешнеполитическую линию. Победа над нацизмом способствовала повышению роли Канады на международной арене после завершения Второй мировой войны.

Немаловажную роль для укрепления внешнеполитической позиции Канады в этот период сыграл Вестминстерский статут 1931 г., который предоставил бри-

танским доминионам право самостоятельной внешней политики.

Можно сделать вывод о том, что именно этот тренд был знаковым для внешнеполитической деятельности, как консерваторов, так и либералов. Именно он привёл к росту национального самосознания Канады как отдельного государства на международной арене.

Второй внешнеполитический тренд Канады, начавшийся после Второй мировой войны и продолжающийся до 1982 г., был связан со значительными событиями, вызванными изменением международной ситуации после 1945 г. Впервые Канада столкнулась лицом к лицу с необходимостью поиска новых внешнеполитических ориентиров.

Как консерваторы, так и либералы в Канаде сходились во мнении, что после Второй мировой войны Канада должна проводить свою самостоятельную внешнюю политику. Безусловно, между ними существовали определённые разногласия, однако в целом можно выделить несколько направлений внешнеполитической стратегии Канады, характерной для второго внешнеполитического тренда с 1945 по 1982 г.

Во-первых, Канадой были установлены тесные внешнеэкономические и культурные связи в рамках Содружества наций, как с самой Великобританией, так и с её другими бывшими доминионами, колониями, протекторатами, входящими в это объединение. Помимо этого, Канада укрепляла связи и с государствами, которые никогда не имели исторических корней с Великобританией, но тем не менее вступили в Содружество наций за последние десятилетия. Находясь в этом объединении с 1931 г., Канада подчёркивала приверженность англосаксонским связям с Великобританией, Австралией, Новой Зеландией, с которыми её связывало общее историческое прошлое. Эта внешнеполитическая линия после 1945 г. активно поддерживалась как консерваторами, так и либералами в Канаде. Сво-

его рода она являлась идеологической подпиткой существования Канады как самостоятельного государства. Примечательным является и тот факт, что Канада сумела выстроить союзнические отношения со своей бывшей метрополией, с которыми её связывало непростое прошлое.

Во-вторых, начиная с 1949 г. Канада формировала свои геополитические приоритеты в рамках альянса НАТО, опираясь на военно-политические связи с США, Великобританией и другими партнёрами. Это соглашение постоянно дополнялось и другими договорённостями подобного рода, например, соглашением о создании НОРАД в 1958 г., заключённым между президентом США Д. Эйзенхауэром и премьер-министром Канады Д. Дифенбейкером.

В-третьих, события второй половины XX в. поставили перед Канадой важную проблему, связанную с её современной ролью в международных отношениях. В этот период среди канадского истеблишмента развернулись активные дискуссии о глубине и характере канадско-американских отношений, их влиянии в целом на внешнеполитическую линию Канады. Если Д. Дифенбейкер, в силу личной неприязни к Д. Кеннеди, выступал в целом за уменьшение американского влияния и, в частности, противодействовал размещению американского ядерного оружия на территории Канады, то точка зрения Л. Пирсона была иной. Последний всячески содействовал военным планам США и способствовал дискредитации образа Д. Дифенбейкера на парламентских выборах 1962 и 1963 г. [10]. Внешнеполитическая стратегия П. Трюдо не была направлена против США, а, исходя из позиционирования Канады на международной арене как самостоятельного государства после принятия Конституционного Акта 1982 г.¹ В связи с принятием этого документа, Канада обрела полный

суверенитет. Именно принятием Конституционного Акта 1982 г. объяснялись многочисленные действия П. Трюдо по укреплению сотрудничества со странами Латинской Америки, СССР, европейскими государствами и другими регионами мира.

В-четвёртых, принятие Конституционного Акта 1982 г. способствовало формированию внешней политики Канады как самостоятельного государства.

Третий внешнеполитический тренд Канады охватывает период с 1982 г. по настоящий момент времени. Важно отметить, что завершившаяся холодная война в 1991 г., безусловно, отразилась на внешнеполитическом тренде Канаде, на её новых интересах в обновлённом мире. И здесь необходимо отметить несколько принципиальных моментов.

Первый из них связан с тем, что уже в последние годы холодной войны канадское руководство предприняло ряд мер по нормализации отношений с СССР. Премьер-министр Канады Б. Малруни осознавал, что в случае потенциального военного конфликта между двумя сверхдержавами Канаде не избежать ответного ядерного удара со стороны СССР. Поэтому Б. Малруни начал переговоры с М. С. Горбачёвым и в 1989 г. совершил визит в СССР, подписав ряд важнейших соглашений о сотрудничестве. Можно согласиться с мнением канадского учёного Д. Мютимера, который отмечал, что перестройка в СССР создала возможности для канадско-советских переговоров о новых международных отношениях постбиполярной эпохи в целом и непосредственном торговом сотрудничестве в частности [11]. Кроме того, по рекомендации Б. Малруни, как отмечает канадский историк Ф. О. Хампсон, Российская Федерация во главе с Б. Н. Ельциным начинает принимать участие в заседаниях G7 [12]. В частности, на саммите G7 летом 1993 г. Б. Н. Ельцин встречается с премьер-министром Канады К. Кэмпбелл [13].

¹ Constitution Act, 1982: [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3RUfZY> (дата обращения: 11.06.2025).

В последующем канадско-российские отношения выстраивались с точки зрения перспектив сотрудничества в разных областях, особенно в Арктическом регионе [14]. Однако с приходом к власти С. Харпера (2006–2015 гг.) и введения антироссийских санкций канадский истеблишмент перешёл на конфронтационную внешнеполитическую линию по отношению к РФ.

Второй момент связан с тем, что завершение холодной войны и распад bipolarной системы способствовал переосмыслению канадским истеблишментом роли Канады в современных международных отношениях. В частности, после завершения холодной войны в Канаде принимается на вооружение концепция «гуманитарной интервенции», которая, по сути, представляла собой участие в военных операциях в рамках альянса НАТО в различных регионах земного шара. В частности, Канада принимает участие в бомбардировках Югославии в марте-июне 1999 г., в т. н. операции «Союзная сила»; в операции «Несокрушимая свобода» в Афганистане, в операции «Мобайл» в Ливии и т. д. Однако её участие в военных операциях в данных регионах, впрочем как и её партнёров по альянсу НАТО, не принесло стабильности, а привело к человеческим потерям, разрушениям, дестабилизации ситуации в целом.

Третий момент в том, что при правительствах Б. Малруни, С. Харпера, Дж. Трюдо был окончательно сформирован уклон в сторону расширения и углубления канадско-американских отношений, что было связано с оформлением крупнейших интеграционных экономических соглашений между этими государствами, и, прежде всего, ФТА, НАФТА и ЮСМКА, что было неоднократно проанализировано в отечественной научной литературе [15].

Четвёртый момент, связанный с внешнеполитической деятельностью Канады, отразил углубление торгово-экономических связей Канады со странами Латин-

ской Америки. В период нахождения у власти П. Трюдо и Б. Малруни был создан прочный фундамент для установления торгово-экономических и геополитических связей Канады со странами Латинской Америки. Благодаря своевременным визитам П. Трюдо на Кубу, Венесуэлу и Мексику в 1976 г., а также вступлению Канады в Организацию американских государств в 1990 г., внешнеэкономические связи Канады и стран Латинской Америки постоянно укреплялись.

Примечательным является и тот факт, что политика канадских либералов и консерваторов применительно к странам Латинской Америки была идентичной. Она была направлена на постоянное улучшение связей с латиноамериканским регионом. В частности, политика либерального правительства Ж. Кретьена по отношению к государствам Латинской Америки выражала полную преемственность с предшествующими действиями П. Трюдо в этой сфере.

Находясь у власти, Ж. Кретьен принял ряд шагов, которые явственно свидетельствовали о его позитивном отношении к торговым связям с латиноамериканским регионом. Во-первых, либералы во главе с Ж. Кретьеном не отозвали свою подпись под соглашением НАФТА, тем самым демонстрируя важность присутствия Канады в субрегиональном соглашении. Этот шаг объяснялся их полным пониманием всей экономической важности НАФТА для Канады. Тем самым канадские либералы предали забвению свою прежнюю точку зрения, неоднократно высказывавшуюся их лидером Д. Тернером. Последний в ходе избирательной кампании и предвыборных дебатов 1988 г. неоднократно высказывался против соглашения о свободной торговле между Канадой и США-соглашения ФТА, которое предвзяло НАФТА.

В свою очередь, и сам Ж. Кретьен в течение избирательной кампании 1993 г. указывал, что он отменит НАФТА в случае его экономической нецелесообразно-

сти. Во-вторых, убедившись в выгоде НАФТА, правительство либералов во главе с Ж. Кретьеном, с одной стороны, стало поддерживать соглашение, а с другой – расширило торгово-экономические связи со странами Латинской Америки путём подписания в 1996 г. соглашения о свободной торговле с Чили¹. Продолжая эту линию, в конце премьерства Ж. Кретьена в 2001 г. было оформлено соглашение о свободной торговле с Коста-Рикой². В этот период большой интерес был к концепции свободной торговли, которая бы объединяла одновременно страны Южной, Центральной и Северной Америки. В силу ряда причин и, прежде всего, сложных экономических разногласий между странами ей не суждено было сбыться.

Таким образом, в период нахождения у власти Ж. Кретьена и П. Мартина в 1993–2006 гг. канадско-латиноамериканские отношения выстраивались по 3 основным направлениям:

1. на примере НАФТА, Канада участвовала в субрегиональном североамериканском соглашении о свободной торговле. Именно в этот период была заложена традиция для дальнейшего участия Канады в субрегиональных соглашениях, среди которых можно в дальнейшем назвать ЮСМКА (с 2018 г.) и ТТП (Транстихоокеанское партнёрство, с 2016 г.). В последнем соглашении, помимо прочих участников, Канада самым активным образом взаимодействует с латиноамериканскими странами – Мексикой, Перу и Чили;

2. в период нахождения у власти либералов была начата тенденция заключения Канадой двусторонних договоров о сво-

бодной торговле с латиноамериканскими государствами, среди которых, можно назвать Чили и Коста-Рику;

3. Канада участвовала в попытках заключения всеамериканского соглашения о свободной торговле. Несмотря на последовавшую неудачу, Канада, как было отмечено ранее, не отказалась от идеи участия в масштабных субрегиональных соглашениях.

Консерваторы во главе с С. Харпером в своей латиноамериканской политике соблюдали преемственность с действиями в этой области, как, с одной стороны, правительством Б. Малруни, а с другой, выработанной стратегией либералов. Понимая экономическую и геополитическую важность латиноамериканского региона, либералы и консерваторы стремились к максимальному расширению сотрудничества с латиноамериканскими государствами. Поэтому политика правительства С. Харпера заключалась, с одной стороны, в обновлении и расширении прежних договоров о свободной торговле с латиноамериканскими государствами, а с другой – в заключении новых взаимовыгодных экономических договорённостей со странами Латинской Америки.

Канада чётко придерживалась 2 вышеупомянутых линий. В 2012 г. Канада и Чили дополнили заключённое ранее, ещё в 1996 г., соглашение о свободной торговле³. В премьерство С. Харпера в 2008 г. между Канадой и Колумбией было заключено новое взаимовыгодное экономическое соглашение, устраивающее обе стороны⁴. Продолжая данную экономическую идеологию, в этом же году Канада заключила аналогичное соглашение с

¹ Canada–Chile Free Trade Agreement: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.international.gc.ca/trade-agreements-accords-commerciaux/agr-acc/chile-chili/index.aspx> (дата обращения: 06.04.2025).

² Canada – Costa Rica Free Trade Agreement: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.international.gc.ca/trade-agreements-accords-commerciaux/agr-acc/costarica/index.aspx?lang=eng> (дата обращения: 06.04.2025).

³ Canada, Chile Modernize Trade Agreement: [Электронный ресурс]. URL: https://www.tax-news.com/news/Canada_Chile_Modernize_Trade_Agreement_62239.html (дата обращения: 06.04.2025).

⁴ Canada–Colombia Free Trade Agreement: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.international.gc.ca/tradeagreements-accords-commerciaux/agr-acc/andean-andin/can-colombia-colombie.aspx?view=d> (дата обращения: 06.04.2025).

Перу¹. В 2009 г. Канада и Панама реализовали свои торговые намерения в соглашении о свободной торговле².

Помимо этого, С. Харпер посчитал необходимым заключить в 2013 г. соглашение о свободной торговле между Канадой и Гондурасом. Дж. Трюдо, в свою очередь, понимал и принимал раннюю политику Ж. Кретьена и П. Мартина в этой области. Именно в период нахождения у власти Ж. Кретьена Канада активно участвовала в соглашении НАФТА. Руководствуясь идеей вступления в субрегиональные организации для повышения экономического благосостояния государства, в 2016 г. Канада вступила в Транстихоокеанское партнёрство. В последнем немаловажную роль играли латиноамериканские государства – Мексика, Перу и Чили. В свою очередь, под давлением президента США Д. Трампа и тарифной войны Канада заключила соглашение ЮСМКА в 2018 г. [16].

Пятый момент состоял в том, что окончательно было сформировано осознание того, что франко-канадский вопрос оказывает самое прямое влияние на внешнюю политику Канады. Эта проблема была разрешена путём усиления международного сотрудничества Квебека, или, как справедливо отмечает отечественная историография, использованием парадипломатии [17].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, можно выделить 3 взаимосвязанных друг с другом внешнеполитических тренда Канады, каждый из которых был по своему значим и уникален. Первый из них брал своё начало в 1931 г. и

завершился в конце Второй мировой войны. Принятие Вестминстерского статута 1931 г. заложило основы самостоятельной внешней политики Канады. Второй внешнеполитический тренд хронологически связан с периодом с 1945 по 1982 г. и с полемикой о внешнеполитической ориентированности Канады, и, в частности, о характере и глубине канадско-американских отношений. Третий внешнеполитический тренд связан с событиями, имевшими место после 1982 г. В частности, принятие Конституционного Акта 1982 г. способствовало окончательному суверенитету Канады во внешней политике. Для этого тренда характерно укрепление торгово-экономических связей Канады со странами Латинской Америки, продолжение североамериканской интеграции, осознание роли Квебека в формировании внешней политики Канады.

Взаимный учёт этих факторов обеспечил самостоятельность внешней политики Канады на международной арене. Однако необходимо упомянуть один аспект, который не является трендом внешней политики, но значительно ухудшил имидж Канады на международной арене: это бездумное следование глубоко ошибочным действиям стран НАТО во внешней политике. С 2014 г. Канада встала на путь антироссийских санкций. Для России и её граждан эти санкции стали незаконным инструментом внешней политики США, ЕС, стран НАТО и всех их поддерживающих.

Необходимо отметить, что Канада в своей внешней политике связана «натовскими обязательствами» солидарности, поэтому она не может отойти от текущего внешнеполитического курса. Кроме того, не надо забывать, что в этой стране существует громадная и влиятельная украинская диаспора, позицию которой властям невозможно не учитывать.

В то же время закономерным является вопрос об изменении или сохранении последнего существующего тренда во

¹ Canada–Peru Free Trade Agreement: [Электронный ресурс]. URL: <https://http://www.international.gc.ca/trade-agreements-accords-commerciaux/agr-acc/peru-perou/add-info-sup.aspx?lang=eng> (дата обращения: 08.04.2025).

² Canada–Panama Free Trade Agreement: [Электронный ресурс]. URL: https://www.international.gc.ca/trade-agreements-accords-commerciaux/agr-acc/panama/index.aspx?menu_id=15&menu=L (дата обращения: 08.04.2025).

внешней политике Канады. Возможно ли изменение в лучшую сторону, например, внешнеполитического курса Канады по отношению к России? Это изменение

возможно только в том случае, если завершится конфронтационный курс США и других стран НАТО по отношению к Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Молочков С. Ф. Внешняя политика Канады в 70-е годы: судьба «третьей альтернативы» // США: экономика, политика, идеология. 1979. № 3. С. 7–19.
2. Комаров А. Н. Канадско-американские отношения в 1950–1990-е годы: особенности и специфика // Россия и Америка в XXI веке. 2025. № 1. DOI: 10.18254/S207054760033920-9
3. Кузьмина Т. Р. Транснациональный характер канадской иммиграции // Россия и Америка в XXI веке (электронный научный журнал). 2024. № 8. DOI: 10.18254/S207054760032143-4
4. Кузьмина Т. Р. Латиноамериканская диаспора в Канаде на современном этапе // Россия и Америка в XXI веке. 2023. № 6. DOI: 10.18254/S207054760029540-1
5. История Канады / под ред. К. Брауна. М.: Весь мир, 2021. 656 с.
6. McKenna P. *Canada Looks South: in Search of an Americas Policy*. Toronto: University of Toronto Press, 2012. 391 p.
7. Rochlin J. *Discovering the Americas: the Evolution of Canadian Foreign Policy towards Latin America*. Vancouver: UBC Press, 1994. 300 p.
8. Saywell J. *Canada: Pathways to the Present*. Toronto: Stoddart Publishing Co. Limited, 1996. 171 p.
9. Исаева Е. В. Репрезентация истории Квебека в детективных романах Луизы Пенни // Россия и Америка в XXI веке. 2025. № 1. DOI: 10.18254/S207054760033924-3
10. Комаров А. Н. Канадско-американские отношения в 1957–1963 гг.: этапы и история развития // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2023. № 2. С. 70–82. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-2-70-82
11. Mutimer D. *External Affairs and National Defense* // Canadian Annual Review of Politics and Public Affairs 1989. Toronto; Buffalo; London, 1995. 103 p.
12. Hampson F. O. *Master of Persuasion: Brian Mulroney's Global Legacy*. Toronto, 2018. 288 p.
13. Campbell K. *Time and Chance: The Political Memoirs of Canada's First Woman Prime Minister*. Toronto, 1996. 333 p.
14. McLaughlin D. *Poisoned Chalice: The Last Campaign of the Progressive Conservative Party?* Toronto, Oxford, 1994. 117 p.
15. Комкова Е. Г. Североамериканская интеграция как ресурс для укрепления лидерства. США // США и Канада: Экономика. Политика. Культура. 2023. № 8. С. 59–68. DOI: 10.31857/S2686673023080060
16. Комаров А. Н. Канада в геополитических реалиях XXI в.: некоторые поворотные моменты внешнеэкономического курса // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2019. № 1. С. 88–95. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-1-88-95
17. Акимов Ю. Г. От «Кленовой весны» к «третьему пути»: внутриполитическое развитие Квебека в 2010-е годы // США и Канада: Экономика. Политика. Культура. 2021. № 10. С. 78–90. DOI: 10.31857/S268667300016899-8

REFERENCES

1. Molochkov, S. F. (1979). Foreign policy of Canada in the 70s: the fate of the "third alternative". In: *USA: economy, politics, ideology*, 3, 7–19 (in Russ.).
2. Komarov, A. N. (2025). Canadian-American relations in the 1950–1990s: features and specifics. In: *Russia and America in the 21st century*, 1. DOI: 10.18254/S207054760033920-9 (in Russ.).
3. Kuzmina, T. R. (2024). The transnational nature of Canadian immigration. In: *Russia and America in the 21st century*, 8. DOI: 10.18254/S207054760032143-4 (in Russ.).
4. Kuzmina, T. R. (2023). Latin American diaspora in Canada at the present stage. In: *Russia and America in the 21st century*, 6. DOI: 10.18254/S207054760029540-1 (in Russ.).
5. Brown, C. R. (2021). *The illustrated history of Canada*. Moscow: The whole world Publ.
6. McKenna, P. (2012). *Canada Looks South: in Search of an Americas Policy*. Toronto: University of Toronto Press.

7. Rochlin, J. (1994). *Discovering the Americas: the Evolution of Canadian Foreign Policy towards Latin America*. Vancouver: UBC Press.
8. Saywell, J. (1996). *Canada: Pathways to the Present*. Toronto: Stoddart Publishing Co. Ltd
9. Isaeva, E. V. (2025). Representation of the history of Quebec in detective novels by Louise Penny. In: *Russia and America in the 21st century*, 1. DOI: 10.18254/S207054760033924-3 (in Russ.).
10. Komarov, A. N. (2023). Canadian-American relations in 1957-1963: stages and history of development. In: *Bulletin of the Russian State Humanitarian University. Series: Political Science. History. International relations*, 2, 70–82. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-2-70-82 (in Russ.).
11. Mutimer, D. (1995). *External Affairs and National Defense*. In: *Canadian Annual Review of Politics and Public Affairs 1989*. Toronto; Buffalo; London.
12. Hampson, F. O. (2018). *Master of Persuasion: Brian Mulroney's Global Legacy*. Toronto.
13. Campbell, K. (1996). *Time and Chance: The Political Memoirs of Canada's First Woman Prime Minister*. Toronto.
14. McLaughlin, D. (1994). *Poisoned Chalice: The Last Campaign of the Progressive Conservative Party?* Toronto, Oxford.
15. Komkova, E. G. (2023). North American integration as a resource for strengthening leadership. USA. In: *USA and Canada: Economy. Politics. Culture*, 8, 59–68. DOI: 10.31857/S2686673023080060 (in Russ.).
16. Komarov, A. N. (2019). Canada in the geopolitical realities of the 21st century: some turning points of the foreign economic course. In: *Bulletin of the Russian State Humanitarian University. Series: Political Science. History. International relations*, 1, 88–95. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-1-88-95 (in Russ.).
17. Akimov, Yu. G. (2021). From Maple Spring to the Third Way: Quebec's domestic political development in the 2010s. In: *USA and Canada: Economy. Politics. Culture*, 10, 78–90. DOI: 10.31857/S268667300016899-8 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Комаров Андрей Николаевич (г. Москва) – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории Российского государственного гуманитарного университета;
e-mail: ruslan10@inbox.ru; ORCID: 0009-0008-6083-2964

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrey N. Komarov (Moscow) – Dr. Sci. (History), Prof., Department of General History, Russian State University for the Humanities,
e-mail: ruslan10@inbox.ru; ORCID: 0009-0008-6083-2964

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Научная статья

УДК

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-6-95-101

ВОПРОС ОБ ИСТИННОМ ПРЕДНАЗНАЧЕНИИ КАЗАЧЕСТВА МАЛОРОССИИ В КНИГЕ М. О. КОЯЛОВИЧА «ЧТЕНИЯ ПО ИСТОРИИ ЗАПАДНОЙ РОССИИ»

Володихин Д. М.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

г. Москва, Российская Федерация

Московский государственный университет технологий и управления

имени К. Г. Разумовского (Первый казачий университет)

г. Москва, Российская Федерация

e-mail: volodih@mail.ru

Поступила в редакцию 08.10.2025

После доработки 28.10.2025

Принята к публикации 07.11.2025

Аннотация

Цель. Приложить методы цивилизационного подхода к концепции социально-политической борьбы малороссийского казачества, изложенной М. О. Кояловичем в его фундаментальном научно-учебном труде «Чтения по истории Западной России».

Процедура и методы. Проводится анализ сущности так называемых «партий» казачества, появившихся в XVII столетии, как их историческая роль и программа политической борьбы поданы М. О. Кояловичем. К систематизированному материалу прилагается цивилизационный подход.

Результаты. Сделан вывод, что наличие и борьба казачьих партий в середине XVII – начале XVIII столетия на территории Малороссии отражают гораздо более глобальное историческое явление – наличие сложного цивилизационного разлома в указанный период на малороссийских землях.

Теоретическая и/или практическая значимость. Проведён анализ фундаментального классического исторического труда, актуализированного в настоящее время событиями политической реальности.

Ключевые слова: Коялович М. О., история казачества, историография, цивилизационный подход к истории, цивилизационный разлом, Малороссия, история России, царь Алексей Михайлович, политическая борьба, русский народ

© СС ВУ Володихин Д. М., 2025.

Для цитирования:

Володихин Д. М. Вопрос об истинном предназначении казачества Малороссии в книге М. О. Кояловича «Чтения по истории Западной России» // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 5. С. 95–101.
DOI: 10.18384/2949-5164-2025-6-95-101

Original research article

THE QUESTION OF THE TRUE PURPOSE OF THE COSSACKS OF LITTLE RUSSIA IN THE BOOK OF M. O. KOYALOVICH "READINGS ON THE HISTORY OF WESTERN RUSSIA"

D. Volodikhin

Lomonosov Moscow State University

Moscow, Russian Federation

Moscow State University of Technology and Management named after K. G. Razumovsky

(First Cossack University)

Moscow, Russian Federation

e-mail: volodih@mail.ru

Received 08.10.2025

Revised 28.10.2025

Accepted 07.11.2025

Abstract

Aim. To apply the methods of the civilizational approach to the concept of the socio-political struggle of the Little Russian Cossacks, outlined by M. O. Koyalovich in his fundamental scientific and educational work "Readings on the History of Western Russia".

Methodology. A preliminary analysis is carried out of the essence of the so-called "parties" of the Cossacks, which appeared in the 17th century, as their historical role and the program of political struggle were presented by M. O. Koyalovich. Then a civilizational approach is applied to the systematized material.

Results. It is concluded that the presence and struggle of Cossack parties in the middle of the 17th and early 18th centuries on the territory of Little Russia reflect a much more global historical phenomenon, namely, the presence of a complex civilizational rift in the Little Russian lands during this period.

Research implications. The article analyzes the fundamental classical historical work, which is currently actualized by the events of political reality.

Keywords: M. O. Koyalovich, history of the Cossacks, historiography, civilizational approach to history, civilizational rift, Little Russia (Malorossia), history of Russia, Tsar Alexei Mikhailovich, political struggle, Russian people.

For citation:

Volodikhin, D. M. (2025). The question of the true purpose of the Cossacks of Little Russia in the book of M. O. Koyalovich "Readings on the history of Western Russia". In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 5, 95–101.
DOI: 10.18384/2949-5164-2025-6-95-101

Введение

Русский историк XIX столетия Михаил Осипович Коялович оставил целый ряд крупных работ, к которым специалисты обращаются до сих пор. Но прежде всего он широко известен своими трудами по истории «Западной России», в которую он включал территории нынешних Белоруссии, Украины, Литвы [1; 2; 3; 4].

В конце XX – начале XXI столетия в научной среде оказались актуализированы его труды, связанные с последовательно охранительным русским и православным взглядом на исторические процессы. В связи с этим о Михаиле Осиповиче много писали как о крупном историке-консерваторе [5; 6; 7; 8; 9].

В работах М. О. Кояловича по западно-русской истории последовательно отстаивается мнение о цивилизационном единстве великороссов, малороссов и белорусов. Современный историк В. А. Теплова так определила суть этого взгляда на историю Западной России: «С точки зрения Кояловича, белорусы, малороссы и великороссы – один народ – славяне, создавшие своё первое государственное объединение под названием Русь. Несмотря на длительный период политического обособления, этот народ сохранил и выработал великую культуру, высшим достижением которой явился литературный русский язык. Коялович полагал, что все эти 3 ветви русского народа генетически, материально и духовно связаны между собою и составляют в совокупности единую русскую цивилизацию». Михаил Осипович, таким образом, поставлен в фокус цивилизационного подхода к истории. Притом учёный не сосредотачивался на единообразии культур этой цивилизации, скорее, он говорил о духовном единстве при наличии заметных региональных различий¹.

Период литовского владычества длился недолго, но внёс религиозное раздвоение в жизнь русского народа, замутнив и осложнив её тем самым. Историкун принадлежит чеканная формулировка: «Непрочность самостоятельности Литвы объясняется двойственностью её начал – латинством и православием».

Наиболее известным трудом Михаила Осиповича, где выражена эта позиция, являются «Чтения по истории Западной России». Книга была издана в Петербурге в 1864 г. по итогам курса лекций, прочитанных М. О. Кояловичем ряду лиц высшего общественного круга, которые в условиях подавления польского сепаратистского мятежа пожелали ознакомиться с теми историческими условиями, которые его породили. Только при жизни историка книга переиздавалась 4 раза. Позднее, в советское время, она не подходила новым властям по идеологическим причинам, как, впрочем, и большая часть научного наследия М. О. Кояловича. Но относительно недавно, в XXI в., «Чтения по истории Западной России» поучили мощную актуализацию.

Политический конфликт России и киевского режима вновь сосредоточил внимание огромного количества людей, как специалистов-историков, так и широкой публики, на трудах, которые дают классическую, фундаментальную концепцию, объясняющую исторические корни современных проблем. Книга неоднократно переиздавалась как в Белоруссии, так и в России. И в «Чтениях по истории Западной России», и в публицистических статьях Михаил Осипович проявлял себя сторонником самых тесных связей между общерусским центром и западными окраинами страны. Он считал необходимым поддерживать в этой «конфликтной зоне» всё русское и православное.

¹ Теплова В. А. М. О. Коялович и православная историческая школа Белоруссии [Электронный ресурс]. URL: <https://sobor.by/kojal.htm> (дата обращения: 01.10.2025).

Цивилизационный подход применительно к концепции казачества

Как уже было показано выше, современная наука пришла в обосновании применения цивилизационного подхода к трудам М. О. Кояловича. Сам он этого сделать не мог, поскольку труды русских теоретиков цивилизационного подхода, в первую очередь Н. Я. Данилевского и К. Н. Леонтьева, вышли позже его «Чтений» – в 1870-х гг. [10; 11].

В настоящей статье решается задача применения методов цивилизационного подхода к той концепции казачества Малороссии в XVII столетии, которую М. О. Коялович изложил на страницах «Чтений по истории Западной России».

Итак, отталкиваясь от его стремления видеть в цивилизационном единстве региональные различия, стоит обратить внимания на то, что середина – вторая половина XVII столетия, по Кояловичу, были временем даже не столько борьбы различий вокруг цивилизационной нормы, сколько становлением самой нормы.

С этой точки зрения, фактически оспаривалась принадлежность земель Малороссии к цивилизации, которая в своей основе была *русской*, а конфессионально – *православной*. Казачество явилось наиболее активным элементом общества того времени, и через его устремления названная борьба видна лучше всего.

Казачество Малороссии, его исторические задачи и «партии»

Михаил Осипович видел историческую задачу, можно сказать, историческое призвание казачества, в борьбе с «азиатским элементом», т. е. пребывание в постоянной боевой готовности на границах цивилизационной территории Креста. Однако жестокая политическая борьба, а затем и долгая война, в которой определялась государственная принадлежность Малороссии (1654–1667 гг.), привели отчасти к деморализации каза-

чества, а затем и к частичному искажению его изначальных интересов и задач. Сформировались своего рода казачьи «партии».

Так, например, собственно-русская партия была представлена, в первую очередь, гетманами Петром Сагайдачным и Богданом Хмельницким. При неоднозначном, колеблющемся отношении к России они всё же значительную часть времени своего гетманства занимали прорусскую и пророссийскую позицию, безусловно православную.

Вторая партия – польская или просто «польская» (так у самого М. О. Кояловича) – выведена Михаилом Осиповичем как результат своего рода «мировоззренческого отравления» казачества Малороссии. «Выступила на сцену партия, проникнутая шляхетскими принципами польской жизни. Начало ей положено было в казачестве в очень давнее время... В казачество поступали и польские шляхтичи, не уживавшиеся почему-либо в польском государстве. Польское управление, так часто тяготевшее над казаками, самозванческие и польские смуты увеличивали число поляков между казаками и помогали последним приобретать значение... Двигателем шляхетско-польской теории в казачестве был Выговский, генеральный писарь при Хмельницком, а после его смерти сперва попечитель нового гетмана, молодого сына Хмельницкого – Юрия, а потом происками добившийся сам гетманства. Выговский занял самое двуличное положение. Он постоянно уверял московское правительство в своей верности и в то же время сносился с польским правительством. Такое положение он занял, впрочем, по необходимости. Простой народ и низшее казачество преданы были Москве, и опасно было сразу затронуть их народные симпатии к России. Польские симпатии жили в высшем казачестве и отчасти в малороссийском мещанстве. Очевидно, что план Выговского «оторваться от России и отдать ся Польше» находил больше ручательств

в успехе на западной стороне Днепра, более ополяченной и ошляхетченной, чем на восточной, которая заселялась самыми горячими и чистонародными ревнителями малороссийских интересов» [4, с. 177–179].

Однако обращение Выговского к планам разделения Малороссии на 2 части, одна из которых отдрейфует в сторону Речи Посполитой, по мнению М. О. Кояловича, совершенно обоснованному, должно было встретить на Левобережье Днепра восстание против него. А это восстание могло уничтожить и тот частичный успех, которого Выговский мог добиться на Правобережье Днепра. Одна мысль об обратном движении к католической панской Польше способна была остудить пыл самых горячих поборников союза с ней и тем более подчинений ей. Поэтому Выговский первое время действовал тайно и лишь затем развязал открытую войну.

Третья партия – «турецкая» или «турецко-татарская». Она стремилась к мягким условиям подданства у турецкого султана, что означало автономию Малороссии при общем главенстве султана. Сама эта партия родилась в условиях тяжёлой, непримиримой войны, когда умы части казачества на время оказались подвержены полному отрицанию любых вариантов подчинения Речи Посполитой или России.

Как пишет М. О. Коялович, «представителем турецко-татарской партии был войсковой есаул Пётр Дорошенко. Дорошенко воспользовался раздражением татар и турок против Польши за Андрусовский мир с Россией и поднял их против Польши, обещая Турции подданство Малороссии. Дорошенко, по-видимому, достиг успешно своей цели. На словах турки давали Малороссии полную независимость. Но не так было на деле. Утверждаясь в Малороссии, они нарушали самые священные её права: превращали церкви в мечети, попирали ногами православную святыню, забирали народ це-

лыми сотнями и тысячами и обращали в магометанство. Народ приходил в отчаяние и проклинал Дорошенко.

Малороссия теперь имела полную возможность оценить идею малороссийской независимости и то, под чьей властью ей лучше быть. Народные симпатии к России ожили с новой силой. Опять, как во время неудач Хмельницкого, народ Украины устремился на восточную сторону Днепра, в пределы Московского государства. С 1674 по 1678 гг. западная часть Малороссии страшно от этого обезлюдела. Сам Дорошенко увидел необходимость идти по этому направлению и умолять русское правительство даровать ему прощение и принять под свою власть несчастную часть Малороссии, попавшую под турецкое иго» [4, с. 183–184].

Стоит повторить и подчеркнуть этот момент: поражение «турецкой» партии связано было с попытками насильственного введения ислама и презрительным отношением к православным святыням.

В итоге победила «русская», точнее, пророссийская православная партия. Причина её победы заключалась в «низовом факторе». Его можно также назвать фактором цивилизационного выбора. Казачество массово тянулось к России и выбирало её как более родную в этническом, культурном и конфессиональном плане.

М. О. Коялович с полным на то основанием замечает: «Над всеми этими партиями и их делами возносился единый, русский православный дух малороссийского народа, равно стремившийся как к тому, чтобы Малороссия была едина, так и к тому, чтобы в этом единстве она осталась русской и православной. Этот русский православный дух малороссийского племени обладал... строительной исторической силой и обнаружил её в таких поразительных явлениях, над которыми глубоко может задуматься всякий мыслитель и принести дань глубокого уважения историческим способностям русского народа к доблести» [4, с. 185].

Заключение

С точки зрения цивилизационного подхода, это означает существование на землях Малороссии XVII в. «цивилизационного разлома» (термин, введенный в теорию цивилизационного подхода С. П. Хантингтоном [12]). Иначе говоря, существование границ разных цивилизаций, притом границ, пребывающих в динамике, не успевших застыть.

Можно резюмировать: территория Малороссии в XVII столетии оспаривалась 3 цивилизациями, которые влияли на настроения казачества, выстраивая потенциал перехода земель Малороссии под строго определённый цивилизационный контроль:

1. *Православная цивилизация*, представленная государством Россия;
2. *Католическая цивилизация*, представленная государством Речь Посполитая;
3. *Исламская цивилизация*, представленная 2 государствами: султанской Турцией и Крымским ханством.

Борьба между ними и вылилась в создание казачьих «партий».

В конечном итоге, пространство Малороссии было поделено между первой и второй цивилизациями с безусловным перевесом первой, поскольку в границах Речи Посполитой сохранялся большой казачий анклав, хранивший верность православию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. СПб.: Тип. Суворина, 1884. 604 с.
2. Коялович М. О. Литовская церковная уния. Т. 1–2. СПб.: тип. Н. Тихменева, 1859–1861.
3. Коялович М. О. Три подъёма русского народного духа для спасения нашей государственности во время самозванческих смут: Речь, произнесённая в собрании С.-Петербургской Духовной Академии 17 февр. 1880 г. Михаилом Кояловичем. СПб., 1880. 74 с.
4. Коялович М. О. Чтения по истории Западной России. М.: Воздушный транспорт, 2012. 350 с.
5. Володихин Д. М. Профессор и рыцарь. Историк Западной России М. О. Коялович // Коялович М. О. Чтения по истории Западной России. М.: Воздушный транспорт, 2012. С. 3–12.
6. Смолин М. Б. Очерки имперского пути: Неизвестные русские консерваторы второй половины XIX – первой половины XX в. М.: Журнал «Москва», 2000. 301 с.
7. Теплова В. А. М. О. Коялович и православная историческая школа Белоруссии [Электронный ресурс]. URL: <https://clclib.by/cpI> (дата обращения: 25.11.2025).
8. Черепица В. Н. Михаил Осипович Коялович: история жизни и творчества. Гродно: ГрГУ, 1998. 327 с.
9. Чернобаев А. А. Коялович Михаил Осипович // Историки России. Биографии. М.: РОССПЭН, 2001. С. 223–228.
10. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М.: Институт русской цивилизации, 2008. 816 с.
11. Леонтьев К. Н. Византизм и славянство. М.: Императорское Общество истории и древностей российских при Московском университете, 1876. 132 с.
12. Хантингтон С. П. Столкновение цивилизаций [и преобразование мирового порядка]. М.: АСТ, 2003. 602 с.

REFERENCES

1. Koyalovich, M. O. (1884). *The history of Russian identity from historical monuments and scientific works*. St. Petersburg: Suvorina Publ. (in Russ.).
2. Koyalovich, M. O. (1859–1861). *Lithuanian church union*. T. 1-2. St. Petersburg: N. Tikhmeneva Publ. (in Russ.).
3. Koyalovich, M. O. (1880). *Three uplifts of the Russian popular spirit to save our statehood during self-styled unrest: Speech delivered at the meeting of the St. Petersburg Theological Academy on February 17. 1880 by Mikhail Koyalovich*. St. Petersburg (in Russ.).

4. Koyalovich, M. O. (2012). *Readings on the history of Western Russia*. Moscow: Air transport Publ. (in Russ.).
5. Volodikhin, D. M. (2012). Professor and knight. Historian of Western Russia M.O. Koyalovich. In: Koyalovich M.O. *Readings on the history of Western Russia*. Moscow: Air transport Publ., 3–12 (in Russ.).
6. Smolin, M. B. (2000). *Essays on the imperial path: Unknown Russian conservatives of the second half of the 19th – first half of the 20th centuries*. Moscow: Magazine "Moscow" (in Russ.).
7. Teplova, V. A. M. O. *Koyalovich and the Orthodox historical school of Belarus*. Available at: <https://clclib.byCpI> (accessed: 25.11.2025) (in Russ.).
8. Tile, V. N. (1998). *Mikhail Osipovich Koyalovich: the history of life and creativity*. Grodno: GRSU Publ. (in Russ.).
9. Chernobaev, A. A. (2001). *Koyalovich Mikhail Osipovich//Historians of Russia. Biographies*. Moscow: ROSSPEN Publ., 223–228 (in Russ.).
10. Danilevsky, N. Ya. (2008). *Russia and Europe. A look at the cultural and political relations of the Slavic world to Germanic-Romanesque*. Moscow: Institute of Russian Civilization Publ. (in Russ.).
11. Leontiev, K. N. (1876). *Byzantium and Slavism*. Moscow: Imperial Society of Russian History and Antiquities at Moscow University Publ. (in Russ.).
12. Huntington, S. P. (2003). *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. Moscow: AST Publ. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Володихин Дмитрий Михайлович (г. Москва) – доктор исторических наук, профессор кафедры источниковедения исторического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; проректор по научной работе Московского государственного университета технологий и управления имени К. Г. Разумовского (Первый казачий университет);
e-mail: volodih@mail.ru; ORCID: 0009-0008-1649-5606

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitriy M. Volodikhin (Moscow) – Dr. Sci. (History), Prof., Department of Source Studies, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University; Research Vice-Rector, K. G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (First Cossack University);
e-mail: volodih@mail.ru; ORCID: 0009-0008-1649-5606

Научная статья

УДК 930

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-6-102-108

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ СЕРГЕЯ ФЁДОРОВИЧА ПЛАТОНОВА В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Фукус А. Н., Реснянский С. И.

Государственный университет просвещения

г. Москва, Российская Федерация

** Корреспондирующий автор, e-mail: an.fuks@guppros.ru*

Поступила в редакцию 18.08.2025

После доработки 19.09.2025

Принята к публикации 04.10.2025

Аннотация

Цель. Исследование трансформации подходов к оценке творчества С. Ф. Платонова в отечественной историографии в XX – первой четверти XIX вв.

Процедура и методы. Проведён сравнительно-историографический анализ оценок роли и места творчества Сергея Фёдоровича Платонова в отечественной историографической науке со второй четверти XX в. по настоящее время. Наряду с историографическим методом в исследовании также применены элементы метода контент-анализа.

Результаты. Исследование показало, что С. Ф. Платонов внёс фундаментальный вклад в отечественную историческую науку, предложив новаторскую интерпретацию ключевых явлений русской истории, включая опричнину Ивана Грозного и Смутное время. Его подход, основанный на многофакторном анализе и строгом источниковедении, сочетал политическую, социальную и экономическую перспективы, что выделяло его среди современников. Несмотря на период забвения, в 1980–1990-е годы началось переосмысление его наследия, и сегодня его труды признаются образцом научной добросовестности и педагогического мастерства. Платонов не только сформировал петербургскую историческую школу, но и оказал влияние на методику преподавания истории, создав один из лучших учебников своего времени, актуальный и в постсоветскую эпоху.

Теоретическая и/или практическая значимость. Материалы исследования могут быть использованы специалистами в области отечественной историографии, преподавателями курса историографии при подготовке к занятиям.

Ключевые слова: историография, историческое наследие, Петербургская школа, учебник истории, С. Ф. Платонов

Для цитирования:

Фукус А. Н., Реснянский С. И. К вопросу о месте Сергея Фёдоровича Платонова в современной отечественной историографии // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 6. С. 102–108.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-6-102-108

Original research article

ON THE PLACE OF S. PLATONOV IN MODERN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

A. Fuks*, S. Resnyansky

Federal State University of Education

Moscow, Russian Federation

* Corresponding author, e-mail: an.fuks@guppros.ru

Received 18.08.2025

Revised 19.09.2025

Accepted 04.10.2025

Abstract

Aim. To study the changing approaches to evaluating S. F. Platonov's work in Russian historiography in the twentieth and first quarter of the 19th centuries.

Methodology. The research is based on the materials of a comparative historiographical analysis of assessments of the role and place of Sergei Fedorovich Platonov's work in Russian historiographical science from the second quarter of the twentieth century to the present. In addition to the historiographical method, the study also uses elements of the content analysis method.

Results. The study showed that S. F. Platonov made a fundamental contribution to Russian historical science by offering an innovative interpretation of key phenomena of Russian history, including the Oprichnina of Ivan the Terrible and the Time of Troubles. His approach, based on multifactorial analysis and rigorous source studies, combined political, social and economic perspectives, which set him apart from his contemporaries. Despite the period of oblivion, in the 1980s and 1990s, a rethinking of his legacy began, and today his works are recognized as an example of scientific integrity and pedagogical skill. Platonov not only formed the St. Petersburg historical School, but also influenced the methodology of teaching history, creating one of the best textbooks of his time, relevant even in the post-Soviet era.

Research implications. The research materials can be used by specialists in the field of Russian historiography, teachers of the historiography course in preparation for classes.

Keywords: historiography, historical heritage, St. Petersburg school, history textbook, S. F. Platonov

For citation:

Fuks, A. N. & Resnyansky, S. I. (2025). On the question of the place of Sergei Fedorovich Platonov in modern Russian historiography. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 6, 102–108.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-6-102-108

Введение

Сергей Фёдорович Платонов, выдающийся отечественный учёный, признанный лидер петербургской школы историков [1, с. 117], родился в 1860 г. в Чернигове в семье типографского служащего. Платонов с детства проявлял тягу к чтению и интерес к истории. Уже в юные годы он активно изучал труды Н. М. Карамзина и А. С. Пушкина. В 1869 г. семья

переехала в Петербург, и с тех пор этот город стал духовной и профессиональной родиной будущего академика.

В 1879 г. Платонов поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета. Среди студентов он выделялся не только прилежанием, но и эрудицией. На его формирование как историка решающее влияние оказали лекции 3 выдающихся профессоров: Кон-

стантина Николаевича Бестужева-Рюмина, Александра Дмитриевича Градовского и Василия Григорьевича Васильевского. От Бестужева он усвоил мастерство живого исторического повествования и интерес к политической истории; от Градовского – понимание исторических ценностей и критическое отношение к культурно-историческим вопросам; от Васильевского – строгость источниковедческого анализа и умение работать с архивными материалами. Сам Платонов впоследствии писал, что именно эти трое стали его главными учителями¹.

Окончив университет в 1882 г., Платонов защитил дипломное сочинение «Московские земские соборы XVI–XVII вв.», а в 1888 г. – магистерскую диссертацию «Древнерусские сказания и повести о смутном времени XVII в. как исторический источник». С этого момента начался его путь как профессионального историка. В 1890 г. он был назначен профессором русской истории Петербургского университета.

С. Ф. Платонов носит титул «последнего официального историографа», поскольку являлся учителем истории наследника русского престола цесаревича Алексея. В разное время он был деканом исторического факультета Санкт-Петербургского университета, директором Высших бестужевских курсов. В 1920-е гг. – академиком-секретарём АН СССР, директором академической библиотеки.

Значение творчества С. Ф. Платонова в российской науке

Перу С. Ф. Платонова принадлежат десятки работ, в которых он по-новому подошёл к освещению ключевых проблем русской истории [2, с. 144]. Он опроверг господствовавшую в отечественной историографии точку зрения на внутреннюю политику Ивана IV Грозного, выдвинув

утверждение о политической обоснованности опричной политики царя. В своей докторской диссертации «Очерки по истории Смутного времени» он убедительно показал, что после опричнины боярская оппозиция самодержавной власти была окончательно подавлена, что способствовало укреплению централизованной государственности в России. Тем самым С. Ф. Платонов опровергнул позиции Н. М. Карамзина, С. М. Соловьёва, В. О. Ключевского о политической бесцельности опричнины. Так, например, Н. М. Карамзин отмечал, что опричнина есть «плод пугливого воображения царя». С. Ф. Платонов же показал последовательность и целесообразность всей внутренней политики Ивана Грозного, в т. ч. и второго периода его царствования, начало которого традиционно определялось в историографии 1552 г. Такой подход Платонова стал господствующим в отечественной историографии вплоть до современности.

С. Ф. Платонов впервые в отечественной науке всесторонне проанализировал социальную структуру общества исследуемого периода, взаимоотношения сословий и причины народных выступлений. Он утверждал, что Смута – не случайность, а закономерный результат накопившихся противоречий, и её последствия глубоко повлияли на дальнейшее развитие российской государственности. По мнению историка, Смута – не аномальное явление в истории Отечества, а событие, явившееся прологом последующего развития и укрепления государственного могущества.

Не выдерживает критики утверждение авторов советской исторической энциклопедии в статье о С. Ф. Платонове о том, что историк рассматривал вхождение в Смуту слоёв русского общества «сверху вниз» (т. е. в основе Смуты лежал именно династический конфликт). Труды же Платонова свидетельствуют об обратном.

В отличие от большинства представителей официально-охранительного,

¹ Платонов С. Ф. Несколько воспоминаний о студенческих годах // Собрание сочинений. Т. 5. М.: Наука, 2017. С. 214–252.

дворянско-монархического направления исторической науки, С. Ф. Платонов большое внимание уделял фактам социальной борьбы податных сословий с правящими кругами. Более того, историк активно использует термин «классовая борьба». Однако понятие «класс» он отождествлял с категорией «сословие». Повествуя о восстании С. Разина, Е. Пугачёва на страницах учебника, курса лекций, он как бы на их стороне, радеет за народ, высказывает симпатии восставшим, показывает причины, которые вынудили их подняться на антиправительственный мятеж. Это, прежде всего, ухудшение экономического положения податного сословия и просчёты во внутренней политике царского правительства. Тем не менее все его повествования позволяют сделать вывод о бесперспективности и социальном вреде такой борьбы, о её вреде русской государственности. Он признавал социальные конфликты в традиционном для либерально-буржуазной историографии контексте. Его подход к анализу исторического процесса отличался стремлением к синтезу – он старался учитывать и политические, и экономические, и социальные аспекты фактов, событий и явлений.

В вопросах происхождения русской государственности С. Ф. Платонов, как и В. О. Ключевский и А. А. Шахматов, констатировал бесплодность полемики норманнистов и антинорманнистов. Он полагал, что возникновение Древнерусского государства обусловлено внутренними социально-экономическими причинами, и, в первую очередь, развитием земледелия и вотчинной системы землепользования. Платонов считал, что утверждение о привнесении государственности на Русь извне является антинаучным.

Работы С. Ф. Платонова и труды его ученика А. Е. Преснякова, прежде всего его докторская диссертация «Княжое право Древней Руси» 1909 г., способствовали формированию концепции русского феодализма Н. П. Павлова-Сильванского

в его монографии «Русский феодализм». Все трое являлись видными представителями петербургской школы историков, которую возглавлял С. Ф. Платонов.

Особое внимание Платонов уделял проблемам крепостного права. В отличие от Д. И. Иловайского и других историков, он не оправдывал крепостничество и указывал на его жестокость и разрушительные последствия.

Исторические воззрения С. Ф. Платонова оказали большое влияние на взгляды историков ещё при жизни учёного. Его идеи популяризировались во многих школьных учебниках, авторами которых были либерально-буржуазные историки (к примеру, К. А. Иванов и др.)¹.

На протяжении советского периода отношение к историческому наследию С. Ф. Платонова менялось в зависимости от вектора идеологического и политического развития советской государственности. В сталинскую эпоху имя Платонова практически не упоминалось, хотя его учебник по русской истории был издан «без купюр» в 1937 г. под редакцией академика И. И. Минца для высших партийных курсов при ЦК ВКП(б). Его взгляды отождествляли с подходами лидера официальной дворянско-монархической историографии Д. И. Иловайского, что не соответствовало действительности. В конце XIX – начале XX вв. на страницах журнала Министерства народного просвещения С. Ф. Платонов подверг взгляды Д. И. Иловайского жёсткой критике по большинству вопросов русской истории. В полемике с Иловайским он характеризовал его концептуальные позиции как сторонника «произвольных построений в исторической науке». С. Ф. Платонов подчёркивал, что «Краткие очерки русской истории» требуют не исправле-

¹ Иванов К. А. Учебник русской истории: (систематический курс для старших классов средних учебных заведений и для самообразования): с рисунками, снимками с почерков, генеалогической и хронологической таблицами. СПб: типо-литография М. П. Фроловой, 1909. 499 с.

ний и поверхностного пересмотра, а глубокой переработки.

Большинство критических рецензий в адрес Д. И. Иловайского в журнале Министерства народного просвещения были без подписи. Любопытно, что сам Иловайский приписывал авторство этих рецензий Платонову, и не безосновательно. С. Ф. Платонов в то время был единственным учёным-историком – членом Учёного комитета Министерства народного просвещения. Только члены этого комитета имели право публикаций в журнале без подписи.

Анализ исторической концепции С. Ф. Платонова, получившей своё отражение в таких работах, как «Лекции по русской истории», «Школьный учебник истории», «Очерки по истории Смутного времени» и др., свидетельствует о том, что в основе теоретико-методологических подходов историка лежали позитивистские принципы осмысления истории, основанные на многофакторном подходе. В этой связи С. Ф. Платонова нельзя отнести к дворянско-монархической историографии – он являлся лидером правого крыла либерально-буржуазной профессиональной историографии своей эпохи. Научная и педагогическая деятельность Платонова в предреволюционные годы определяла стратегию развития всего либерального направления науки. По своим политическим взглядам историк являлся сторонником буржуазной монархии, что было отличительной чертой российского либерализма начала XX столетия [3, с. 53].

Оценки С. Ф. Платонова как историографа отечественной исторической науки не потеряли актуальности и в нынешнее время, особенно его ключевой вывод, что будущее историографии «в историческом синтезе достижений различных школ и течений».

С. Ф. Платонов издал лучший школьный учебник по русской истории (о чём свидетельствовало анкетирование, проведённое исторической секцией Обще-

ства распространения технических знаний в 1912 г.), одним из достоинств которого было установление связи школьного и университетского курса истории. Этот учебник переиздавался не только в императорской России, но и в советское и постсоветское время. И в учебнике, и в курсах лекций он по-новому подошёл к трактовке таких вопросов истории, как «Образование Древнерусского государства», «Политический и социально-экономический строй Новгорода», «Сущность опричнины», «Причины Смутного времени» и ряд других. Его исторические и историографические утверждения актуальны и сегодня. Они нашли отражение во многих советских и постсоветских публикациях.

С рубежа 1930-х гг. в исторической науке установилось негласное забвение имени С. Ф. Платонова. Отношение к историографическому наследию Платонова стало меняться только в 1980-е гг.¹ Историки перестали отождествлять его с реакционным официально-охранительным направлением науки. Вехой в изучении биографии историка и его наследия явились работы В. С. Брачева [1].

В начале 1990-х гг. были изданы «Лекции по русской истории С. Ф. Платонова» в издательстве «Высшая школа». В условиях принудительного отказа от советских вузовских учебников по отечественной истории во многих вузах страны, включая Московский государственный университет, книга стала основным учебным пособием для студентов исторических факультетов.

Заключение

Интерес к творческому наследию С. Ф. Платонова не ослабевает и сегодня [4; 5; 6]. Исследователи изучают не только историографические концепции С. Ф. Платонова, но и его педагогическую, общественную деятельность [7].

¹ Советская историческая энциклопедия. Т. 11. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 345.

Сергей Фёдорович Платонов – фигура не только историческая, но и символическая [8]. Он представляет собой тип интеллигента-учёного, стремившегося к объективности, служившего науке и сохранившего верность своим убеждениям даже в самые тяжёлые времена [9]. Его жизнь и творчество – пример того, как научная добросовестность и педагогический дар могут сочетаться в одном человеке. Платонов оставил после себя не только выдающиеся труды, но и целую плеяду учеников, которая продолжает оказывать влияние на отечественную историческую науку и сегодня.

С. Ф. Платонов внёс фундаментальный вклад в развитие российской исторической науки как исследователь, теоретик, педагог и организатор. Его работы способствовали развитию социально-политической интерпретации русской

истории, оказали влияние на методику преподавания и формирование исторического сознания в России.

Наследие С. Ф. Платонова – не только в конкретных выводах, но и в методе: сочетании источниковедческой строгости, социального анализа и педагогического мастерства. Именно поэтому, Платонов остаётся историком, у которого современные учёные и учителя всё ещё могут учиться.

Современные исследования оценивают творчество С. Ф. Платонова как фундаментальное и новаторское для своего времени. Его работы продолжают служить отправной точкой для изучения Смутного времени, а его научная этика и строгость остаются образцом для историков. В постсоветской России наблюдается возрождение интереса к его наследию как к части «золотого века» русской исторической науки [10].

ЛИТЕРАТУРА

1. Брачев В. С. Дело академика С. Ф. Платонова // Вопросы истории. 1989. № 5. С. 117–129.
2. Митрофанов В. В. «Театральные заметки. Часть I» Сергея Фёдоровича Платонова // Вестник «Альянс-Архео». 2021. Вып. 34. С. 144–175.
3. Цамутали А. Н. Борьба направлений в русской историографии в период империализма: Историографические очерки. Л.: Наука, 1986. 336 с.
4. Фукс А. Н. Сергей Фёдорович Платонов: кратк. ист.-биограф. очерк // Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. М., 1993. С. 7–34
5. Фукс А. Н. Школьные учебники по отечественной истории как историографический феномен (конец XVII в. – вторая половина 1930-х гг.). М.: МГОУ, 2017. 419 с.
6. Фукс А. Н. Отражение концепции отечественной истории в школьном учебнике С. Ф. Платонова // Вопросы отечественной и всеобщей истории в трудах русских историков XIX – начала XX века. Воронеж, 1983. С. 34–44
7. Митрофанов В. В. Участие С. Ф. Платонова в судьбе отдельных частных библиотечных собраний // Наука и библиотека: сб. трудов. Вып. 6 / отв. ред. Н. В. Колпакова. СПб.: БАН, 2023. С. 187–193.
8. Прокошев В. А. Нравственная оценка опричнины в трудах С. Ф. Платонова // Человеческий капитал. 2023. № 9. С. 11–19. DOI: 10.25629/HC.2023.09.01
9. Митрофанов В. В. «Городок очень ничтожный»: Платоновы на отдыхе в Валуйках в 1909 г. // Провинция в русской культуре (к 120-летию пребывания М. Горького в Старой Руссе): сб. конф. Великий Новгород, 2025. С. 28–41.
10. Суздальцева И. А. Этапы педагогической деятельности Сергея Фёдоровича Платонова // Молодёжь и наука: реальность и перспективы развития: сб. конф. Махачкала, 2024. С. 142–147.

REFERENCES

1. Brachev, V. S. (1989). The case of academician S.F. Platonov. In: *Questions of history*, 5, 117–129 (in Russ.).
2. Mitrofanov, V. V. (2021). "Theatrical notes. Part I" Sergey Fedorovich Platonov. In: *Bulletin "Alliance-Archaeo"*, 34, 144–175 (in Russ.).

3. Tsamutali, A. N. (1986). *The struggle of directions in Russian historiography during the period of imperialism: Historiographic essays*. Leningrad: Nauka Publ. (in Russ.).
4. Fuchs, A. N. (1993). Sergey Fedorovich Platonov: brief. Ist.-Biographers. Essay. In: *Platonov S. F. Lectures on Russian history*. Moscow, 7–34 (in Russ.).
5. Fuchs, A. N. (2017). School textbooks on Russian history as a historiographic phenomenon (late 17th century – second half of the 1930s). Moscow: MGOU Publ. (in Russ.).
6. Fuchs, A. N. (1983). Reflection of the concept of Russian history in the school textbook of S. F. Platonov. In: *Questions of Russian and world history in the works of Russian historians of the 19th – early 20th centuries*. Voronezh, 34–44 (in Russ.).
7. Mitrofanov, V. V. (2023). Participation of S.F. Platonov in the fate of individual private library collections. In: Kolpakova, N. V., ed. *Science and Library: Sat. works. Iss. 6*. St. Petersburg: BAN Publ., 187–193 (in Russ.).
8. Prokoshev, V. A. (2023). Moral assessment of the oprichnina in the works of S. F. Platonov. In: *Human capital*, 9, 11–19. DOI: 10.25629/HC.2023.09.01 (in Russ.).
9. Mitrofanov, V. V. (2025). "The town is very insignificant": the Platonovs on vacation in Valuyki in 1909. In: *Province in Russian culture (to the 120th anniversary of M. Gorky's stay in Staraya Russa)*. Veliky Novgorod, 28–41 (in Russ.).
10. Suzdaltseva, I. A. (2024). Stages of pedagogical activity of Sergei Fedorovich Platonov. In: *Youth and science: reality and development prospects*. Makhachkala, 142–147 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Фукс Александр Николаевич (г. Москва) – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой по развитию просветительской деятельности Российского общества «Знание» Государственного университета просвещения;

e-mail: an.fuks@eduprosvet.ru; ORCID: 0000-0001-5239-5647

Реснянский Сергей Иванович (г. Москва) – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России Государственного университета просвещения;

e-mail: si.resnyanskiy@eduprosvet.ru; ORCID: 0000-0002-5626-2144

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexander N. Fuks (Moscow) – Dr. Sci. (History), Prof., Departmentally Head, Department for the Development of Educational Activities, Russian Society "Znanie", Federal State University of Education;

e-mail: an.fuks@eduprosvet.ru; ORCID: 0000-0001-5239-5647

Sergey I. Resnyansky (Moscow) – Dr. Sci. (History), Prof., Department of Russian History, Federal State University of Education;

e-mail: si.resnyanskiy@eduprosvet.ru; ORCID: 0000-0002-5626-2144

Научная статья

УДК

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-6-109-120

НОРМАТИВНЫЕ АКТЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПО УСТРОЙСТВУ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В ТУРКЕСТАНСКОМ КРАЕ: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Литвинов П. П.

Кыргызско-Российский Славянский университет имени Б. Н. Ельцина

г. Бишкек, Кыргызская Республика

e-mail: petr.litvinov.46@mail.ru

Поступила в редакцию 16.09.2025

После доработки 12.10.2025

Принята к публикации 24.10.2025

Аннотация

Цель. Проанализировать нормативно-правовую базу процесса становления и развития системы здравоохранения в Средней Азии после вхождения её территорий в состав Российской империи.

Процедуры и методы. Исследование основано на комплексе правовых источников. Методологической основой для исследования стали общенаучные и социально-исторические подходы и методы, позволившие рассмотреть проблему организации медицинской службы в Туркестанском крае как часть общей системы военно-народного управления.

Результаты. Содержание данного исследования приобретает несомненный доказательный характер. Оно свидетельствует о том, что российские власти в дореволюционный период сделали немало для кочевого населения Евразии в сфере народного здравоохранения.

Теоретическая и/или практическая значимость. Данное исследование впервые оценивает имперскую модель здравоохранения и помогает определить эффективность централизованной и децентрализованной систем. Примеры территориальной организации медицинской сети применимы при планировании инфраструктуры в отдалённых районах на современном этапе. Статья раскрывает специфику организации военно-медицинской системы в пограничных регионах Российского государства.

Ключевые слова: Евразия, кочевой мир, здравоохранение, медицинские работники, лечебные учреждения, военно-медицинское управление

Для цитирования:

Литвинов П. П. Нормативные акты Российской империи по устройству здравоохранения в Туркестанском крае: источниковедческий анализ // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 6. С. 109–120.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-6-109-120

Original research article

NORMATIVE ACTS OF THE RUSSIAN EMPIRE ON THE HEALTHCARE SYSTEM IN THE TURKESTAN REGION: A SOURCE-BASED ANALYSIS

P. Litvinov

Kyrgyz-Russian Slavic University named after B. N. Yeltsin

Bishkek, Kyrgyz Republic

e-mail: petr.litvinov.46@mail.ru

Received 16.09.2025

Revised 12.10.2025

Accepted 24.10.2025

Abstract

Alm. To prove that the system of medical care for the nomads of the region was formed by the beginning of the 19th century. In addition, to confirm that healthcare was one of the directions of Russia's civilizational influence on the nomadic world of Eurasia in the pre-revolutionary period.

Methodology. The research is based on a set of legal sources. The methodological basis for the study was general scientific and socio-historical approaches and methods, which allowed us to consider the problem of organizing medical services in the Turkestan region as part of the general system of military and public administration.

Results. The content of this study acquires an undeniable evidentiary character. It shows that the Russian authorities in the pre-revolutionary period did a lot for the nomadic population of Eurasia in the field of public health.

Research implications. This study is the first to evaluate the imperial healthcare model and helps determine the effectiveness of centralized and decentralized systems. Examples of the territorial organization of a medical network are applicable in the planning of infrastructure in remote areas at the present stage. The article reveals the specifics of the organization of the military medical system in the border regions of the Russian state.

Keywords: Eurasia, nomadic world, healthcare, medical workers, medical institutions, military medical administration

For citation:

Ivanishkina, Yu. V., Trukhin M. D. & Sukhanova, N. I. (2025). The participation of the veteran populist and member of the socialist revolutionary party E. K. Breshko-Breshkovskaya in the establishment of the cultural and educational organization "Shkol'naya Pomoshch" ("The School Help"). In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 6, 109–120.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-6-109-120

Введение

Исследование становления системы здравоохранения в Средней Азии после присоединения её территорий к Российскому государству во второй половине XIX в. имеет значительный научный и практический интерес. Этот период определяется значительными преобразова-

ниями, связанными с интеграцией новых территорий в имперское пространство. В это время шёл интенсивный процесс выстраивания системы медико-санитарного обслуживания местного осёдлого и кочевого населения. Анализ нормативной базы позволяет определить механизмы организации медицинской помощи и

связанные с этим проблемы: финансирования, кадрового обеспечения и правового регулирования. Всё это составляло специфику колониальной политики России в регионе, которая во многом нашла отражение в правовом взаимодействии центра и национальной окраины.

Комплексный анализ историографии проблемы развития здравоохранения во второй половине XIX – начале XX вв. позволяет выделить 3 периода. В дореволюционный период истории в основном фокусировались на проблемах земской медицины и становления санитарного дела в России. В этом плане весьма интересными являются исследования И. И. Моллесона, М. Я. Капустина, Е. А. Осипова и др. [1; 2; 3; 4]. В советский период авторы рассматривали развитие дореволюционного здравоохранения через призму классового подхода [5]. На современном этапе изучения данной проблемы учёные фокусируются на исследовании преемственности дореволюционных и советских практик, используя междисциплинарный подход. Среди наиболее интересных работ можно выделить исследования М. Б. Мирского, Б. Н. Миронова, М. В. Поддубного и ряда других [6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14].

При этом следует признать, что мало кто из вышеназванных авторов касался проблемы развития здравоохранения на окраинах Российской империи.

Исследуемым объектом выступает система здравоохранения в Туркестанском крае и Степном генерал-губернаторстве во второй половине XIX – начале XX вв.

Предметом исследования является нормативно-правовая база, организующая структуру и содержание здравоохранения в Средней Азии.

Автор видит в качестве основной цели исследования – реконструкцию эволюции становления системы здравоохранения в регионе.

В связи с этим определим задачи исследования:

1. проследить этапы создания медицинских учреждений в регионе;

2. проанализировать нормативно-правовую базу, которая регулировала врачебную часть на данных территориях;

3. определить основные источники финансирования медицинских учреждений и обеспечения медикаментами;

4. выявить специфику оказания помощи кочевому населению;

5. определить значение военно-медицинских структур в формировании здравоохранения на национальных окраинах империи.

Исследование охватывает период с 1865 г. (образования Туркестанской области) до 1912 г. – времени последних значимых реформ здравоохранения в регионе.

Начальный этап формирования системы здравоохранения в Средней Азии (1865–1898 гг.)

В феврале 1865 г. была образована Туркестанская область в составе Оренбургского генерал-губернаторства¹. В сентябре того же года Военный совет постановил учредить в целях улучшения состояния здравоохранения среди «туземного» населения новые медицинские должности в лазаретах в крепости Чимкент и в укреплениях: Мерке, Токмак, Арысь и Чулак-курган, а также дополнить штат полугоспиталя в форте «Перовский»². В марте 1866 г. в Туркестанской области учредили 2 должности повивальных бабок на тех же основаниях, что и акушерки в фортах «Сырдарьинской линии»³.

В 1867 г. так называемая Степная комиссия подготовила проект «Положения об управлении в Семиреченской и Сырдарьинской областях», составивших вновь образованное Туркестанское генерал-губернаторство. Он отмечал, что уездные начальники в крае обязаны на-

¹ ПСЗРИ-II. Т. 40. Отд. 1. СПб., 1867. № 41792. С. 184.

² ПСЗРИ-III. Т. 40. Отд. 1. СПб., 1867. № 42483. С. 961–962.

³ ПСЗРИ-II. Т. 41. Отд. 1. СПб., 1868. № 43064. С. 218–219.

блюдовать за охраной народного «здравия» и пресекать распространение эпидемических заболеваний. Окружному военно-медицинскому инспектору полагались «прибавочные» в 1 000 руб./год «на том основании, что ему поручается высшее наблюдение за медицинской частью по военно-народному управлению»¹.

Областные доктора имели права и обязанности инспекторов Врачебных управ. Уездные врачи состояли в VIII классе, с окладом в 1 200 руб. Им полагалось на разъезды по 300 руб. и на медикаменты – 200 руб. Проект отмечал: «фельдшеров при врачах (уездном – П.Л.) не полагается: они могут быть требуемы из военных госпиталей»². Повивальные бабки в уездах получали по 500 руб. Уездные врачи Туркестанского края были обязаны уделять особенное внимание оспопрививанию и подготовке «прививателей» из числа коренного населения. Они должны были бесплатно оказывать медицинскую помощь «туземцам» и предоставлять больным из них медикаменты безвозмездно, для чего им выделялись определённые суммы.

В апреле 1870 г. Главный комитет об устройстве сельского состояния в России принял постановление об устройстве врачебной части башкирского населения в Оренбургском крае³. Он устанавливал:

1) закон от 24 декабря 1868 г. полностью распространить на башкирское население Оренбургского края;

2) упразднить 2 должности врачей по особым поручениям при Оренбургском и Уфимском губернских правлениях по Башкирской врачебной части;

3) из 85 фельдшеров Башкирской части Оренбургской и Уфимской губерний оставить только 43, распределив их между этими губерниями, согласно их потребностям.

Весной 1876 г. Государственный совет постановил: кредит в сумме 11 570 руб., выделенный на содержание башкирских больниц, передать в распоряжение земства Уфимской губернии с уменьшением на эту же сумму земского сбора с башкир⁴.

В 1870-х гг. правительство занималось открытием и преобразованием военных полугоспиталей в Туркестанском крае⁵. В Закаспийском военном отделе в 1875 г. было открыто 2 лазарета – в Красноводске и форте Александровском⁶. «Временное положение» об управлении Закаспийским краем 1874 г. отмечало, что кочевники – туркмены и казахи имели право на бесплатную медицинскую помощь от русских врачей и могли лечиться в казённых больницах и лазаретах. Управление военно-медицинской частью возлагалось на старшего врача, подчинённого Кавказскому окружному военно-медицинскому инспектору⁷. Начальник Закаспийского военного отдела получал право инспектора госпиталей.

К началу 1880-х гг. в Туркестанском крае сложилась система лечебных заведений, подчинённых главному военно-медицинскому инспектору Туркестанского военного округа, а по «военно-народному» управлению были обязаны оказывать медицинские услуги «туземному» населению. В феврале 1884 г. Военный совет принял постановление об отпуске «разъездных» денег медицинским чинам Самаркандского военного госпиталя, посещающим «туземные» кочевья и поселения в лечебных целях⁸. Летом того же года Военный совет постановил производить чинам Туркестанского окружного

¹ Проект Положения об управлении в Семиреченской и Сыр-дарьинской областях. СПб., 1867. С. 65.

² Там же. С. 68.

³ ПСЗРИ-II. Т. 45. Отд. I. СПб., 1874. № 48272. С. 505–506.

⁴ Там же. Т. 51. Отд. I. СПб., 1878. № 55902. С. 430–431.

⁵ Там же. Т. 45. Отд. I. СПб., 1874. № 48125. С. 243; там же. Т. 50. Отд. I. СПб., 1877. № 54852. С. 670; там же. Т. 50. Отд. I. СПб., 1877. № 54854. С. 671.

⁶ Там же. Т. 50. Отд. I. СПб., 1877. № 54873. С. 709–710.

⁷ Там же. Т. 49. Отд. I. СПб., 1876. № 53233. С. 339.

⁸ ПСЗРИ-III. Т. 16. Отд. I. СПб., 1899. № 2042-а. Дополнение к 3-му тому ПСЗРИ-3. С. 301.

военно-медицинского управления добавочное содержание за труды по заведению врачебной частью по «военно-народному» управлению края¹.

В марте 1885 г. система лечебных заведений в Туркестанском крае изменилась – из неё исчезли полугоспитали. Осталось 2 госпиталя: Ташкентский (II класса) и Самаркандский (I класса). Военный совет также утвердил 19 лазаретов, из которых крупнейшими были: Маргиланский, Петро-Александровский и Казалинский². Все они были обязаны принимать на лечение и «туземцев», в т. ч. женщин.

В ноябре 1885 г. Военный совет постановил включить в штат Управления Мервского округа Закаспийской области должность акушерки³.

В июне 1886 г. было «высочайше» утверждено «Положение об управлении Туркестанского края», которое содержало установления об управлении медицинской частью в регионе⁴. Они указывали, что она, как и прежде, находилась в ведении Главного военно-медицинского управления Туркестанского округа. Таким образом, все российские медики в Средней Азии, в т. ч. сугубо гражданские, подчинялись военному министерству.

На месте, в Туркестанском крае и военном округе, ими руководили: Окружной военно-медицинский инспектор, его помощник, окружные – ветеринар и окулист, секретари из врачей и фармацевтов, заведующий химической лабораторией. Учреждались должности областных врачей, которые имели права губернских врачебных инспекторов и подчинялись военным губернаторам. В уездах состояли врачи и повивальные бабки.

В более населённых городах уездов тоже учреждались должности городских врачей и повивальных бабок. Все уездные медики назначались Главным военно-ме-

дицинским управлением по представлению туркестанского военно-медицинского инспектора, одобренному местным генерал-губернатором. Областные врачи получали от казны инструменты для операций всех видов, а уездные и городские врачи – для вскрытия мёртвых тел.

Все жители края, как «туземные», так и русские, имели право получать от врачей медикаменты за оплату по таксе, утверждённой туркестанским генерал-губернатором, а неимущие больные снабжались медикаментами бесплатно, за счёт специальных сумм, выделяемых областными правлениями из средств земского сбора.

Уездным и городским врачам вменялось в обязанность проведение оспопрививания и обучение этому делу молодёжи из коренных жителей. Назначение числа «туземных» оспопрививателей и определение им жалованья вверялось областным правлениям, но с утверждения туркестанского генерал-губернатора. Содержание им устанавливалось за счёт земских сборов, из которых поступали средства на финансирование в Ташкенте депо для заготовления оспенной лимфы и инструментов для оспопрививателей. Всем местным жителям, в т. ч. кочевникам, разрешалось пользоваться услугами военных и гражданских лечебных заведений, но за установленную плату, причём женщин брали в те из них, где имелись женские отделения. Допускалось, что за неимущих больных плата производилась по таксе из сумм земского сбора.

28 марта 1888 г. Военный совет постановил изменить число мест в Наманганском местном лазарете до 54 (в т. ч. 4 женских) и Ходжентском – до 47 (и 3 соответственно)⁵. В июле того же года он постановил предоставить командующему войсками Туркестанского военного округа права разрешать открытие приёмных покоев при частях округа в размерах, больших сравнительно с определёнными Законом⁶.

¹ ПСЗРИ-III. Т. 4. СПб., 1887. № 2359. С. 410.

² Там же. Т. 5. СПб., 1887. Штаты и табели. № 2802. С. 58.

³ Там же. № 3313. С. 471.

⁴ Там же. Т. 6. СПб., 1888. № 3814. §§25–33. С. 322.

⁵ Там же. Т. 8. СПб., 1890. № 5093. С. 115.

⁶ Там же. № 5403. С. 430.

Учитывая потребность в посещении кочевий в ноябре 1888 г. врачу Амударьинского отдела назначили разъездные деньги¹. Одновременно Военный совет принял постановление об увеличении числа женских мест в Ташкентском военном госпитале на 10 коек, но при этом он настолько же уменьшил число мест для нижних чинов². В марте 1892 г. Государственный совет постановил увеличить «прогонные» деньги фельдшерам Туркестанского края³.

Летом 1888 г. Департамент Государственной экономии Государственного совета принял постановление о прекращении отпуска Уфимскому земству из казны пособия на врачебную часть для башкир⁴.

«Положение об управлении Закаспийской областью» от 6 февраля 1890 г. указывало, что по отношению к военно-врачебным заведениям начальник Закаспийской области пользовался правами главного начальника военного округа⁵. В июне 1891 г. все местные лазареты в ней были подчинены начальнику штаба войск области на правах начальника местной бригады⁶.

«Степное положение» от 25 марта 1891 г. устанавливало в семиреченских уездных полицейских управлениях должности врача, фельдшера и повивальной бабки. Статья 46 устанавливала: «Уездный врач обязан выдавать врачебное пособие бесплатно, снабжая больных медикаментами за счёт особой суммы, ассигнуемой для сего в распоряжение областного правления»⁷. Врачи при уездных управлениях должны были при содействии полиции проводить среди «инородцев» оспопрививание и готовить учеников из их среды для проведения этого мероприятия.

В конце 1895 г. Военный совет принял постановление об уменьшении числа кроватей в местных лазаретах Кармакчинском, Туркестанском, Чимкентском и Аулиеатинском⁸. Естественно, что это уменьшило возможности лечения кочевников в них.

В конце мая 1897 г. Государственный совет постановил преобразовать врачебную часть в уездах областей Степного генерал-губернаторства (края) – Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской⁹. Закон устанавливал деление их на врачебные участки, наличие в каждом из них врача, фельдшера и акушерки, подчинение их областной врачебной инспекции, определение границ участков. Степным генерал-губернатором, обязанность всех медиков оказывать необходимую помощь местному коренному населению и проводить оспопрививание в его среде, снабжать местное население бесплатными медикаментами. Понятно, что врачебная часть этих областей имела преимущественное отношение к кочевникам, составлявшим большинство их населения. В декабре 1897 г. царским указом Семиреченская область была передана в состав Туркестанского генерал-губернаторства¹⁰. Однако приведённый выше закон продолжал действовать в ней и впредь.

Преобразования и специализация медицинских служб (1899–1912 гг.)

Осенью 1898 г. в Туркестанском крае появились первые признаки чумы, занесённой через торговые пути и перекочёвки номадов. В октябре того же года император Николай II учредил комиссию по предупреждению и борьбе с чумной заразой во главе с родичем – принцем А. П. Ольденбургским¹¹. Перед нею были поставлены задачи, опыт решения которых был накоплен во время предыдущих

¹ ПСЗРИ-III. № 5551. С. 539.

² Там же. Т. 9. СПб., 1891. № 6347. С. 602.

³ Там же. Т. 12. СПб., 1895. № 8426. С. 170–171.

⁴ Там же. Т. 8. СПб., 1890. № 5358. С. 411.

⁵ Там же. Т. 10. Отд. 1. СПб., 1893. № 6576. С. 73.

⁶ Там же. № 6983. С. 571.

⁷ Там же. Т. 11. СПб., 1894. № 7574. С. 138.

⁸ Там же. Т. 15. СПб., 1899. С. 687.

⁹ Там же. Т. 17. СПб., 1900. № 14187. С. 339–340.

¹⁰ Там же. Т. 17. СПб., 1900. № 14818. С. 711.

¹¹ Там же. Т. 18. Отд. 1. СПб., 1901. № 15993. С. 956.

эпидемий в стране, а сам председатель был наделён широчайшими полномочиями, тем более что Туркестанский край к этому времени объединял уже все 5 российских областей в Средней Азии.

В июне 1899 г. Военный совет учредил в «кочевом» Амударьинском отделе отдельную должность врача, а также фельдшера при нём¹. В августе 1900 г. он же определил служебные права врачей Амударьинского отдела и Петро-Александровского местного лазарета².

В октябре 1900 г. Военный совет постановил переустроить некоторые местные лазареты в Туркестанском военном округе³. В Петро-Александровском и Ходжентском лазаретах сократили число мест, а Джизакский лазарет вообще упразднился.

В марте 1902 г. император Николай II объявил об охране от заноса чумы сухопутной границы Азиатской России⁴. Одновременно Военный совет постановил расширить Мервский и Джаркентский лазареты. Кроме того, в их штат добавили по одной акушерке⁵.

В феврале 1903 г. для улучшения медицинского обеспечения кочевниц Амударьинского отдела Военный совет ввёл в штат Петро-Александровского лазарета 2 сестёр милосердия⁶. В феврале 1906 г. он добавил к штатам Кушкинского и Копальского лазаретов 3 сестёр милосердия⁷.

В мае 1904 гг. Государственный совет постановил выделить из земских сумм края на преобразование сельско-врачебной части в «коренных» областях – 141 262 руб. и 15 235 руб. – Семиреченской⁸. О Закаспийской области не упоминалось.

В конце 1905 г. Государственный совет принял постановление об устройстве сельско-врачебной части в Сырдарьинской, Ферганской и Самаркандской областях Туркестанского края⁹. Закон подчинял её ведению Окружного военномедицинского инспектора и областных врачей. Уезды делились на врачебные участки: в Сырдарьинской области – 18, в Самаркандской – 10 и в Ферганской – 16. В каждом из них был участковый врач, заведующий лечебницей, фельдшер и акушерка. Границы врачебных участков определял генерал-губернатор. Участковые врачи были обязаны лечить местное «туземное» население и проводить в его среде оспопрививание силами «оспенников-туземцев».

В апреле 1906 г. Государственный совет решил преобразовать медицинскую часть в городах «коренных» областей Туркестанского края¹⁰. Можно подумать, что он не имел прямого отношения к кочевникам региона. Это будет ошибочно, т. к. номады любили располагаться в окрестностях городов по торговым и иным делам и охотно обращались за медицинской помощью в тамошние амбулатории и больницы.

Российское правительство старалось привлекать на работу в Среднюю Азию женщин-врачей с тем, чтобы улучшить медицинское обеспечение женской части «туземного» населения. В ноябре 1906 г. Военный совет уравнивал их в правах с участковыми врачами-мужчинами¹¹. В мае 1912 г. он же установил срок службы по возрасту для женщин-врачей Туркестанского края¹². Заведующим амбулаториями для «туземных» женщин был установлен срок службы до 60 лет, а для участковых женщин-врачей – 56 лет.

В июле 1908 г. Военный совет принял решение о производстве повивальным бабкам, допущенным к исполнению

¹ ПСЗРИ-III. Т. 19. Отд. 1. СПб., 1902. № 17235. С. 758.

² Там же. Т. 20. Отд. 1. СПб., 1902. № 19162. С. 1004.

³ Там же. № 19278. С. 1063.

⁴ Там же. Т. 22. Отд. 1. СПб., 1904. № 21176. С. 150.

⁵ Там же. № 21256. С. 192.

⁶ Там же. Т. 23. Отд. 1. СПб., 1905. № 22526. С. 83.

⁷ Там же. Т. 26. Отд. 1. СПб., 1909. № 27452. С. 189.

⁸ Там же. Т. 24. Отд. 1. СПб., 1907. № 24472. С. 413–414.

⁹ Там же. Т. 25. Отд. 1. СПб., 1908. № 27129. С. 935–937.

¹⁰ Там же. Т. 26. Отд. 1. СПб., 1909. № 27740. С. 415–416.

¹¹ Там же. Т. 26. Отд. 1. СПб., 1909. № 28517. С. 956.

¹² Там же. Т. 32. Отд. 1. СПб., 1915. № 37106. С. 467.

должностей фельдшерниц-акушеров, по сельско-врачебной части Туркестанского края, сверх положенного содержания, квартирного и разъездного довольствия¹.

Большую роль в медицинском и санитарно-гигиеническом надзоре за кочевниками Туркестанского края играли конные фельдшера 4-сотенных Уральских и Оренбургских полков, дислоцированных в местном военном округе². Они часто осматривали номадов в кочевьях, занимались не только их лечением, но и санитарно-гигиеническим просвещением.

В конце 1909 г. Военный совет принял «Положение о санитарно-гигиенических и дезинфекционных отрядах»³. Такие отряды создавались по одному на каждый армейский корпус. Таким образом, на Туркестанский военный округ приходилось 2 отряда. Одновременно царь утвердил: «I. Каталог медикаментам, инструментам, аптечным и врачебным предметам, перевязочным и дезинфекционным средствам для отрядов: санитарно-гигиенического и дезинфекционного. II. Табель приборам, орудиям и вещам для санитарно-гигиенических и дезинфекционных обрядов. III. Штат санитарно-гигиенических и дезинфекционных отрядов»⁴.

Санитарно-гигиенические и дезинфекционные отряды Туркестанского военного округа проводили большую работу в регионе, включая кочевья номадов. Они осуществляли действенные меры по предупреждению проникновения различных и эпидемических заболеваний на территорию Средней Азии и пресечению их распространения в её пределах.

В конце 1909 г. Главное военно-медицинское управление было переименовано в Главное военно-санитарное управление⁵. Но окончательно ведомство получило новое название только в конце 1910 г.⁶.

В конце 1912 г. российский парламент принял закон об упразднении должностей уездной повивальной бабки в «коренных» областях Туркестанского края⁷, об учреждении в них должностей фельдшерниц-акушеров⁸. Это был серьёзный вклад в улучшение работы русских медиков среди «туземных» женщин, не исключая, разумеется, кочевниц.

Выше отмечалось, что во многих правовых актах по Русскому Туркестану не упоминалась Закаспийская область. Это не значит, что законодатель её игнорировал. Отнюдь. Просто она находилась на особом положении, поскольку до 1898 г. никогда не входила в состав Туркестанского генерал-губернаторства (края). Однако и после присоединения к нему в её отношении законодатель нередко издавал отдельные акты.

Закаспийская область была учреждена в мае 1881 г.⁹. Становление медицинских служб в ней происходило на основе соответствующих учреждений одноимённого военного отдела, образованного в 1874 г.¹⁰ В 1882 г. был утверждён «Временное положение об управлении Закаспийской областью», подчинившее её кавказским властям. Оно предусматривало деятельность медицинских учреждений, подчинённых командирам воинских подразделений.

В феврале 1883 г. Военный совет принял постановление об изменении служебных прав старшего областного врача, врачей для командировок и Ахалтекинскому уездного врача¹¹. Законом от 24 июня 1886 г. в штат Закаспийского областного медицинского управления ввели 1 врача для командировок, 1 делопроизводителя из врачей, 2 фельдшеров – старшего и

¹ ПСЗРИ-III. Т. 28. Отд. 1. СПб., 1911. № 30846. С. 619.

² Там же. Т. 29. Отд. 1. СПб., 1912. № 32454. С. 709.

³ Там же. Т. 29. Отд. 1. СПб., 1912. № 32788. С. 959–961.

⁴ Там же. Отд. 2. С. 381–387

⁵ Там же. Т. 29. Отд. 1. СПб., 1912. № 32795. С. 962.

⁶ Там же. Т. 30. Отд. 1. СПб., 1913. № 34498. С. 1278.

⁷ Сырдарьинской, Ферганской и Самаркандской – П.Л.

⁸ ПСЗРИ-3. Т. 32. Отд. 1. СПб., 1915. № 37570. С. 1009–1010.

⁹ Там же. Т. 1. СПб., 1885. № 142. С. 66.

¹⁰ ПСЗРИ-II. Т. 49. Отд. 1. СПб., 1876. № 53233. С. 333–338.

¹¹ ПСЗРИ-III. Т. 16. Отд. 1. СПб., 1899. № 1378 а. Дополнение к 3-му тому ПСЗРИ-3. С. 275–276.

младшего, а также 1 сторожа. Запасную аптеку подчинили напрямую Областно-му врачу¹.

1 сентября 1886 г. было «высочайше» утверждено Положение Военного совета об учреждении новых врачебных заведений в Закаспийской области и упразднении некоторых из существующих². Во всех открытых медицинских учреждениях среди пациентов были и представители коренного населения, большинство которых составляли кочевники – туркмены и казахи³. В июне того же года Военный совет постановил подчинить лазареты Закаспийской области начальнику штаба этой области на правах начальника местной бригады⁴.

В 1880-х гг. в правительстве шла дискуссия о том, оставить Закаспийскую область в прежнем состоянии, подчинив её ведению Туркестанского генерал-губернаторства, или же образовать из неё самостоятельный военно-административный район, находящийся под непосредственным руководством военного министерства. Победила последняя точка зрения, и в начале февраля 1890 г. было утверждено «Положение об управлении Закаспийской области»⁵. Относительно медицинской части оно отмечало: «Расход на содержание в Закаспийской области уездных врачей, акушерок и помощников приставов из туземцев, а также на квартирные деньги участковым приставам, уездным начальникам удовлетворять за счёт взимаемого с туземного населения сбора на общественные нужды»⁶. Всеми медиками в Закаспийской области руководил военно-медицинский инспектор, являвшийся членом Военно-областного совета.

В мае 1891 г. в «Закаспийское положение» 1890 г. внесли дополнение о не-

обходимости «состоящим при уездных управлениях акушеркам присвоить право на пенсию и единовременное пособие наравне с повивальными бабками Военного ведомства»⁷. В июне 1892 г. Военный совет постановил увеличить содержание сёстрам милосердия в лазаретах Закаспийской области⁸. В мае 1893 г. он решил перечислить из штата Омского окружного военно-медицинского управления в штат такого же управления Закаспийской области 2 должности врачей для командировок в кочевые районы области⁹.

В октябре 1897 г. Военный совет учредил должность заведующего Красноводским лазаретом¹⁰. В мае 1898 г. Военный совет решил увеличить число мест в Кушкинском лазарете с 28 до 56 мест¹¹. В сентябре 1901 г. в крепости Кушка была учреждена должность Крепостного врача¹². В начале февраля 1902 г. Военный совет постановил увеличить число мест в Кушкинском лазарете с 56 до 200 мест и добавить в его штат ещё 1 сестру милосердия¹³. Столь значительное увеличение мест в лазарете было во многом связано и с окрестным «туземным» населением, преимущественно кочевым, а медсестра была обязана работать с женщинами из его среды. В марте 1902 г. Военный совет установил добавить в штат Мервского лазарета акушерку¹⁴. Она тоже должна была работать среди «туземных» женщин.

В январе 1904 г. царь Николай II повелел учредить при Управлении «Мургабского Государева имения» в Байрам-Али должности старшего и младшего врачей и закрытии существовавшей в этом имении должности врача. Им предоставлялись «квартиры натурой»¹⁵.

⁷ Там же. Т. 11. СПб., 1894. № 7751. С. 308.

⁸ Там же. Т. 12. Отд. 1. СПб., 1895. № 8721. С. 462.

⁹ Там же. Т. 13. СПб., 1897. № 9582. С. 260.

¹⁰ Там же. Т. 17. СПб., 1900. № 14549. С. 590.

¹¹ Там же. Т. 18. Отд. 1. СПб., 1901. № 15452. С. 358.

¹² Там же. Т. 21. Отд. 1. СПб., 1903. № 20642. С. 895–913.

¹³ Там же. Т. 22. Отд. 1. СПб., 1904. № 21051. С. 74–75.

¹⁴ Там же. № 21256. С. 192.

¹⁵ Там же. Т. 24. Отд. 1. СПб., 1907. № 23907. С. 46.

¹ ПСЗРИ-III. Т. 6. СПб., 1888. № 3839. Пункты 4–5. С. 376–377.

² Там же. № 3937. С. 441.

³ Там же. Т. 10. Отд. 1. СПб., 1893. № 6736. С. 306.

⁴ Там же. № 6983. С. 571.

⁵ Там же. № 6576. С. 70.

⁶ Там же.

В феврале 1906 г. Военный совет для усиления работы среди «туземных» женщин добавил в штат Кушкинского лазарета 2 сестёр милосердия¹.

В апреле 1912 г. Военный совет преобразовал Запасную аптеку Закаспийской области в Асхабадский аптечный склад². В июле того же года парламент учредил должность участкового врача в Мангышлакском уезде Закаспийской области³. Он был обязан обслуживать и нужды местного кочевого населения.

В мае 1891 г. царская власть запретила ввоз опиума в Закаспийскую область⁴. Однако при этом она не учла, что он издавна использовался кочевниками области в лекарственных целях – опиумная настойка «кукнар» применялась для лечения детских поносов, которые стали часто приводить к смерти младенцев. Поэтому власть вскоре разрешила её использовать.

Известно, что Семиреченская область в 1867–1882 гг. находилась в составе Туркестанского генерал-губернаторства (края), но с 1891 г. она управлялась на основании «Степного положения», утверждённого 25 марта 1891 г.⁵ Оно установило систему медицинских учреждений в Степном крае, о которой уже упоминалось выше. С возвращением Семиреченской области в ведение Туркестанского генерал-губернаторства (края), «Положение» 1891 г. сохранило своё действие в ней, однако многие учреждения, в т. ч. медицинские, стали приводить свою организацию и деятельность применительно к новым условиям подчинения.

В начале 1903 г. Государственный совет постановил преобразовать медицинскую часть в «кочевой» по составу населения Семиреченской области. Вместо должности Семиреченского областного врачебного инспектора учреждалась

должность «Областного врача на общих для сих должностей в Туркестанском крае основании»⁶. Всех медиков подчинили ведению Туркестанского окружного военно-медицинского управления. Документ ставил задачи по оспопрививанию. Особо отмечалось, что «туземные» жители могут обращаться как в гражданские, так и в военные лечебные учреждения, но с оплатой, а за неимущих она должна была производиться из областных земских сборов.

Через 3 года Государственный совет принял новый документ о преобразовании врачебной части в Семиреченской области⁷. Он отмечал то же её подчинение, деление уездов на 19 участков, в каждом из которых действовали: участковый врач, заведующий лечебницей участка, акушерка, фельдшер и оспопрививатели. Границы врачебных участков в области определял туркестанский генерал-губернатор. Он же имел право открывать новые врачебные участки в ней. Участковые врачи были обязаны лечить «туземное» население и проводить среди него оспопрививание.

В марте 1908 г. Военный совет принял постановление об увеличении содержания участковым фельдшерам Семиреченского казачьего войска⁸. Как и прежде, они должны были оказывать медицинскую помощь окружающему кочевому населению.

Заключение

Российские власти в дореволюционный период сделали немало для кочевого населения рассматриваемого региона в сфере народного здравоохранения. Учреждались общие и специализированные медицинские заведения, которые обслуживали как военнотружеников, так и гражданское население, в т. ч. кочевое. Лечение «туземцев», в большинстве своём малоимущих, осуществлялось за счёт

¹ ПСЗРИ-III. Т. 26. Отд. 1. СПб., 1909. № 27452. С. 189.

² Там же. Т. 32. Отд. 1. СПб., 1915. № 36896. С. 306.

³ Там же. № 37729. С. 1109.

⁴ Там же. Т. 11. СПб., 1894. № 7681. С. 248.

⁵ Там же. Т. 11. СПб., 1894. № 7574. С. 133–147.

⁶ Там же. Т. 23. Отд. 1. СПб., 1905. № 22448. С. 45.

⁷ Там же. Т. 26. Отд. 1. СПб., 1909. № 27494. С. 218–220.

⁸ Там же. Т. 28. Отд. 1. СПб., 1911. № 30160. С. 141.

земских сборов, в амбулаториях им выдавали медикаменты бесплатно. Большое внимание уделялось борьбе с эпидемическими заболеваниями, создавались дезинфекционные, санитарно-гигиенические отряды, карантинные подразделения и др. Все медицинские учреждения в рассматриваемом регионе находились в ведении Главного военно-медицинского (с 1910 г. – военно-санитарного) управ-

ления, но функционировали на основании «Врачебного устава» и нормативных предписаний, касавшихся военного ведомства и подведомственных ему территорий. Можно считать, что в целом меры русских властей в части здравоохранения сыграли большую роль в жизни кочевых народов региона, их хозяйственной деятельности, материальном и духовном благополучии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Капустин М. Я. Основные вопросы земской медицины. СПб.: К. Л. Риккер, 1889. 138 с.
2. Моллесон И. И. Земская медицина. Казань: Универ. тип., 1871. 56 с.
3. Осипов Е. А., Попов И. В., Куркин П. И. Русская земская медицина. М., 1899. 29 с.
4. Френкель З. Г. Врачебно-санитарное законодательство в России. СПб.: Практическая медицина, 1914. 1071 с.
5. Левит М. М. Становление общественной медицины в России. М.: Медицина, 1974. 232 с.
6. Куранов В. Г. Развитие медицинского законодательства в России в дореволюционный период // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2017. № 3. С. 141–147.
7. Куковякин С. А. Земская медицина в Российской империи // Экономические науки. 2014. № 11. С. 29–33.
8. Мирский М. Б. Медицина России XVI–XIX веков. М.: Росспэн, 1996. 215 с.
9. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.). Т. 2. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 582 с.
10. Печникова О. Г. Возникновение государственной медицины в России (историко-правовой аспект) // Медицинское право. 2009. № 3. С. 20–24.
11. Поддубный М. В., Егорышева И. В., Шерстнева Е. В. История здравоохранения дореволюционной России (конец XVI – начало XX в.). М.: ГЭОТАР-Медиа, 2014. 248 с.
12. Егорышева И. В. Губернские и уездные правительственные органы охранения народного здравия в России // Здравоохранение Российской Федерации. 2001. № 1. С. 53–55.
13. Шерстнева Е. В. Основные направления деятельности Медицинского совета Министерства внутренних дел // Проблемы социальной гигиены, организации здравоохранения и истории медицины. 2002. № 1. С. 56–58.
14. Жбанков Д. Н. Итоги земской медицины // Врач. 1894. № 18. С. 513–519; № 19. С. 546–551.

REFERENCES

1. Kapustin, M. Ya. (1889). *The main issues of zemstvo medicine*. St. Petersburg: K. L. Ricker Publ. (in Russ.).
2. Molleson, I. I. (1871). *Zemsky medicine*. Kazan: Univer. type (in Russ.).
3. Osipov, E. A., Popov, I. V. & Kurkin, P. I (1899). *Russian zemstvo medicine*. Moscow (in Russ.).
4. Frenkel, Z. G. (1914). *Medical and sanitary legislation in Russia*. St. Petersburg: Practical Medicine Publ. (in Russ.).
5. Leviticus, M. M. (1974). *The formation of public medicine in Russia*. Moscow: Medicine Publ. (in Russ.).
6. Kuranov, V. G. (2017). Development of medical legislation in Russia in the pre-revolutionary period. In: *Problems of social hygiene, health care and the history of medicine*, 3, 141–147 (in Russ.).
7. Kukovyakin, S. A. (2014). Zemstvo medicine in the Russian Empire. In: *Economic Sciences*, 11, 29–33 (in Russ.).
8. Mirsky, M. B. (1996). *Medicine of Russia of the 16th–21st centuries*. Moscow: ROSSPAN Publ. (in Russ.).
9. Mironov, B. N. (2000). *Social history of Russia during the empire (18th – early 20th centuries)*. Vol. 2. St. Petersburg: Dmitry Bulanin Publ. (in Russ.).
10. Pechnikova, O. G. (2009). The emergence of state medicine in Russia (historical legal aspect). In: *Medical law*, 3, 20–24 (in Russ.).

11. Poddubny, M. V., Egorysheva, I. V. & Sherstneva, E. V. (2014). *The history of health care in pre-revolutionary Russia (late 16th – early 20th centuries)*. Moscow: GEOTAR-Media Publ. (in Russ.).
12. Egorysheva I. V. (2001). Provincial and district government bodies for the protection of public health in Russia. In: *Health of the Russian Federation*, 1, 53–55 (in Russ.).
13. Sherstneva, E. V. (2002). The main activities of the Medical Council of the Ministry of Internal Affairs. In: *Problems of social hygiene, organization of health care and the history of medicine*, 1, 56–58 (in Russ.).
14. Zhbakov, D. N. (1894). Results of zemstvo medicine. In: *Doctor*, 18, 513–519; 19, 546–551 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Литвинов Пётр Петрович (г. Бишкек, Кыргызская Республика) – доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института стратегического анализа и прогноза Кыргызско-Российского Славянского университета имени Б. Н. Ельцина;
e-mail: petr.litvinov.46@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Peter P. Litvinov (Bishkek, Kyrgyz Republic) – Dr. Sci. (History), Senior Researcher at the Institute of Strategic Analysis and Forecasting, Kyrgyz-Russian Slavic University named after B. N. Yeltsin;
e-mail: petr.litvinov.46@mail.ru

Научная статья

УДК 93/94

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-6-121-128

ОСОБЕННОСТИ ОЦЕНОК ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПОДХОДА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XIX – НАЧАЛА XXI ВВ.

Куренкова Е. А.

Государственный университет просвещения

г. Москва, Российская Федерация

e-mail: kurenkovagane@mail.ru

Поступила в редакцию 28.08.2025

После доработки 18.09.2025

Принята к публикации 04.10.2025

Аннотация

Цель. Выявление сущности и содержания дискуссий об особенностях цивилизационного подхода в работах отечественных исследователей XIX – начала XXI вв.

Процедуры и методы. Исследование осуществлено благодаря анализу трудов ряда отечественных исследователей, представляющих различные историографические этапы, каждый из которых (и работы каждого из представленных исследователей) отличается своими подходами, обобщениями и выводами. Постановка проблемы обусловила применение принципов историзма, научности и объективности, что обеспечивает понимание взаимосвязи различных факторов эволюции разработки цивилизационного подхода в исторической науке.

Результаты. Осуществлённый историографический анализ позволяет сделать вывод, что авторы рассмотренных исследований, несмотря на существенные различия, соглашаясь с тем, что Россия – цивилизационный феномен, продолжают дискутировать по важнейшим историко-софским аспектам характеристики российской цивилизации.

Теоретическая и/или практическая значимость. Данное исследование, детально рассматривающее дискуссионные аспекты отечественных исследований, посвящённых анализу цивилизационного подхода представителями различных направлений исторической науки, может быть использовано в преподавании курса историографии отечественной истории и дальнейших научных разработок.

Ключевые слова: История России, цивилизационный подход, отечественная историография XIX–XXI вв.

Для цитирования:

Куренкова Е. А. Особенности оценок цивилизационного подхода в отечественной историографии XIX – начала XXI вв. // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 6. С. 121–128.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-6-121-128

Original research article

FEATURES OF ASSESSMENTS OF THE CIVILIZATIONAL APPROACH IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY OF THE XIX – EARLY XXI CENTURIES

E. Kurenkova

Federal State University of Education

Moscow, Russian Federation

e-mail: kurenkovagane@mail.ru

Received 28.08.2025

Revised 18.09.2025

Accepted 04.10.2025

Abstract

Aim. Identification of the essence and content of discussions about the features of the civilizational approach in the works of Russian researchers of the 19th – early 21st centuries.

Methodology. The research was carried out by analyzing the works of a number of Russian researchers representing various historiographical stages, each of which (and the work of each of the researchers represented) differs in its approaches, generalizations and conclusions. The formulation of the problem led to the application of the principles of historicism, science and objectivity, which provides an understanding of the interrelationship of various factors in the evolution of the development of a civilizational approach in historical science.

Results. The conducted historiographical analysis allows us to conclude that the authors of the reviewed studies, despite significant differences, while agreeing that Russia is a civilizational phenomenon, continue to discuss the most important historiosophical aspects of the characteristics of Russian civilization.

Research implication. This study examines in detail the controversial aspects of domestic research devoted to the analysis of the civilizational approach by representatives of various fields of historical science.

Keywords: History of Russia, civilizational approach, Russian historiography of the 19th–21st centuries.

For citation:

Kurenkova E. A. (2025). Features of assessments of the civilizational approach in Russian historiography of the XIX – early XXI centuries. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 6, 121–128.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-6-121-128

Введение

Цивилизационный подход в работах отечественных исследователей рассматривается как адекватная замена формационного подхода, который был основополагающим в исторической науке на протяжении более 70 лет XX в. Однако правомочность подобной замены, а также анализ и оценки цивилизационного подхода остаются предметом дискуссии. О чём, в частности, может свидетель-

ствовать и последние работы, например, А. Н. Савенкова, А. Н. Колтова, А. А. Крестовского, Н. И. Гнатенко, А. А. Контарева, Е. П. Каргаполова, В. Э. Багдасаряна, Ю. В. Яковца, Е. Е. Растворцева и, одна из последних по времени – работа В. Б. Перхавко, которые предпринял попытку «вскрыть» корни данного подхода и проследить его эволюцию (надо отметить – очень кратко) на протяжении более чем 200 лет [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8].

Выявление сущности и содержания дискуссий об особенностях цивилизационного подхода в работах отечественных исследователей XIX – начала XXI вв. является целью данного исследования.

Само исследование осуществлено благодаря анализу трудов ряда отечественных исследователей, представляющих различные историографические этапы, каждый из которых (и работы каждого из представленных исследователей) отличается своими подходами, обобщениями и выводами. Постановка проблемы обусловила применение принципов историзма, научности и объективности, что обеспечивает понимание взаимосвязи различных факторов эволюции разработки цивилизационного подхода в исторической науке.

Феномен цивилизационного подхода

Является ли цивилизационный подход чем-то оригинальным, порождённым исключительно нашим временем? Нет. Первым о цивилизационном подходе высказался Н. Я. Данилевский, который подверг критике существующую концепцию единства мировой истории и выдвинул собственную модель, собственное видение культурно-исторических типов как особых форм, порождённых и соответствующих «лингвистико-этнографическим семействам». По мнению Данилевского, эволюция данных типов суммируется 3 периодами: этнографического, государственного и цивилизационного [9, с. 123–124, 131–141].

У Данилевского были как последователи, так и оппоненты. Так Н. А. Полевой, хотя и косвенно, подтверждал идеи Н. Я. Данилевского о том, что Россия, не воспринявшая наследие античной и германо-романской цивилизаций, но в историческом смысле всё же ближе к славяно-католическим традициям, чем к Азии [10, с. 81–85]. Полевой также отмечал, что отсчёт истории российского государства стоит вести с Ивана III, а не

с первых Романовых, что предопределяло позицию Н. А. Полевого относительно начала отсчёта российской цивилизации [11, с. 3–5].

И Данилевский, и Полевой отводят едва ли не главенствующую роль в складывании феномена цивилизации в России православию, а также таким элементам государственности, как «единодержавие» и «самодержавие», но приписывание складывания последних к XV – началу XVI вв.

Справедливости ради стоит привести и оценку выбора православия, данную П. Я. Чаадаевым. Он считал, что принятие православия – есть одна из основных причин отставания русской цивилизации от западной. Спор об оценках религиозного выбора, ставшего едва ли не базовым в формировании российской цивилизации [12, с. 22, 38–39].

В противовес Н. А. Полевому и П. Я. Чаадаеву, Н. В. Устрялов указывал на то, что явления «единодержавие» и «самодержавие» появились на русских землях ещё во времена легендарного Рюрика, хотя в последующие периоды (в первую очередь в удельный) «единодержавие» временно сошло со сцены, однако идея о неизбежности и важности в геополитическом смысле единения русских земель не исчезла. Что касается «самодержавия», то оно сохранилось, поскольку князья оставались единовластными в своих владениях. Тот же Н. В. Устрялов утверждал, что государство представляет собой исторически уже сложившуюся на той или иной территории систему общественно-политической организации, т. е. законодательство, вооружённые силы, система публичной власти. Очерчена была и важнейшая функция – управление политическими процессами [13].

М. В. Шахматов дал следующие характеристики государственному строю на Руси (XV–XVII вв.): «властование сословной монархии», поскольку выделялось несколько оригинальных цивилизационных элементов: христианские

нормы и обычаи; участие сословий – посредством своих представительств в управлении страной; прерогативы системы исполнительной власти и их регламентация; гарантии сословиям против судебного-полицейского преследования [14].

М. В. Шахматов акцентировал внимание на том, что все эти структурные элементы существовали в России в непохожих на западноевропейские образцы вариантах [14].

В. О. Ключевский утверждая, Россия не Азия, но и не Европа; подчёркивал, что она своего рода посредница между этими мирами; она, Россия, культурно связана с Европой; но всегда влекло к Азии, так же как и Азию влекло в Россию. Тем самым Ключевский акцентировал внимание на культурных ментальных особенностях исторической эволюции России [15, с. 5, 13].

С. М. Соловьёв мог добавить к сказанному особенности природно-климатических условий эволюции России. Обширная равнина, где от Чёрного до Белого и от Каспийского до Балтийского морей невозможно встретить каких-либо значительных возвышений. Такое однообразие не допускает существования разнообразности трудовой деятельности, однообразие последней порождает те же процессы в ментальности; что, в свою очередь, исключает вражду между единоплеменниками; единообразные потребности допускают использование однообразные средства для разрешения той или иной социально-экономической проблемы. Таким образом, несмотря на свою обширность, несмотря на первоначальность разноплеменности населения, равнина становится единым государством. Что и произошло с Россией [16, с. 5–6].

Ещё один немаловажный аспект в выстраивании доказательности цивилизационной цепочки: исключительная важность речной сети европейской России и для экономики, и для складывания единого общества; что не просматривается в истории ни одного западноевропейского государства [17]. Добавить к этому стоит

наличие огромных лесных пространств, что также сыграло весомую роль в истории российской цивилизации. Лесные богатства (в первую очередь древесины) стали одним из факторов эволюции России, превратившись в средство выживания в непростых природно-климатических условиях [18, с. 246].

Не стоит сбрасывать со счётов выбор и значение православной веры Русью. По убеждению И. А. Ильина, именно православие дало россиянам правосознание и мирознание; чувства достоинства и самообладания [19, с. 97–99, 117–119].

В. С. Соловьёв не соглашался ни с И. А. Ильиным, ни с П. Я. Чаадаевым. По его мнению, в оформлении оригинальной российской цивилизации сыграли такие факторы, как монгольское нашествие и одностороннее влияние византизма. Но российскую цивилизацию нельзя назвать истинно христианской. Да, российская цивилизация имела религиозную основу, но религиозность сводилась лишь к «правоверию и обрядовому благочестию...» [20, с. 368–380].

Ф. М. Достоевский считал, что Россия, несмотря на тесную и общую историю со славянством (восточно-европейским, юго-восточным), во многом расходится с последним, не говоря о Западной Европе, ментальность населения которой не совпадает с российской [21, с. 580–584].

В самом начале 1920-х гг. в российской эмиграции сформировалось оригинальное мировоззренческое течение – «евразийство», где переплетались разнообразные, но оригинальные историософские идеи Г. В. Флоровского, П. Н. Савицкого, Н. С. Трубецкого, Г. В. Вернадского и ряда других мыслителей и историков [22; 23; 24; 25]. Россия не рассматривалась евразийцами как составная часть европейской христианской цивилизации, несмотря на геополитическую эклектику в её истории восточных влияний – того же византизма или ордынского ига.

Евразийцы утверждали, что оригинальность и неповторимость российской

цивилизации заключается в истории евразийского мира. Но формы данного своеобразия различаются друг от друга в разные эпохи, выражались в укладе российской жизни XII–XIV вв., в особенностях московского государства XV–XVII вв. и в Российской империи XVIII–XX вв. Несмотря на желание и стремление подражать Западу, даже Российская империя оставалась образованием, не имевшим аналогов ни в Европе, ни в Азии [24, с. 243–244, 292].

Г. В. Вернадский справедливо считал, что географические факторы влияли на формирование и структурирование всех стран. Однако наиболее «выпукло» данный фактор проявился в «формировании» истории и культуры российской государственности [25, с. 10–11].

Евразийские идеи об исключительности российской цивилизации, о её месте и роли, о взаимовлиянии России и Востока нашли отражение в исследованиях Л. Н. Гумилёва, который рядом своих положений реанимировал евразийство [26].

В работах современного исследователя В. И. Толстых по сути дано обобщение характеристик цивилизационного подхода, в т. ч. её составных частей: цивилизация – это многофакторный феномен, который отличается «многозначностью и смысловым плюрализмом». «Цивилизации характерна совокупность природно-климатических условий, географический и демографический факторы, уровень потребностей, знаний, навыков, экономико-технологический потенциал, социально-политические взаимоотношения, национальный состав социума, особенности социо-культурных ценностей (традиций)» [27, с. 5–6].

Как отмечают современные исследователи, в научных трудах представлены различные цивилизационные типологии. По мнению В. Б. Перхавко, если в основе типологизации явления цивилизации лежит верховенство какого-либо технологического базиса, то эволюцию той или иной цивилизации можно поделить на

3 периода: аграрный, промышленный и, наконец, информационный [8]. Общей характеристикой т. н. локальной цивилизации, считает историк О. Н. Мухин, выступает существование во всех мировых религиях, культуре и ментальности универсальных социальных ценностей [28, с. 376–379].

И. Н. Ионов считает, что, несмотря на то, что определения «локальная цивилизация» и «национальная культура» «связаны» по содержанию, но если история культуры изучает особенности материальной и духовной культуры, то история цивилизаций – основополагающие идеалы, которые создают целостность культуры [29].

К. В. Хвостова акцентировала внимание на «цивилизационных скрепах», критикуя ограничение границ цивилизаций только исключительно культурой. Согласно её трактовке, цивилизация – это «функциональные и корреляционные» связи, существующие между совокупностью социально-экономических и ментальных факторов, составляющими традиции, которые не подвержены изменению в длительный период [30, с. 199–203].

В. Черноус особенность российской цивилизации усматривал в определении самодержавия как «соборной сословной монархии, где представительные органы, обладая реальной властью, выступают не противовесом, а важнейшим условием укрепления власти царя, играют видную роль в легитимации новой династии Романовых» [31, с. 41–54].

Мухин подчёркивает, что оказавшись перед очередным «выбором пути», Россия при Петре I взяла курс на закрепление системы феодально-крепостнического абсолютизма, на оформление модели властной структуры военно-административного характера, на бескомпромиссную модернизацию всего общества [28, с. 383, 388–389, 392–393].

В. Б. Перхавко считает, что цивилизация целостная культурно-историческая структура, появившаяся как результат

деятельности того или иного этносоциума в определённых природно-климатических условиях, на основе определённого уровня хозяйствования, идеологии, материально-бытовых отношений и религии. Что касается локальной цивилизации, по мнению В. Б. Перхавко, то это динамичный культурно-исторический феномен, преодолевший в своём развитии несколько этапов и подвергавшийся ряду изменений, что предопределило сочетание традиций и новаций. Локальная цивилизация, таким образом, была сформирована историко-культурной социальной общностью людей, взаимосвязанных социально-экономическими, ментальными и этнокультурными отношениями. А локальные цивилизации образуют цивилизацию мировую, проходит несколько фаз – зарождение, эволюция и гибель [8].

Фазы эти состоят из социально-экономического базиса соответствующих ему социо-культурных явлений. Фазы не заграничены, одна может накладываться на иную, что является причиной порождения аморфности некоторых институциональных признаков у локальных цивилизаций.

В границах определённой локальной цивилизации также наличествуют признаки фаз, находящихся как в стадии зарождения, так и эволюции, а также кризиса и гибели. Именно поэтому локальной цивилизации присущи социально-культурная и хозяйственно-культурная многоукладность.

Функционирование цивилизации есть результат взаимодействия различных и противоречивых тенденций. Развитие ло-

кальной цивилизации проходит стадию не только прогресса, но и кризисов.

Российская цивилизация – суперэтническое образование, которое, однако, складывалось постепенно [8].

Заключение

Первоисточником цивилизационного подхода считается труд Н. Я. Данилевского, в котором были намечены основополагающие принципы данной методологии. Однако формационный подход в момент появления работ Данилевского, а также его сторонников-современников если и существовал, то исключительно вумозрительном виде, без эмпирического обоснования и теоретических выводов. А потому противопоставлять формационный и цивилизационный подходы, что присутствует в ряде работ отечественных исследователей, не правомочно.

Несмотря на то, что дискуссии вокруг цивилизационного подхода и цивилизации (русской, в частности) идут с начала 1990-х гг., ни по одному из проблемных вопросов цивилизационного подхода взаимопонимание не достигнуто, но в то же время, несмотря на существенные различия, все учёные соглашались с тем, что Россия – цивилизационный феномен.

Данное исследование, детально рассматривающее дискуссионные аспекты отечественных исследований, посвящённых анализу цивилизационного подхода представителями различных направлений исторической науки, может быть использовано в преподавании курса историографии отечественной истории и дальнейших научных разработок.

ЛИТЕРАТУРА

1. Савенков А. Н., Колтов А. Н. Цивилизационный подход к правам человека: к 75-летию Всеобщей декларации прав человека // Государство и право. 2023. № 11. С. 108–123.
2. Крестовский А. А. Научная и политическая значимость цивилизационного подхода Н. Я. Данилевского с учётом современных проблем и вызовов времени // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2020. № 4. С. 141–145.
3. Гнатенко Н. И. К вопросу о статусе «островного» подхода в отечественном научном цивилизационном дискурсе // Общество: философия, история, культура. 2023. № 4. С. 97–104.
4. Контарев А. А. Цивилизационный подход к проблеме идентичности России // Философия права. 2023. № 4. С. 204–212.

5. Каргаполов Е. П. Цивилизационная идентичность России: проблемы и решения // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2020. Т. 4 № 1. С. 61–69.
6. Багдасарян В. Э. Государство-цивилизация: методологические основания концепции и коллизии политического воплощения в современном мире // Государственная политика в контексте глобальных вызовов современности. М.: Издательство МГУ, 2021. С. 101–113.
7. Яковец Ю. В., Растворцев Е. Е. Система долгосрочных целей устойчивого развития цивилизаций. М.: URSS, 2017. 376 с.
8. Перхавко В. Б. Конечно, не Азия, но и совсем не Европа. Размышления о характере русской цивилизации // Независимое военное обозрение: [сайт]. URL: https://nvo.ng.ru/nauka/2025-09-23/9_12_451_russia.html (дата обращения: 23.09.2025).
9. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Азбука, 2025. 760 с.
10. Полевой Н. А. История русского народа М.: Рипол-Классик, 2024. 592 с.
11. Полевой Н. А. История Петра. Ч. 1–2. СПб.: Типография К. Жернакова, 1843. 736 с.
12. Чаадаев П. Я. Философические письма. М.: Азбука-классика, 2022. 224 с.
13. Устрялов Н. В. Политическая доктрина славянофильства. М.: РОССПЭН, 2010. 888 с.
14. Шахматов М. В. История древнерусских политических идей. М.: ВИФ, 2023. 520 с.
15. Ключевский В. О. Курс русской истории. М.: Альфа-книга, 2001. 1197 с.
16. Соловьёв С. М. Избранные труды. Записки. М.: Издательство МГУ, 1983. 440 с.
17. Соловьёв С. М. История России с древнейших времён. Т. 1. М.: Голос, 1993. 768 с.
18. Цамутали А. Н. Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX века. Л.: Наука, 1973. 256 с.
19. Ильин И. А. Возрождение России: о национальном вожде и духовном обновлении. М.: Родина, 2025. 320 с.
20. Соловьёв В. С. Несколько слов в защиту Петра Великого // Соловьёв В. С. Пётр Великий: pro et contra. СПб.: РХГИ, 2003. С. 368–386.
21. Достоевский Ф. М. Дневник писателя. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 880 с.
22. Соловьёв С. М. Работы разных лет. М.: Мысль, 1995. 744 с.
23. Флоровский Г. В. Хитрость разума // Флоровский Г. В. Из прошлого русской мысли. М., 1997. С. 7–27.
24. Савицкий П. Н. Научные задачи евразийства. М.: Викмо-М, 2018. 678 с.
25. Трубецкой Н. С. Европа и Евразия. М.: Родина, 2022. 304 с.
26. Вернадский Г. В. Русская история. М.: Аграф, 1997. 546 с.
27. Гумилёв Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: Эксмо, 2023. 736 с.
28. Толстых В. И. Российский выбор: В контексте реальной истории. М.: РОССПЭН, 2009. 173 с.
29. Мухин О. Н. Личность Петра I в контексте специфики процессов российской модернизации: историко-психологический анализ. Томск: Издательство Томского государственного университета, 2014. 447 с.
30. Ионов И. Н. Цивилизационное сознание и историческое знание: Проблемы взаимодействия. М.: Наука, 2007. 498 с.
31. Хвостова К. В. Византийская цивилизация как историческая парадигма. СПб.: Алетейя, 2009. 207 с.

REFERENCES

1. Savenkov, A. N., Koltov, A. N. (2023). Civilizational Approach to Human Rights: on the 75th Anniversary of the Universal Declaration of Human Rights. In: *State and Law*, 11, 108–123 (in Russ).
2. Krestovsky, A. A. (2020). Scientific and Political Significance of N. Ya. Danilevsky's Civilizational Approach Taking into Account Modern Problems and Challenges. In: *Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, 4, 141–145 (in Russ).
3. Gnatenko, N. I. (2023). On the Status of the "Island" Approach in the Domestic Scientific Civilizational Discourse. In: *Society: Philosophy, History, Culture*, 4, 97–104 (in Russ).
4. Kontarev, A. A. (2023). A Civilizational Approach to the Problem of Russia's Identity In: *Philosophy of Law*, 4, 204–212 (in Russ).
5. Kargapolov, E. P. (2020). Civilizational Identity of Russia: Problems and Solutions In: *Bulletin of Ke-*

- merovo State University. Series: Humanities and Social Sciences, 4-1, 61–69 (in Russ).
6. Bagdasaryan, V. E. (2021). State-Civilization: Methodological Foundations of the Concept and Collisions of Political Implementation in the Modern World. In: *Public Policy in the Context of Global Challenges of Our Time*. Moscow: Moscow State University Publ., 101–113 (in Russ).
 7. Yakovets, Yu. V. & Rastvortsev, E. E. (2017). *The System of Long-Term Goals for Sustainable Development of Civilizations*. Moscow: URSS Publ. (in Russ).
 8. Perkhavko, V. B. (2025). Certainly Not Asia, But Not Europe Either. Reflections on the Character of Russian Civilization Available at: https://nvo.ng.ru/nauka/2025-09-23/9_12_451_russia.html (accessed: 23.09.2025) (in Russ).
 9. Danilevsky, N. Ya. (2025) *Russia and Europe*. Moscow: Azbuka Publ. (in Russ).
 10. Polevoy, N.A. (2024). History of the Russian People. Moscow: Ripol-Classic. (in Russ).
 11. Polevoy, N.A. (1843). History of Peter the Great. St. Petersburg: K. Zhernakov Printing House, 1-2. (in Russ).
 12. Chaadaev, P.Ya. (2022). Philosophical Letters. Moscow: Azbuka-Classic. (in Russ).
 13. Ustrialov, N.V. (2010). Political Doctrine of Slavophilism. Moscow: Rosspen. (in Russ).
 14. Shakhmatov, M.V. (2023). History of Old Russian Political Ideas. Moscow: VIF. (in Russ).
 15. Klyuchevsky, V.O. (2001). Course in Russian History. Complete Edition in One Volume. Moscow: Alfa-Kniga Publishing House.. (In Russ).
 16. Soloviev, S.M. (1983). Selected Works. Notes. Moscow: Moscow State University Publishing House. (In Russ).
 17. Soloviev, S.M. (1993). History of Russia from Ancient Times. Moscow: Golos. (In Russ).
 18. Tsamutali, A.N. (1973). The Struggle of Currents in Russian Historiography in the Second Half of the 19th Century. Leningrad: Nauka. (In Russ).
 19. Ilyin, I.A. (2025). The Rebirth of Russia: On the National Leader and Spiritual Renewal. Moscow: Rodina Publishing House. (In Russ).
 20. Soloviev, V.S. (2003). A Few Words in Defense of Peter the Great In: Peter the Great: Pro et Contra. St. Petersburg: Russian Chemical Institute. (In Russ).
 21. Dostoevsky, F. M. (2010). *A Writer's Diary*. Moscow: Institute of Russian Civilization Publ. (in Russ).
 22. Soloviev, S.M. (1995). *Works from Different Years*. Moscow: Mysl Publ. (in Russ).
 23. Florovsky, G. V. (1997). The Cunning of Reason. In: Florovsky, G. V. *From the Past of Russian Thought*. Moscow (in Russ).
 24. Savitsky, P.N. (2018). *Scientific Tasks of Eurasianism*. Moscow: Vikmo-M Publ. (in Russ).
 25. Trubetskoy, N. S. (2022). *Europe and Eurasia*. Moscow: Rodina Publ. (in Russ).
 26. Vernadsky, G. V. (1997). *Russian History*. Moscow: Agraf Publ. (in Russ).
 27. Gumilyov, L. N. (2023). Ancient Rus' and the Great Steppe. Moscow: Eksmo. (in Russ).
 28. Tolstykh, V. I. (2009). *Russian Choice: In the Context of Real History*. Moscow: ROSSPEN Publ. (in Russ).
 29. Mukhin, O. N. (2014). *The Personality of Peter the Great in the Context of the Specifics of Russian Modernization Processes: A Historical and Psychological Analysis*. Tomsk: Tomsk State University Publ. (in Russ).
 30. Ionov, I. N. (2007). *Civilizational Consciousness and Historical Knowledge: Problems of Interaction*. Moscow: Nauka Publ. (in Russ).
 31. Khvostova, K. V. (2009). *Byzantine Civilization as a Historical Paradigm*. St. Petersburg: Aletheia Publ., Historical Book Publ. (in Russ).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Куренкова Евгения Алексеевна (г. Москва) – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Государственного университета просвещения;
e-mail: kurenkovagane@mail.ru; ORCID: 0000-0001-9697-953X

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeniya A. Kurenkova (Moscow) – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of History of Russia, Federal State University of Education;
e-mail: kurenkovagane@mail.ru; ORCID: 0000-0001-9697-953X

[illegible]

ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

2025. № 6

Над номером работали:

Ответственный редактор Л. В. Самсонова
Литературный редактор С. Ю. Полякова
Переводчик В. А. Дворянов
Компьютерная вёрстка А. В. Тетерин
Корректор А. А. Глазунова

Адрес редакции:

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайт: www.istpolitmgou.ru

Формат 70x108/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура "Minion Pro".

Тираж 500 экз. Усл. п. л. 8,25, уч.-изд. л. 9,5.

Подписано в печать: 24.12.2025 г. Дата выхода в свет: 30.12.2025 г. Заказ № 2025/12-33.

Отпечатано в ГУП

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А